РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

С О Ц И А Л Ь Н Ы Е
И
Г У М А Н И Т А Р Н Ы Е Н А У К И

О Т Е Ч Е С Т В Е Н Н А Я И З А Р У Б Е Ж Н А Я
Л И Т Е Р А Т У Р А

РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 11

СОЦИОЛОГИЯ

2019 – 4

Издается с 1991 года
Выходит 4 раза в год

МОСКВА 2019

ББК 60.5
С 69

DOI: 10.31249/rsoc/2019.04.00

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел социологии и социальной психологии

Редакционная коллегия серии «Социология»:

М.А. Ядова – канд. социол. наук, гл. ред., *Д.В. Ефременко* – д-р полит. наук, *Л.Н. Верчёнов* – канд. филос. наук, *Л.Д. Гудков* – д-р филос. наук, *М.В. Ильин* – д-р полит. наук, *Ю.А. Кимелев* – д-р филос. наук, *В.Г. Николаев* – канд. социол. наук, *Н.Н. Федотова* – д-р социол. наук, *А.Ф. Филиппов* – д-р социол. наук, *Е.В. Якимова* – канд. филос. наук, *Я.В. Евсеева* – отв. секретарь, ст. науч. сотр. отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН

Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2019. – № 4. – 196 с.

С 69

Данный номер журнала включает тематическую подборку рефератов, статей и обзоров о социологических проблемах образования, новых моделях получения знаний, а также материалы по теории и истории социологии, социологии неравенства, политической социологии, социологии управления, разделы «Научная жизнь» и «Социологическая классика».

ББК 60.5

ISSN 2219-8830

© ИНИОН РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ОБРАЗОВАНИЕ И ПОЛУЧЕНИЕ ЗНАНИЙ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ РАКУРСЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

2019.04.001. А.Ю. Долгов. Меняющееся образование: Новые модели обучения и получения знаний: *Введение к тематическому разделу* 6
2019.04.002. Международные перспективы в сфере образования пожилых людей / под ред. Б. Финдсена, М. Формозы 10
2019.04.003. Чхве Ч., Ким Ч. Балансируя между скандинавской моделью и неолиберализмом: Обучение в течение всей жизни в Южной Корее 35
2019.04.004. Ю.В. Никуличев. «Стило сильнее меча»: К вопросу о социокультурных основаниях образовательной системы Японии 38
2019.04.005. Ю.Ю. Черный. Медиаобразование в эпоху Четвертой промышленной революции: Российский подход. 46
2019.04.006. А.Ю. Долгов. Как меняются публичные библиотеки: От «хранилищ знаний» к пространству открытого равного доступа, защиты прав и гражданского участия. (Обзор) 50

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

2019.04.007. Лальман М. 50 лет социологии: Общая картина 67
2019.04.008. Саврански М. Социальное и его проблемы: К вопросу о проблемной социологии 75
2019.04.009. Алвесало-Кууси А., Уайт Д. Как нам изучать сильных мира сего: За реконструкцию исследовательской этики ... 81

2019.04.010. М.А. Ядова. К вопросу о модернизационном капитале 88
2019.04.011. Тощенко Ж.Т. Прекариат: От протокласса к новому классу: Монография 92

СОЦИОЛОГИЯ НЕРАВЕНСТВА

2019.04.012. Социальная справедливость в современном мире: Сб. статей / редколл.: Л.И. Никовская (отв. ред.), В.Н. Шевченко, В.Н. Якимец 97
2019.04.013. Кларк Г. Отцы и дети: Фамилии и история социальной мобильности / пер. с англ. Н. Эдельмана; науч. ред. перевода А. Володин 107

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

2019.04.014. Кумар С. Раскрывая загадку исламской угрозы: Западные представления о столкновении цивилизаций и поиск онтологической безопасности 112
2019.04.015. Бизли Р.К., Каарбо Дж. Кастинг на роль суверенного государства: Социализация страны-кандидата в рамках референдума о независимости Шотландии. 115
2019.04.016. Бейене Э., Хан А., Али М.С. Динамика развития отношений между Эфиопией и Суданом в контексте гидрополитики Нила 119

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

2019.04.017. А.А. Раренко. Особенности организационной культуры инновационных предприятий. (Обзор) 128

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

2019.04.018. А.М. Понамарева. Заседание секции «Разделенные общества в разделенном мире: Ценности, идентичности, образы будущего» (V Международный научно-экспертный форум «“Примаковские чтения”: Возвращение к конфронтации: Есть ли альтернативы?», 10–11 июня 2019 г.). (Отчет) 135

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

2019.04.019. Рэдклифф-Браун А.Р. Африканские политические системы: Предисловие. (Перевод с англ.) 140
2019.04.020. Проново Ж. Общество и досуг. (Реферативный перевод с англ.) 156
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ЗАГЛАВИЙ РАБОТ, ОПИСАННЫХ НЕ НА АВТОРА 191
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (№ 1–4, 2019) 192

ТЕМА НОМЕРА: ОБРАЗОВАНИЕ И ПОЛУЧЕНИЕ ЗНАНИЙ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ РАКУРСЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

2019.04.001. А.Ю. ДОЛГОВ. МЕНЯЮЩЕЕСЯ ОБРАЗОВАНИЕ: НОВЫЕ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ И ПОЛУЧЕНИЯ ЗНАНИЙ: *Введение к тематическому разделу.*
A. Yu. Dolgov. Changeful education: New models of learning and acquiring of knowledge: *Introduction to the thematic section*. DOI: 10.31249/rsoc/2019.04.01

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции в области российского образования, связанные, с одной стороны, с запросом на непрерывное обучение, с другой – с растущим скептицизмом в отношении традиционных институтов образования; обсуждается опыт других стран.

Abstract. The article considers educational trends in Russia related, on the one hand, to the demand for lifelong learning, and on the other hand, to the growing skepticism about traditional educational institutions; experience of other countries is discussed.

Ключевые слова: непрерывное образование; высшее образование; технологии и образование; публичные библиотеки.

Keywords: lifelong learning; higher education; technology and education; public libraries.

Сфера образования динамично меняется, открывая перед исследователями множество новых проблем и направлений для изучения. Социология образования является очень популярной областью исследования, во многом благодаря тому, что на работу в этой тематике есть запрос как со стороны государственных и бизнес-структур, которые с помощью повышения качества образования

решают вопросы эффективности управления, экономического роста и научно-технологического развития, так и со стороны большинства людей, в представлении которых образование – это вклад в улучшение своего благосостояния и самосовершенствование.

Одна из особенностей сферы образования состоит в том, что в своем развитии она опирается на традицию, но при этом к ней предъявляется требование соответствовать меняющимся социальным условиям. Иными словами, институты образования стремятся сохранять преемственность, но вместе с тем они вынуждены гибко реагировать на происходящие изменения.

Глава Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for international student assessment, сокращ. PISA) Андреас Шляйхер в интервью изданию «КоммерсантЪ» в числе главных тенденций в области глобального образования особо выделил то, что сегодня отчетливо осознается необходимость учиться на протяжении всей жизни: «Раньше мы могли переходить от школьного к вузовскому образованию, а после использовать свои навыки на протяжении всей оставшейся жизни. Сегодня изменения в технологической и социальной сферах происходят так быстро, что мы должны продолжать учиться на протяжении всей жизни. Раньше люди учились выполнять работу, а теперь обучение стало работой» [Шляйхер, Миронова, 2019]. Поскольку непрерывное образование стало точкой пересечения интересов государства, бизнеса и работников [см., например: Коршунов, Гапонова, Пешкова, 2019], сегодня на его развитие выделяется все больше ресурсов и возникают различные модели образовательной политики.

Одновременно с возрастающим интересом к непрерывному обучению чему-то новому можно зафиксировать другую тенденцию – растущий скептический настрой людей в отношении значимости и ценности высшего образования. Например, по данным опроса ВЦИОМ, проведенного в 2019 г., 58% жителей России считают, что высшее образование помогает строить успешную карьеру и облегчает достижение жизненных целей (хотя в 2008 г. таких людей было больше – 76%); при этом увеличилась доля людей, считающих, что высшее образование не является обязательным условием удачной карьеры (45% в 2008 г. и 68% в 2019 г.) и не оказывает существенного влияния на уровень материального благо-

состояния (47% в 1991 г. и 70% в 2019 г.) [Высшее образование.., 2019].

Таким образом, в случае с российским образованием можно увидеть столкновение двух тенденций: одна связана с увеличивающейся востребованностью постоянного получения новых знаний и навыков, другая – с растущим недоверием к традиционным институтам образования как инструментам, способствующим трудоустройству, построению карьеры и росту финансового достатка.

Каким образом разные страны решают эти и другие проблемы образования? Как в образовательной сфере сочетаются традиционное и современное, преемственность и изменения? Какие новые институты передачи знаний и образования возникают? Какое влияние на изменения в образовательной сфере оказывают технологии? Эти и другие вопросы рассматриваются в тематической подборке материалов.

Открывает подборку реферат книги, посвященной образованию пожилых людей в 42 странах (под редакцией Брайена Финдсена из Университета Вайкато, г. Гамильтон, Новая Зеландия, и Марвина Формозы из Мальтийского университета, г. Мсида, Мальта) [International perspectives.., 2016]. Несмотря на то что ситуация с образованием пожилых в разных странах складывается в зависимости от различных специфических особенностей, специалисты отмечают, что еще никогда непрерывное образование не было так востребовано во всем мире, формируя отчетливый глобальный тренд. В статье, посвященной России, показано, что существует множество направлений, по которым реализуются программы образования в течение всей жизни, но эту работу пока нельзя назвать системной, и для ее качественного улучшения не хватает более целенаправленной государственной поддержки.

В статье Чжихи Чхве (Университет штата Пенсильвания, г. Юниверсити-Парк, США) и Чонхвана Кима (Университет Оклахомы, г. Норман, США) рассматривается южнокорейская модель непрерывного образования, соединившая в себе характеристики скандинавской образовательной системы и принципы неолиберальной политики. Система непрерывного образования в Южной Корее сочетает в себе коммерциализацию (неолиберализм), социально ориентированные программы (скандинавская модель) и мест-

ный контекст, связанный с конфуцианством, глобализацией, локальным традиционализмом и централизацией [Choi, Kim, 2018].

Интересен опыт развития образования в другой азиатской стране – Японии. Ю.В. Никуличев в своей статье рассматривает, какие факторы повлияли на то, как эта страна смогла достичь признанных успехов в высоком качестве образования и уровне грамотности населения. Ответ автор находит в японской культуре и ценностях. Ю.В. Никуличев отмечает, что ставка на развитие человеческого капитала в условиях ограниченности природных ресурсов и формирование гибкой системы образования, сочетающей различные формы и уровни обучения, оправдалась благодаря чему Япония обеспечила себе быстрый темп экономического развития.

Важный вопрос трансформации образования в XXI в. связан с развитием информационных технологий. В публикуемом тексте доклада Ю.Ю. Черного рассматривается, как образование изменяется в условиях внедрения новых технологий и способов коммуникации. В меняющихся социальных условиях автор предлагает развивать медиаобразование, учитывая три основных принципа: 1) изменение психологической установки; 2) теоретическое знание; 3) практические компетенции.

Завершает тематическую подборку обзор, посвященный изменению роли публичных библиотек. Эти традиционные «институты знаний» теперь не только хранят и предоставляют доступ к информации, но и становятся публичными пространствами, в которых разворачивается борьба за права человека и реализуются гражданские инициативы. Библиотеки стремятся стать открытыми для всех, не ограничиваясь при этом функцией хранилищ, и это меняет саму суть их работы, что, безусловно, требует осмысления.

Представленный тематический раздел охватывает лишь малую часть тех исследовательских проблем, которые сегодня решаются в социологии образования, но подобранные материалы отражают ряд важных сюжетов, определяющих ситуацию в сфере обучения и получения знаний в разных странах мира.

Список литературы

Высшее образование: Социальный лифт или потерянное время? / ВЦИОМ. – М., 2019. – 18 июля. – Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9808 (Дата обращения: 22.08.2019.)

Коршунов И.А., Гапонова О.С., Пешкова В.М. Век живи – век учись: Непрерывное образование в России / под ред. И.Д. Фрумина, И.А. Коршунова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 310 с.

Шляйхер А., Миронова К. «Раньше люди учились выполнять работу, а теперь обучение стало работой» // КоммерсантЪ. – М., 2019. – 30 июля. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4046467 (Дата обращения: 22.08.2019.)

Choi J., Kim J. Dancing between Nordic and neoliberal: Lifelong learning in South Korea // J. of adult a. continuing education. – L., 2018. – Vol. 24, N 1. – P. 5–17.

International perspectives on older adult education / ed. by B. Findsen, M. Formosa. – Cham: Springer, 2016. – XIX, 519 p.

2019.04.002. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ / под ред. Б. Финдсена, М. Формозы.

International perspectives on older adult education / ed. by B. Findsen, M. Formosa. – Cham: Springer, 2016. – XIX, 519 p.

Ключевые слова: образование взрослых; образование пожилых; университеты третьего возраста; формальное и неформальное образование; грамотность.

В предисловии к реферируемой книге известный андрагог Алан Таккетт (Вулверхэмптонский университет, Великобритания) отмечает, что в эпоху «образования для всех» сохраняется значительная разница между риторикой международных договоров и практикой на местах, между научной теорией и образовательной политикой. Лучшие практики в данной сфере, по его словам, способствуют улучшению качества жизни пожилых людей, обеспечивая содержательное общение, активность, познание. Ведь пожилым людям, как никому, известно, что обучение не сводится к экономической продуктивности, а несет в себе еще радость, песни, истории, дискуссии и мечты – иными словами, то, что нужно для жизни, которая стоит того, чтобы жить.

Редакторами данной монографии стали также известные специалисты в области образования взрослых – Брайен Финдсен (Университет Вайкато, г. Гамильтон, Новая Зеландия) и Марвин Формоза (Мальтийский университет, г. Мсида, Мальта). Как они утверждают во введении, обучение в течение всей жизни никогда еще не было настолько востребовано. Оно, в частности, соответствует идеям активного старения, играющим важную роль в современном мире. Конечно же, ситуация в разных странах и регионах

существенно разнится. И даже в более благополучных странах за бортом образования остаются многие группы пожилых людей – в частности, мужчины; сельские жители; представители этнических меньшинств; люди, живущие с инвалидностью / хроническими заболеваниями; подчас им помогают инициативы в области неформального образования[1] и деятельность НКО. При этом, пожалуй, самым заметным феноменом в области образования пожилых стали университеты третьего возраста, основывающиеся на нескольких моделях – западноевропейской (французской), англосаксонской, франкоканадской, южноамериканской и китайской.

Реферируемая монография содержит введение, заключение и 42 главы, посвященные ситуации с образованием пожилых в этих странах и написанные местными специалистами в данной сфере. Тексты были призваны охарактеризовать исследования, политику и практику. Редакторы предложили будущим авторам ответить на следующие вопросы. Как сформировалась текущая ситуация и какие организации и индивиды оказали на нее влияние? Какова современная структура и в чем заключаются ее теоретические основы? Насколько велика роль государства? Кто извлекает выгоду из современной ситуации? Каковы актуальные проблемы и каким видится будущее? Также по возможности требовалось привести пример удачной практики. Редакторы стремились включить страны с разным уровнем экономического развития. Тем не менее представленными оказались не все регионы. Финдсен и Формоза признают отсутствие стран Ближнего Востока и Северной Африки, в частно-

[1] Авторы, пишущие на английском языке, выделяют три вида образования / обучения: formal (протекает в стенах учебного заведения, с четким обозначением ролей преподавателя и ученика, в рамках учебного плана и с обязательной аттестацией), non-formal (занятия могут проходить и не в образовательных учреждениях; учебные курсы основываются на опыте и интересах учащихся; студенты могут выступать в роли преподавателей; обучение может включать в себя как академические дисциплины, так и досуговые занятия; аттестация необязательна; сюда относится и самообразование), informal (спонтанное познание в ходе любой деятельности). Причем последний вид в силу отсутствия интенции обычно именуется обучением (learning), а не образованием (education). В отечественной литературе принято деление на формальное и неформальное образование, однако российские авторы, стремящиеся к более тонкой классификации, пишут, соответственно, о формальном, неформальном и информальном обучении (образовании). – *Прим. реф.*

сти такой важной страны, как Египет. В ряде случаев подобные пробелы объяснялись техническими проблемами, прежде всего отсутствием англоговорящих специалистов. Различным аспектам в разных главах уделено больше или меньше внимания, в том числе в силу существующего уровня развития системы образования пожилых. Редакторы благодарны исследователям за участие: некоторым из них приходилось готовить свои тексты в ситуации военных конфликтов и эпидемий; другие не отразили ситуацию в полной мере, опасаясь преследования со стороны властей. Финдсен и Формоза ожидают, что в будущем меняющаяся ситуация в мире заставит даже страны, упорствующие в своем непризнании важности образования для своих пожилых граждан, начать создавать благоприятные условия для обучения в течение всей жизни.

Ниже следует краткое описание ситуации с образованием пожилых в 42 странах.

Австралия. Согласно статистическим данным за 2006 г., обучение проходил 1% австралийцев старше 55 лет [с. 27]. Однако Барри Голдинг (Федеральный университет Австралии, г. Балларат) и Хелен Кимберли (Братство св. Лаврентия, г. Мельбурн) не доверяют данной статистике, поскольку она не учитывает различные возможности для обучения в местных сообществах, такие как группы взаимопомощи (в которых задействовано 66% пожилых австралийцев) и пр. Не принимает она во внимание и такое важное явление, как «мужские ангары» («men's sheds», организации, деятельность которых направлена на улучшение мужского здоровья; многие их участники пожилого возраста). Авторы утверждают, что Австралии необходима общенациональная политика, ориентированная на пожилых людей, в том числе в образовательной сфере.

Австрия. Австрия обладает богатыми традициями в области обучения взрослого – и пожилого – населения, являясь одной из стран, где складывались теория и практика как андрагогики, так и герагогики. На данный момент порядка полумиллиона людей старшего возраста (60% женщины) посещают около 46 тысяч различных курсов в образовательных центрах для взрослых и в университетах. Основой обучения служит экспериентально-биографический подход, привлекающий собственный опыт обучающихся. Наибольший интерес у слушателей вызывают курсы, посвященные здоровью и заботе о теле, а также изучение иностранных языков.

Франц Колланд и Анна Ванка (Венский университет) полагают, что в будущем больше внимания должно уделяться вопросам экологии и гражданского участия.

Аргентина. Хосе-Альберто Юни и Клаудио-Ариэль Урбано (Национальный университет Катамарки, г. Сан-Фернандо-дель-Валье-де-Катамарка) указывают, что в Аргентине самый высокий процент пожилого населения в Латинской Америке. Институционализация образования для пожилых людей началась в 1980-е годы. Сейчас 24 университета из 47 предлагают курсы для пожилых учащихся. Концептуально они основываются на идее, что университет служит местному сообществу. Открыты и университеты третьего возраста. Основные курсы посвящены ИКТ, здоровью, гражданственности. Среди аспектов, которые требуют внимания, авторы главы называют нехватку высококвалифицированных преподавателей, недостаток программ для профессиональной переподготовки пожилых и невнимание к гендерному дисбалансу (более 90% пожилых учащихся – женщины).

Ботсвана. Образование пожилых в Ботсване не институционализировано; обучение в этом возрасте носит здесь преимущественно неформальный характер. Ребекка Лекоко (Университет Ботсваны, г. Габороне) предлагает выстроить систему образования для пожилого населения на основе уже имеющихся пространств, среди которых библиотеки, культурно-досуговые центры и общинные собрания; она полагает важным сочетать зарубежный опыт и местные традиции.

Бразилия. Мейри Кашони (Университет Сан-Паулу) и ее коллеги отмечают, что в стране по-прежнему высокий уровень неграмотности. Проведенное в 2004 г. в 204 городах исследование показало, что из респондентов старше 60 лет 18% не получили никакого формального образования, 27% полностью неграмотны, еще 22% пишут и читают с трудом [с. 70]. Система обучения взрослых начала формироваться в 1960-е годы по инициативе правительства и католической церкви; ее основной целью была борьба с неграмотностью. С 2002 г. бесплатное начальное образование доступно всем независимо от возраста. В 1970–1980-е годы появились курсы для пожилых и университеты третьего возраста. Посещают эти занятия в основном женщины с уровнем образования и достатка выше среднего.

Великобритания. Александра Уитнолл (Уорикский университет, г. Ковентри) сообщает, что более трети населения Великобритании сейчас составляют люди старше 50 лет. По ее словам, непрерывное образование и, в частности, образование пожилых развиваются здесь исключительно динамично. В результате серии семинаров в Килском университете в начале 1980-х годов были созданы Ассоциация образовательной геронтологии (позже переименованная в Ассоциацию образования и старения) и один из ведущих журналов в данной области *International journal of education and ageing*. В конце 1980-х годов в Университете Стратклайда в Глазго были запущены первые программы для пожилых учащихся. В настоящее время в округах, музеях, центрах дневного пребывания и др. организуются занятия искусствами и ремеслами, историей и пр.; в последнее время повышается качество программ для постояльцев домов для престарелых. Увеличивается число пожилых работников, участвующих в программах повышения квалификации. Растет значимость онлайн-курсов и межпоколенческих проектов (автор, в частности, упоминает получившую широкое признание инициативу, в рамках которой воспоминания пожилых о Второй мировой войне позволили школьникам больше узнать об этих событиях). Наиболее же значимым проектом стала британская модель университета третьего возраста, которая представляет собой самоорганизующиеся группы пожилых людей, выбирающие интересные им темы и предметы, а также досуговые практики. Сейчас, по мнению Уотнолл, необходимо больше исследований, изучающих, как непрерывное обучение может улучшить жизнь индивидов, сообществ и общества в целом.

Гана. Майкл Тагое (Ганский университет, г. Легон) посвящает свою главу неформальному обучению людей старшего возраста, находящихся в промежуточном положении между полной занятостью и окончательным прекращением трудовой деятельности. Работники бюджетной сферы в Гане выходят на пенсию в 60 лет, однако наблюдается острая нехватка молодых кадров, так что, в частности, преподаватели, врачи и медсестры старше указанного возраста продолжают работать, обычно в частных учреждениях, полный или неполный день либо по гибкому графику. В интервью автору главы они рассказали, как учатся у своих коллег и студен-

тов, а также в процессе освоения новых технологий и новых профессиональных сфер.

Германия. В то время как в ГДР не было специальных образовательных программ для пожилых, в ФРГ в 1970-е годы появились первые курсы для людей, выходящих на пенсию, с тем чтобы подготовить их к пенсионному периоду жизни, а на рубеже 1970–1980-х годов открылись первые университеты третьего возраста. Федеральное правительство задает общее направление образовательной политики, а земли ответственны за конкретные проекты. Кроме того, популярность приобрели группы взаимопомощи, обеспечивающие неформальное обучение. Бернхард Шмидт-Герта (Тюбингенский университет) придерживается мнения, что большую роль в обучении в старшем возрасте играет индивидуальная биография; так, среди индивидов 65–80 лет с более высоким образовательным уровнем обучаются на пенсии 26%, а с более низким – 7% [с. 138]. То же касается и неформального обучения. Тем не менее есть исследования, согласно которым обучение в любом возрасте способно, по крайней мере частично, компенсировать недостатки предыдущего образования [там же]. Первые исследования образования пожилых в Германии относятся к 1970–1980-м годам. Среди актуальных современных тем автор выделяет следующие: повышение квалификации, переподготовка и вторая карьера; развитие компетенций в пожилом возрасте, мудрость; образовательные потребности и перспективы самых старших – людей старше 80–85 лет; представления о пожилых в обществе и их представления о себе как контекст обучения.

Гонконг. С каждым десятилетием, отмечают Эрнест Чуй (Университет Гонконга) и Синьи Жао (Пекинский университет), уровень образования людей старше 65 лет в Гонконге повышается. Так, между 2001 и 2011 гг. количество людей этого возраста, не получивших никакого образования, снизилось с 42% до менее чем 32%, а число обладателей университетских дипломов возросло с 3% до 5% [с. 170]. С 1960-х годов Гонконг переживает интенсивное экономическое развитие. Несколько десятилетий в фокусе внимания правительства была молодежь и ее профессиональная подготовка. Тем не менее старение населения заставило его обратить внимание на нужды пожилых. Созданная в 1997 г. правительственная комиссия по делам пожилых занялась в том числе и вопросами

образования. В данное время доступны следующие возможности: различные образовательные центры, включая университеты третьего возраста; межпоколенческие проекты; обучение по радио и Интернету (пользователями Сети являются около 10% людей старше 65). По мере того как все больше бэби-бумеров будут достигать старшего возраста, заявляют авторы, спрос на образование будет расти, и решение этого вопроса потребует усилий со стороны и правительства, и неправительственных организаций.

Греция и Кипр. Обе страны пострадали от экономического кризиса. Образовательные услуги здесь в данное время не выделены в отдельную область; они большей частью оказываются в центрах социального обслуживания, где социальные работники проводят занятия с пожилыми, большая часть которых обладает достаточно низким образовательным уровнем. В Греции центры образования взрослых прекратили свое существование в 2011 г.; на Кипре они предоставляют несистематические курсы. По мнению Георгиоса Царифиса (Университет им. Аристотеля в Салониках), основной проблемой является отсутствие целенаправленной государственной политики в данной области.

Зимбабве. Стэнли Мпофу (Национальный университет науки и техники, г. Булавайо) заявляет, что образования пожилых в стране не существует и можно говорить лишь об образовании взрослых в целом. После обретения независимости в 1980 г. интенсивно развивалось школьное образование, а также образование молодежи. В последние годы наблюдается снижение показателей на всех уровнях. В ряде сельских районов начальное образование получают не более 20% детей; учительские вакансии заполняются на треть, и более трети преподавателей не обладают необходимой квалификацией [с. 496]. В образовании взрослых отсутствует единая система подготовки и аккредитации. Существующие на данный момент возможности включают в себя: «параллельные классы» в университетах в вечернее время и в выходные; модульное обучение в рамках кратких учебных отпусков; дистанционное обучение (доступное меньшинству). Правительство также обеспечивает обучающие программы по сельскому хозяйству, где большинство составляют люди старшего возраста; обучаются пожилые – в основном женщины – и грамоте. Автор полагает, что образованию в Зимбабве недостает регулирования, в том числе правового; по его

мнению, формальное и неформальное образование должны быть уравнены в правах, а работа в области обучения взрослых должна обрести престиж в обществе.

Индия. Из 90 млн пожилых индийцев 35 млн неграмотны [с. 180] (по данным 2004 г., грамотность деревенских женщин составляла 12% [с. 183]). Задача преодоления неграмотности среди взрослого населения была заявлена правительством в конце 1980-х годов, а в конце 1990-х годов была впервые разработана государственная политика в отношении пожилых, причем образование как приоритет было обозначено только десятилетие спустя. В данное время существует сеть университетов третьего возраста, занятия в которых (популярные программы – компьютер, история, география, языки, литература, религия) посещают более обеспеченные городские жители. В качестве примера удачной практики Иланго Поннусвами (Университет Бхаратидасан, г. Тируччираппали) приводит занятия для неграмотных и малограмотных пожилых сельчанок, дающие им базовые инженерные знания, чтобы они могли помочь своим сообществам.

Индонезия. Возраст выхода на пенсию служащих в Индонезии – 58 лет (пенсию получают служащие и военные, порядка 4% населения [с. 198]). Как сообщают Клара Кусхарто (Сельскохозяйственный университет Богора) и Нугрохо Абикусно (Университет Трисакти, г. Джакарта), в большинстве государственных организаций и частных компаний доступны программы подготовки к пенсии (они включают в себя занятия по здоровому образу жизни, финансовому планированию и построению второй карьеры). В университетах 15 из 33 провинций страны организованы «серебряные колледжи», ориентированные на развитие теории и практики обучения пожилых индонезийцев, в большинстве своем не получивших формального образования. В деревнях проводятся совместные занятия физкультурой, оказывается помощь местным мелким предпринимателям.

Испания. Мариано Санчес-Мартинес (Гранадский университет) и Хуан Саес (Университет Мурсии) отмечают, что в стране в последнее время появилось немало образовательных возможностей для людей старше 60 лет (в 2013 г. составлявших 23% населения [с. 411]). Во-первых, это центры образования взрослых (в 2010/11 учебном году около 8% учащихся здесь были старше 64 лет и по-

лучали образование разных ступеней – от грамоты до среднего образования). Во-вторых, это народные университеты при муниципалитетах, действующие по всей стране и ставящие себе задачу содействия культурному и образовательному развитию пожилых граждан; основные занятия в них – компьютер, литературное творчество, школьные предметы, тренировка памяти, физкультура и др. В-третьих, авторы пишут о центрах обучения в зрелом возрасте (испанский аналог университетов третьего возраста), предлагающих курсы, в частности, по компьютерной грамотности, истории искусств, иностранным языкам, живописи, литературе, драматургии, и т.п. В-четвертых, испанские университеты предлагают специальные программы для пожилых людей, позволяющие им получить высшее образование. При этом авторы главы утверждают, что с точки зрения методологии обучение пожилых в Испании значимо не отличается от обучения других возрастных групп, в то время как именно этой образовательной области, как никакой другой, нужны инновационные подходы – именно в этом Санчес-Мартинес и Саес видят вызов для испанского образования пожилых в будущем.

Италия. Италия характеризуется самой высокой средней продолжительностью жизни в Европе (порядка 83 лет), что в сочетании с ранним выходом на пенсию (62 года при трудовом стаже в 38 лет) обеспечивает длительный пенсионный период в жизни. При этом пенсионному обеспечению правительство отдает приоритет перед остальными социальными услугами. Формальное образование в стране представлено университетами третьего возраста. Ряд спортивных ассоциаций организуют спортивные занятия для пожилых. С 1970-х годов существуют досуговые центры в муниципалитетах – здесь проводятся игры, танцевальные вечера, экскурсии, а также занятия по компьютерной грамотности, искусствам, языкам; часто устраиваются занятия, которые могут быть интересны всей семье. Еще одна возможность для неформального обучения (саморазвития и приобретения различных навыков) – волонтерские организации (крупнейшая из них, AUSER, включает 300 тыс. членов). Будущее итальянской системы образования для пожилых Елена Луппи (Болонский университет) видит в развитии межпоколенческих проектов, для чего в силу традиций в стране есть все условия.

Канада. Страна исключительно разнообразна в географическом, этническом, социально-политическом и лингвистическом отношении. Возможности (от доступа в Интернет до образовательных курсов) в крупных городах значительно отличаются от таковых в сельских районах. Образование взрослых по большей части находится в ведении провинций и, соответственно, разнится от региона к региону. Образовательная сеть *Third Age Network* в провинции Онтарио, ориентированная на людей третьего возраста, предоставляет шанс прослушать университетские лекции, а также дает пожилым людям возможность самим стать модераторами занятий для сверстников. При этом формальное образование не вызывает большого интереса у слушателей, уступая всем способам получения знаний, за исключением радио [с. 83]. Пэт Спадафора и Лиа Тсотсос (Колледж Шеридан, г. Оквилл) считают, что в будущем канадское образование для пожилых должно сочетать формальное и неформальное обучение и не игнорировать людей самого старшего возраста.

Кения. Как пишут Флорида Амакобе Карани и Дэвид Мачария (Университет Найроби), импульсом для формирования системы образования взрослых в конце 1970-х годов стала борьба с неграмотностью. По состоянию на 2007 г. среди людей старше 65 лет грамотных насчитывалось менее 28%, среди людей старше 70 лет – менее 11%; при этом между регионами наблюдаются существенные различия (в Найроби 87% грамотных взрослых, в Северо-Восточной провинции – 8% [с. 225]). В ситуации нехватки специальных программ для людей старшего возраста некоторые пожилые посещают начальную и среднюю школу вместе с детьми. Высшее образование среди пожилых получают единицы. Наряду с этим имеет место традиционное неформальное обучение. Кроме того, в общинных домах местные жители, в том числе пожилые, занимаются традиционными ремеслами, играют в игры, дают советы и т.п. Авторы отмечают, что впервые потребности пожилых нашли свое отражение в государственной политике в 2000-х годах, хотя на практике формальное образование для людей старшего возраста пока не нашло своего воплощения; тем не менее с ростом числа образованных пожилых людей эта ситуации будет меняться.

Китай. Как отмечают Синьи Жао (Пекинский университет) и Эрнест Чуй (Университет Гонконга), у современных пожилых все

еще достаточно низкий уровень образования (из пожилых, проживающих в сельской местности, около 51% не получили никакого образования, менее 1% окончили университет; для города эти показатели составляют 16 и 7%, соответственно [с. 100]). Конфуцианство – философская основа китайского образования – гласит, что все люди обучаемы, а обучение продолжается в течение всей жизни. В 1980-е годы правительство, проводник социальной политики в стране, начало продвигать образование для пожилых, сначала для пенсионеров, затем для всех людей старшего возраста. Сейчас наряду с государственными университетами третьего возраста существует и небольшое количество частных, взимающих невысокую плату за обучение. В то время как в городах программы ориентируются на стандартные европейские образцы (из уникального – каллиграфия и игра на национальных инструментах), в деревне они ориентируются на практику и включают животноводство и сельскохозяйственные технологии. Различные обучающие курсы доступны также по телевидению и в Интернете. В 2002 г. был снят возрастной ценз на университетское образование, так что пожилые люди при желании могут получить и обычное университетское образование. На данный момент проходят обучение около 2% пожилых, а правительство уже, как утверждают авторы, не справляется с растущим спросом, так что, по их мнению, система вскоре потребует реформирования.

Колумбия. За исключением обеспеченного меньшинства бóльшая часть населения страны живет в крайней бедности. Среди пожилых немало бедных – а также неграмотных. В деревнях количество неграмотных пожилых достигает 70%. В настоящий момент в ряде государственных университетов можно обучиться грамоте. Разнообразные курсы предоставляют частные организации, но позволить себе их может меньшинство населения. Проведенные автором главы Мигелем-Альберто Гонсалесом-Гонсалесом (Университет Манисалеса) интервью с пожилыми колумбийцами показали, что те ощущают себя забытыми правительством и своей страной.

Лесото. Глава, написанная Джулией Прис (Дурбанский технологический университет, г. Питермарицбург, ЮАР) и Дэвидом Крумом (Национальный университет Лесото, пос. Рома), открывается описанием процесса традиционного обучения с его устной традицией и освоением на практике основных занятий племени.

Старшие члены племени были в этой системе главным источником знания и олицетворением мудрости. Колониальные годы в значительной степени разрушили традиционное обучение. Сейчас порядка 8% населения составляют люди старше 60 лет, и около 86% из них живут в сельских районах [с. 236]. Бóльшая часть населения занята в неформальной экономике и трудится до тех пор, пока есть силы, оттого четкое представление о пожилом возрасте отсутствует; на пенсию, выплачиваемую с 70 лет, может претендовать меньшинство. Страна подписала международные хартии о всеобщем образовании, однако образование для взрослых по большей части означает базовую грамоту. Национальный университет Лесото предоставляет курсы (очно и дистанционно) уровня выше начальной школы, и среди обучающихся есть небольшое число людей старше 60 лет (таким уровнем образования обладает 3% людей этого возраста в стране [с. 239]). К неформальному обучению авторы относят общинные собрания и посещение церкви.

Малайзия. Рахима Бинти Ибрагим (Университет Путра, г. Сери-Кембанган) и ее коллеги указывают, что Малайзия присоединится к «старым» нациям в 2035 г., когда количество людей старше 60 лет в ней достигнет 15%. Число пожилых людей, не получивших никакого образования, последовательно снижается и на 2010 г. составляло 56,5% [с. 248]. В конце 2000-х годов обучение в течение всей жизни было обозначено в качестве приоритета правительством страны. Практически во всех штатах организованы общественные колледжи, открытые для всех взрослых граждан; пожилым и инвалидам здесь предоставляются краткосрочные бесплатные курсы. С 2005 г. индивиды в возрасте 50 лет и старше могут получить высшее образование в Университете Сайнс (шт. Пинанг) с 50%-ной скидкой. В 2008 г. в шт. Селангор был основан первый университет третьего возраста; на момент написания главы в более чем 50 курсах принимали участие 630 индивидов (порядка 65% женщины, почти 95% имели полное либо неполное среднее образование). В местных сообществах осуществляется религиозное обучение. В городах неформальное обучение (занятия физкультурой, семинары о здоровом образе жизни пр.) происходит в клубах для пожилых людей.

Мальта. Как и в других странах, наиболее высокий процент неграмотных – среди самых старших (по состоянию на 2011 г. 23%

среди людей старше 90 лет; для сравнения: 10% среди 60–69-летних [с. 262]). Порядка 2% пожилых мальтийцев обучаются в учреждениях формального высшего образования; так, они составляют 0,5% студентов Мальтийского университета. Однако Мальта обладает одной из самых развитых сетей университетов третьего возраста в Европе – здесь и сосредоточено большинство учащихся старше 60 лет. В сфере неформального обучения наряду с посещением музеев, танцевальными занятиями и прочими подобными практиками все большую популярность приобретает туризм. Марвин Формоза (Мальтийский университет, г. Мсида) отмечает, что несмотря на экономическую доступность и открытость образование для пожилых, в частности на Мальте, несет в себе ряд дискриминирующих черт: оно отражает идеологию среднего класса и отвечает интересам женщин в большей мере, нежели мужчин, а также соответствует потребностям людей третьего, но не четвертого возраста. Исследователь считает, что в будущем необходима более продуманная государственная политика, а также скоординированные усилия по вовлечению индивидов и групп, пока не охваченных обучением.

Намибия. Как сообщают Мириам Хамуниела и Наавеше Неконго-Нильсен (Университет Намибии, г. Виндхук), в 1992 г., вскоре после обретения независимости, в стране была принята программа борьбы с неграмотностью. Сейчас ряд учреждений среднего и высшего образования обеспечивают обучение взрослых. Различные обучающие программы доступны также в библиотеках и досуговых центрах. Однако специального образования для пожилых в стране на данный момент не существует. Авторы провели интервью с 73 респондентами в возрасте от 60 до 96 лет (57 женщин; 62 посещали школу) и выяснили, какие знания и навыки те хотели бы приобрести. Они получили следующие ответы (в порядке убывания): скотоводство, садоводство, заготовка продуктов; английский язык; управленческие навыки; пользование смартфоном; также упоминались: финансовая грамотность; основы здорового образа жизни; педагогика; кулинария; строительство.

Нигерия. Майкл Омолева (Ибаданский университет) пишет о традиционном неформальном обучении, традиционных африканских науке, технике и музыке как одном из ведущих способов передачи сообщений, идей и эмоций. В современной Нигерии, так же

как и во многих других африканских странах, основная задача образования для взрослых – преодоление неграмотности. В конце 1980-х годов Ибаданский университет разработал программу, призванную сделать обучение грамоте привлекательным для взрослых учащихся: они должны были видеть практическую пользу этого обучения и обретать уверенность в себе. Автор полагает, что образование пожилых нигерийцев должно сочетать лучшие черты традиционного и современного обучения, оставаясь инклюзивным и интегративным.

Нидерланды. С 1960-х годов в стране существуют курсы подготовки к пенсии / второй карьере. С 1980-х годов, с переориентацией на увлекательный досуг и саморазвитие, акцент сместился в сторону курсов, посвященных здоровому образу жизни и активному старению. Большинство курсов осуществляются на платной основе, и принимают участие в них в основном образованные обеспеченные люди. Начало неформальному обучению в конце 1970-х положили смоделированные по шведскому образцу учебные кружки, а затем основанные на швейцарском опыте занятия по тренировке памяти. По утверждению Юмбо Клерка (агентство «The Elephant learning in diversity», г. Неймеген), пик развития образования пожилых в Нидерландах пришелся на 1990-е годы, когда особой популярностью пользовались волонтерство, сторителлинг, межпоколенческие и биографические проекты. В данное время функционирует сеть университетов третьего возраста, а также существует ряд организаций, в которых пожилые профессионалы, в том числе на пенсии, трудятся волонтерами / выполняют функции консультантов. Автор упоминает и проблему пожилых мигрантов, среди которых неграмотны от 60% (турецкие мужчины) до 90% (марокканские женщины); несколько НКО занимаются их неформальным обучением. В Программе международной оценки компетенций взрослых (Programme for the international assessment of adult competencies, PIAAC) Нидерланды, по словам автора, показывают хороший средний результат, но при этом у страны бóльшая по сравнению со многими другими странами разница в показателях между мужчинами и женщинами, молодыми и пожилыми, этническими голландцами и мигрантами. Клерк связывает это с установкой государства на маркетизацию, вследствие которой в последние десятилетия оно отдавало непрерывное образование на откуп частным инициативам.

Новая Зеландия. Как отмечает Брайен Финдсен (Университет Вайкато, г. Гамильтон), Новая Зеландия официально представляет собой бикультурную нацию, и это проявляется в различных областях, в том числе в сфере образования. Пенсионный возраст – 65 лет; тем не менее, по данным 2013 г., 22% продолжали работать после достижения этого возраста, что автор связывает с растущими запросами пожилых людей из среднего класса, которые пенсия уже не способна удовлетворить [с. 298]. Образование пожилых в Новой Зеландии делит многое с британской системой, однако имеет и свои особенности. Реализуют его университеты третьего возраста, досуговые центры, программы познавательного туризма и пр., тем самым часть образования осуществляется для пожилых, часть – вместе с ними и ими самими; важное значение имеют местные проекты, прежде всего образование маори. В 2006 г. почти половина новозеландцев 25–64 лет проходили то или иное обучение (причем 77% – для работы); порядка трети студентов высших учебных заведений были старше 40 лет; пик неформального обучения – 45–54 года [с. 301].

Перу. Как отмечает Бланка Лопес ла Вера (Папский католический университет Перу, г. Лима), количество людей старше 60 лет увеличивается ежегодно на 3%, а людей старше 80 лет – на 5% [с. 332]. Недостаточное пенсионное обеспечение заставляет пожилых продолжать работать (по данным автора, таких 68% [с. 333]), причем в большинстве своем в неформальной экономике. В подобной ситуации образование для большинства не является приоритетом. 22% людей старше 60 лет неграмотны; около 45% окончили год начальной школы, порядка 22% – год средней школы, менее 15% проучились год в вузе [там же]. Автор отмечает недостаток научных исследований и отсутствие государственной образовательной политики, ориентированной на пожилых. В медицинских центрах национальной системы здравоохранения, помимо гериатрической помощи, проводятся занятия по здоровому образу жизни и искусствам. Порядка 5% муниципалитетов также предоставляют обучающие программы. В сельских и бедных городских районах НКО проводят тренинги по органическому садоводству, заботе о себе, долгосрочному уходу и пр.; устойчивость проекта в данном случае зависит от финансирования. В двух государствен-

ных и двух частных университетах доступны программы для пожилых учащихся.

Португалия. Паула Гимарайнш (Лиссабонский университет) и Фатима Антунеш (Университет Минью, г. Брага) обращают внимание на рост числа исследований, посвященных образованию пожилых в Португалии. Среди освещаемых тем – теория герагогики, феномен мудрости, межпоколенческое обучение, роль правительства и НКО; основные методы – кейс-стади, анализ документов, интервью. Образовательная практика пока только развивается и на данный момент носит гетерогенный и фрагментированный характер. Курсы для пожилых организуются в музеях, библиотеках, местных сообществах. С конца 1970-х годов действуют университеты третьего возраста. Около 2% индивидов 55–69 лет принимают участие в формальном, 17,5% – в неформальном обучении [с. 353]. Большинство посещающих университеты третьего возраста имеют среднее / неполное среднее образование (23% – 6 классов образования) [там же].

Российская Федерация. По словам Ольги Агаповой (Представительство Немецкой ассоциации народных университетов (IIZ/DVV), г. Санкт-Петербург), с точки зрения теории образования взрослых герагогика в России – часть андрагогики. После Октябрьской революции ведущей целью была ликвидация неграмотности, до 1970-х годов – профессиональная подготовка (включая вечерние школы для рабочей молодежи), затем – общее культурное образование для всех. Современный акцент на образовании пожилых отражает глобальные тренды. В своей главе автор уделяет внимание обществу «Знание», в советские годы крупнейшему народному университету, а в постсоветское время ставшему, при поддержке Немецкой ассоциации народных университетов, базой для университета третьего возраста – одного из первых подобных учреждений в России. В 2000-х годах развивалась теория образования пожилых, проводились конференции, публиковались труды. В разных регионах страны в рамках общества «Знание» открылись университеты, каждый из которых специализируется на определенных аспектах обучения (биографическое и межпоколенческое обучение; волонтерство; творческое развитие; защита прав пожилых и пр.). Сейчас по всей России существует большое количество курсов и программ (занятия проводятся в библиотеках и музеях, центрах социального

обслуживания, университетах третьего возраста и др.), однако, по мнению автора, существующие предложения нельзя назвать системой. И герагогическая теория практически не находит воплощения на практике; введенная в 1994 г. специальность «образование взрослых» в 2000 г. была исключена из номенклатуры специальностей бакалавриата и магистратуры, на данный момент будучи представлена в нескольких учреждениях постдипломного педагогического образования и повышения квалификации педагогических работников. Агапова полагает, что в стране есть необходимая база для развития теории и практики образования взрослых и пожилых, однако это невозможно реализовать без государственной поддержки и стабильного финансирования.

Сингапур. Как сообщает Кальяни Мехта (Университет SIM (Сингапурский институт управления)), образование пожилых – новое явление в Сингапуре. Вплоть до последнего времени речь, прежде всего, об образовании взрослых, т.е. восполнении и продолжении образования людей старше 21 года. Законодательство об обучении пожилых людей пока отсутствует. В 2011 г. был принят акт, обязывающий всех работодателей предоставлять работу гражданам, достигшим пенсионного возраста (62 года); контракт может быть продлен до 65 лет. С 1990-х годов Наньянская академия изящных искусств стала проводить занятия по каллиграфии, живописи, скульптуре и керамике для всех желающих, и среди тех, кто проявил интерес, были и пожилые люди. Кроме того, сейчас существует более 100 досуговых центров и клубов, а также общественные колледжи, часть которых с начала нового тысячелетия ориентируется именно на пожилых людей. Университет SIM предоставляет 20%-ную скидку абитуриентам старше 60 лет. Автор ожидает, что с повышением образовательного уровня в будущем все, в том числе люди старшего возраста, смогут проходить бесплатные курсы в Сети.

Словения. Сабина Еленк Крашовец и Соня Кумп (Люблянский университет) приводят краткий исторический очерк образования взрослых в Словении. Согласно их данным, после Второй мировой войны эта область образования развивалась в Словении, как части Югославии, в основном в рамках народных и рабочих университетов (сейчас переименованных в центры образования взрослых) и была подчинена профессиональным задачам. В середине

1980-х годов в стране была открыта первая в Югославии экспериментальная «школа третьего возраста», а затем первый университет третьего возраста, образцом для которого послужил французский университет; заявленная задача нового учреждения формулировалась как повышение качества жизни пожилых граждан через образование. Сейчас действует сеть университетов третьего возраста, предоставляющих курсы по подготовке к пенсии, переподготовке и волонтерству, досуговые занятия; по данным 2009 г. у почти 60% участников было высшее образование либо более высокий уровень образования и лишь у 1% начальное образование или ниже; женщины составляли более 90%; наиболее популярные курсы – гуманитарные и социальные науки, иностранные языки [с. 392]. Учебные кружки – основная форма обучения в центрах образования взрослых. В последние годы повышается значимость волонтерства и межпоколенческих проектов. При этом авторы отмечают, что возможности для обучения крайне ограничены, например, в сельских районах (в некоторых из них действуют образовательные НКО). Еленк Крашовец и Кумп призывают в будущем расширять образовательные возможности, которые бы могли охватить и пожилых людей, на данный момент практически не вовлеченных в процесс обучения (малообразованные; живущие в домах для престарелых; отличающиеся плохим здоровьем, низким достатком и пр.).

Страны Северной Европы (Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия, Исландия). Тарья Тикканен (Университет Ставангера, Норвегия) указывает, что истоки современной образовательной системы региона – в народном обучении XIX в. Система открытых университетов включает в себя и университеты третьего возраста. Показатели участия здесь – самые высокие в Европе и ОЭСР. Обычно эту систему описывают как североевропейскую или, чаще, скандинавскую модель. При всех различиях между странами, пишет автор, все же важнее сходства – демократия, уважение к правам человека, равные возможности, социальная солидарность. В последние два десятилетия здоровое старение, длительная занятость и непрерывное обучение стали новой нормой жизни в этих странах. Тикканен связывает это с правительственной политикой, предполагающей участие всех граждан в жизни общества, повышение соответствия между квалификацией и практическими навыками, формирование инклюзивного обучающего(ся) общества.

В итоге в сравнении со средним показателем ОЭСР в странах Северной Европы наиболее высокий образовательный уровень и самая высокая занятость индивидов старше 55 лет. Тем не менее автор считает, что перспективы для дальнейшего развития существуют: показатели участия пожилых в обучении по-прежнему ниже, чем у молодых; пользуются компьютером меньше половины пожилых граждан. Однако Тикканен подчеркивает, что скандинавская модель показала свою устойчивость, и число пожилых учащихся в регионе будет только расти.

США. Рональд Манхаймер (Университет Северной Каролины, г. Эшвилл) пишет, что с повышением финансового благосостояния и образовательного уровня с каждым десятилетием все больше пожилых американцев участвуют в тех или иных видах формального и неформального обучения. В 1951 г. Национальная ассоциация образования выпустила первый учебник по обучению в старшем возрасте. В середине 1960-х годов была создана сеть центров для пожилых, предлагавших занятия по ремеслам и изобразительному искусству, музыке, танцам, физкультуре, здоровому питанию, игре в бинго; позднее появились курсы по истории, литературе, драматургии, писательскому творчеству и генеалогии. В 1960–1970-х годах развивалась государственная политика в отношении образования пожилых; возникло немало инициатив на местах. С середины 1970-х годов на базе колледжей и университетов действуют институты непрерывного образования. Занятия организуются также в религиозных центрах и центрах в местных сообществах. В середине 1970-х годов возникла сеть *Elderhostel* (позже *Road Scholar*) – недорогое жилье на университетских кампусах в летнее время для людей старше 55 лет, совмещающих учебу и путешествия. Среди других проектов автор называет: театры для пожилых (с пожилыми непрофессиональными актерами); институты духовного старения (предлагающие медитации, занятия йогой и ушу, а также курсы истории религий, мифологии, китайской медицины и пр.); программы развития лидерских качеств. Современное образование пожилых в США децентрализовано (существует несколько образовательных ассоциаций) – его во многом направляет рынок, а не правительственная политика. При этом автор полагает, что возможности для инноваций в данной сфере бу-

дут и дальше привлекать индивидов и группы, признающие важность непрерывного образования, лидерства и служения сообществу.

Тайвань. Йи-Йин Лин (Университет штата Джорджия, г. Атланта, США) и Чинь-Шан Хуан (Университет Чун Чэнь, г. Чиаи) отмечают успехи образовательной геронтологии в Тайване за последние 30 лет. Формирование системы они относят к 1990-м – началу 2000-х годов, когда было признано, что население страны быстро «стареет». В середине 2000-х годов образовательная геронтология стала университетской специальностью, и была выработана политика, определяющая принципы образования пожилых. Первый университет для пожилых был основан в 1982 г. В 1990–2000-х годах интенсивно развивалась теория непрерывного образования. Помимо 265 (на момент написания главы) университетов во всех городах существуют обучающие ресурсные центры для «активных пожилых», а также специальные университетские программы и межпоколенческие проекты. В будущем, полагают авторы, необходимо больше внимания уделять пожилым с инвалидностью, повышать компьютерную грамотность, передавать больше функций НКО, расширять возможности для получения пожилыми высшего образования.

Танзания. Как указывает Филемон Муши (Университет Дар-эс-Салама), Танзания – пока еще «молодая» страна (люди старше 60 лет составляют 4% населения). И хотя женщины живут дольше (средняя продолжительность их жизни – 62 года, мужчин – порядка 60 лет), они подвергаются серьезной дискриминации, не имея ни права на обладание имуществом, ни права голоса на общинных собраниях; подчас пожилых женщин убивают из предубеждения. После обретения независимости в 1961 г. 85% населения были неграмотными [с. 434]; новое правительство рассматривало обучение грамоте, а также СМИ, радио и кино в качестве пути к знаниям (и тем самым самосознанию) и преодолению бедности и экономического отставания. На данный момент специальных образовательных программ для пожилых в стране нет, и они могут участвовать в формальном (разных уровней) и неформальном образовании для взрослых. Однако с середины 1980-х годов с установкой на неолиберализм и приватизацию образование перестало быть приоритетом для правительства, и к 2007 г. из 42-миллионного населения менее 1,3 млн обучались грамоте (из них небольшое количество

пожилых) [с. 439]; остались практически не затронутыми образованием такие группы, как охотники, собиратели, кочевники и др. Будущее танзанийского образования автор видит лишь в изменении правительственной политики.

Турция. Как сообщают Сюзан Язиджи и Нилюфер Коркмаз Яйлагюль (Университет Акдениз, г. Анталья), история современного турецкого образования начинается после революции 1923 г. Тогда основной задачей было повышение грамотности населения, а также введение единых образовательных стандартов. В 1930-х годах появились отдельные учреждения для взрослых, сочетавшие обучение грамоте и культурно-досуговые занятия, а десятилетие спустя были открыты сельские институты для подготовки педагогов для таких учреждений в провинции. На данный момент при том, что неграмотные составляют 4% населения, около половины их приходится на людей старше 60 лет (83% женщины), а окончивших школу среди 55–64-летних только 20% [с. 449]. Существующие возможности для пожилых не носят систематического характера и включают в себя курсы, предоставляемые в университетах, муниципалитетах и НКО. Популярностью пользуется изучение Корана (между 2008 и 2012 гг. число людей старше 45 лет, изучающих Коран, увеличилось более чем в пять раз [с. 450]). При этом исследования демонстрируют, что в целом участие пожилых в обучении остается невысоким. Авторы полагают, что в первую очередь требуются бесплатные либо недорогие курсы по здоровому образу жизни, компьютерной грамотности и разнообразным культурным практикам.

Уганда. Большая часть населения старше 45 лет проживает в сельских районах, что, по мнению Джорджа Ладаа Опенджуру (Университет Гулу), может послужить основой для формирования здесь системы образовательных услуг для граждан старшего возраста. В целом же население страны, в силу низкой продолжительности жизни, пока «молодеет». В связи с этим в фокусе правительственной образовательной политики находится прежде всего молодежь. Ни в одном университете Восточной Африки не преподаются курсы по геронтологии или старению. Непрерывное образование здесь представляет собой профессиональную подготовку, занятия по гражданственности, физкультуру. Пожилые люди имеют право к ним присоединиться, но большинство из них учатся не-

формально. Национальная политика в отношении пожилых, принятая в 2009 г. и предполагающая среди прочего преодоление неграмотности пожилого населения и обучение его уходу за больными ВИЧ, пока ожидает реализации. Автор считает, что правительство, гражданское общество и исследователи должны уделять больше внимания образованию пожилых.

Франция. Международная слава французского образования пожилых людей связана с университетами третьего возраста, ставшими моделью для многих стран мира. Первый университет был основан в 1973 г. в Тулузе. В 1970–1980-е годы активно развивалась и теория обучения пожилых. Французские университеты третьего возраста стремились поддерживать высокие академические стандарты формального университетского образования. Вскоре движение университетов третьего возраста распространилось по всему миру. В 1990-е годы в стране стали появляться и другие организации, в большей мере ориентированные на неформальное обучение и досуговые занятия. В этот период наблюдалось и снижение исследовательского интереса к данной области. Доминик Керн (Университет Верхнего Эльзаса, г. Мюлуз) ожидает в ближайшие годы рост исследований образовательных практик пожилых.

Чили. Интерес к образованию для пожилых возник в стране в 1980-х годах под влиянием Мадридского плана по старению ООН (1982) и систем университетов третьего возраста в европейских странах. Первые программы были разработаны в Католическом университете Чили (г. Сантьяго) и Университете Вальпараисо. На данный момент курсы существуют в нескольких университетах, при муниципалитетах, а также на базе НКО. Помимо обучения грамоте они включают программы по психологии, теологии, здоровью, науке, культуре и искусствам. Однако они охватывают небольшую часть пожилого населения (в частности, от 2 до 14% в муниципалитетах [с. 91]) и носят разрозненный характер. В стране до сих пор не готовят специалистов ни по одной геронтологической специальности. Педро-Пауло Марин-Ларраин (Католический университет Чили) и его коллеги надеются, что принятие единой государственной политики по позитивному старению 2012–2015 поможет изменить ситуацию.

ЮАР. Джон Эйчисон и Питер Рул (Университет Квазулу-Натал, г. Питермарицбург) рассматривают две перспективы – ориентированную на белое и на черное население, соответственно, поскольку такова реальность по-прежнему разделенной страны. Как сообщают авторы, между 1948 и 1994 гг. в рамках системы апартеида образование пожилых существовало большей частью в религиозной форме, а также в виде неформальных культурных практик образованных белых из верхушки среднего класса. После 1995 г. обучение взрослых было большей частью направлено на получение профессиональной квалификации. На базе системы вечерних школ, сложившейся в 1920–1940-х годах до установления политики апартеида, были организованы центры образования взрослых для рабочей молодежи. В 2008 г. была запущена кампания преодоления неграмотности «Kha Ri Gude» («давайте учиться»), ориентированная в том числе и на пожилых людей, составлявших на тот момент 1,4 млн из 4,7 млн неграмотных в стране: по утверждению правительства, пожилые, играющие важную роль в воспитании детей, должны создавать в семье атмосферу, мотивирующую на образование [с. 401]. В итоге порядка пятой части обучающихся в 2008–2011 гг. в рамках данной кампании были старше 60 лет. На другой чаше весов находится сеть университетов третьего возраста, участниками которой являются в основном белые пенсионеры из среднего класса; в последние годы появилось несколько отделений в смешанных, а также преимущественно черных районах. Задачами этих университетов являются интеллектуальная стимуляция, преодоление изоляции и борьба с негативными стереотипами, сопряженными с пожилым возрастом. Помимо курсов и познавательно-досуговых занятий вроде экскурсий учащиеся также принимают участие в дискуссиях с приглашенными докладчиками либо проводят занятия сами.

Южная Корея. Как указывают Ёнха Ки (Университет Сунсил, г. Сеул) и Юнджи Ким (Корнелльский университет, г. Итака, США), к 2026 г. порядка 21% населения страны будет старше 65 лет [с. 358]. Особенно быстро «стареет» сельское население. Образовательный уровень населения повышается. По данным 2009 г., 98% людей 25–34 лет окончили среднюю школу, а среди 55–64-летних – только 43%; в 2011 г. около 32% людей старше 65 лет были неграмотными [с. 359]. Первые законодательные акты,

касавшиеся пожилых людей, появились в начале 1990-х годов и поощряли занятость в старшем возрасте. Правительственные инициативы конца 1990-х годов касались благосостояния пожилых, ставя задачу улучшения их физического и эмоционального здоровья. Наконец, в 1999 г. был принят закон о непрерывном образовании. Это понятие в стране включает в себя дополнительное обучение для школьников, профессионально-техническое и общее / гуманитарное обучение. Под эгидой Корейской ассоциации пожилых людей действуют школы (предполагающие изучение школьных предметов, национальной политики, гражданственности и участие в жизни сообщества) и колледжи для пожилых граждан (более высокий уровень). 22 школы действуют при университетах и дают знания в области здоровья, экономики, политики, культуры, международных отношений, а также теории образования пожилых. Из других учреждений авторы называют центры благосостояния пожилых (занятия спортом и искусствами); школы при религиозных организациях; курсы, организуемые НКО. Ки и Ким полагают, что южнокорейской образовательной политике недостает скоординированности; кроме того, требуется больше специалистов; учреждения должны стать более эффективными, а программы в большей мере соответствовать интересам и потребностям пожилых людей.

Япония. Население Японии – одно из самых долгоживущих в мире (средняя продолжительность жизни женщин составляет около 87 лет). При пенсионном возрасте в 65 лет многие выходят на пенсию в 60, так что для них организуются курсы подготовки к пенсии, а также своего рода промежуточные формы занятости. Этой системой пользуются порядка 75 тыс. людей. Выходя на пенсию, ряд японцев устраиваются на неполный рабочий день либо становятся волонтерами (занимаются с детьми в библиотеках, проводят экскурсии и т.п.). С 1990-х годов правительство продвигает идею обучения в течение всей жизни. Основа непрерывного обучения в Японии – образовательные центры в местных сообществах, существующие с конца 1940-х годов и предлагающие занятия по искусствам, садоводству, спортивные занятия и пр. В середине 1960-х годов начали открываться специальные классы для пожилых в городах, а в конце 1980-х годов – крупные центры обучения пожилых. Последние не получили развития, и первенство перешло к небольшим учреждениям, поддерживаемым в том числе местны-

ми НКО. Везде особый акцент делается на профилактике заболеваний, в соответствии с государственной ориентацией на укрепление здоровья нации и долголетие. Нередка практика смены ролей преподавателя и студента; некоторые учреждения полностью управляются пожилыми людьми. С начала 2000-х годов ряд японских университетов ввели особый вступительный экзамен для абитуриентов старше 50 лет, и теперь в них существуют курсы, состоящие из студентов до 50 лет, старше 50 лет и смешанные. Библиотеки также все больше ориентируются на пожилых посетителей. Шигео Хори (Осакский педагогический университет) полагает, что при всех достижениях японской образовательной системы в будущем потребуется новый взгляд: процесс старения меняется, и это должно найти свое отражение в обучении, а обучающие программы должны разрабатываться самими «новыми пожилыми».

Подводя итог исследованию, Финдсен и Формоза отмечают, что они стремились не отразить некий большой нарратив, а скорее проследить актуальные тренды в разных регионах мира. Среди таковых они называют: влияние глобализации в сочетании с повышающимся интересом к автохтонному знанию, как, например, в Новой Зеландии; роль религии, прежде всего ислама (в мусульманских регионах Азии); номинальная значимость и фактическое разложение концепции сыновней почтительности в Гонконге и Тайване; рост влияния НКО на фоне неолиберальных тенденций в разных странах; наследие колониального периода в африканских странах, характеризующихся низким уровнем образования, особенно среди пожилого населения. Что касается образования пожилых граждан, то оно существует в разнообразных формах, где-то не будучи выделено из образования взрослых, а где-то будучи полностью институционализировано. Как пишут редакторы, большинство глав книги содержат в себе комбинацию пессимизма и оптимизма. И все же с поколением бэби-бумеров связаны существенные изменения в мире, и непрерывное образование – и образование пожилых – продолжит развиваться. Б. Финдсен и М. Формоза надеются, что данная монография послужит импульсом для дальнейших исследований как в странах, чей опыт нашел здесь свое отражение, так и тех, чей голос еще предстоит услышать.

Я.В. Евсеева

2019.04.003. ЧХВЕ Ч., КИМ Ч. БАЛАНСИРУЯ МЕЖДУ СКАНДИНАВСКОЙ МОДЕЛЬЮ И НЕОЛИБЕРАЛИЗМОМ: ОБУЧЕНИЕ В ТЕЧЕНИЕ ВСЕЙ ЖИЗНИ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ.
CHOI J., KIM J. Dancing between Nordic and neoliberal: Lifelong learning in South Korea // J. of adult a. continuing education. – L., 2018. – Vol. 24, N 1. – P. 5–17.

Ключевые слова: непрерывное образование; неолиберализм; скандинавская модель; оценка компетенций; Южная Корея.

Чжихи Чхве (Университет штата Пенсильвания, г. Юниверсити-Парк, США) и Чонхван Ким (Университет Оклахомы, г. Норман, США) в своей статье показывают, как в Южной Корее, ориентировавшейся на скандинавскую образовательную модель и неолиберальный тренд, сложилась собственная система непрерывного образования.

В то время как неолиберализм ассоциируется с экономическими интересами и стремлением использовать «человеческий капитал», скандинавская модель описывается исследователями как «гуманистическая» и отдающая приоритет социальной сфере [1]. В свою очередь, современный азиатский контекст – имеется в виду Восточная Азия – определяют такие феномены, как конфуцианство, глобализация и местные традиции. Кроме того, в странах региона, в частности в Республике Корея, направление развития в значительной мере задается политикой правительства. Именно на роли правительства в становлении южнокорейской системы непрерывного образования делают акцент в своей статье Чхве и Ким.

В рассматриваемой сфере правительство страны испытывает воздействие, с одной стороны, частного сектора, для которого характерны неолиберальные рыночные тенденции, и, с другой стороны, международных организаций, прежде всего ЮНЕСКО. Под влиянием последних произошла институционализация непрерывного образования в Корее, в частности был создан Национальный институт непрерывного образования (National institute for lifelong education, NILE). Авторы статьи изучили материалы с официально-

[1] См.: Regmi K.D. Lifelong learning: Foundational models, underlying assumptions and critiques // International rev. of education. – Dordrecht, 2015. – Vol. 61, N 2. – P. 133–151.

го сайта NILE[1] и отчеты организации. В своей статье они сопоставляют два подхода к образованию, прослеживают историю южнокорейской системы и очерчивают ее перспективы.

Сравнивая два подхода, Чхве и Ким выделяют следующие особенности. Скандинавская модель основывается на идеях социального равенства и демократического участия. Кроме того, обучение в ней тесно связано с занятостью. В качестве примеров реализации данной модели авторы приводят Международную программу по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for international student assessment, PISA; тест, оценивающий грамотность школьников в разных странах мира и их умение применять знания на практике) и Международное обследование грамотности взрослого населения (International adult literacy survey, IALS). Скандинавская модель направлена на вовлечение в образование представителей наименее привилегированных групп – необразованных, безработных, пожилых. В свою очередь, неолиберальный подход – это обучение «для экономики знаний»[2]. В соответствии с его принципами образование должно подстраиваться под меняющийся рынок труда, будучи инвестицией, призванной принести доход[3]. Среди стратегий данного подхода – приватизация образовательных услуг, использование ИКТ, слияние образовательных учреждений со сходными функциями и пр. На учащихся возлагается ответственность за собственное обучение. В итоге различие между необразованными и образованными рассматривается как индивидуальная неудача и проигрыш в конкурентной борьбе.

После Корейской войны важнейшей целью правительства было экономическое развитие и, соответственно, подготовка квалифицированной рабочей силы. На данном этапе образцом для южнокорейской образовательной системы выступала скандинавская модель; ставка делалась на практически-ориентированное обучение, повышение грамотности самых широких слоев населения и высокие профессиональные стандарты. В результате системных усилий Республика Корея добилась хороших результатов в

[1] National institute for lifelong education. – Mode of access: http://nile.or.kr/eng/main_2012.jsp (Accessed: 15.08.2019.)

[2] Lifelong learning in the global knowledge economy: Challenges for developing countries. – Wash.: World Bank, 2003.

[3] Where are the resources for lifelong learning? – P.: OECD publishing, 2000.

программе PISA и Программе международной оценки компетенций взрослых (Programme for the international assessment of adult competencies, PIAAC). Тем не менее в новых условиях, характеризующихся неолиберальными тенденциями, правительство пожертвовало демократическими принципами ради дальнейшего экономического роста. Был усилен контроль над деятельностью благотворительных фондов, некоммерческих и добровольческих организаций. Существенными чертами государственной экономической политики стали приватизация, коммодификация и финансиализация.

Основной документ, регулирующий функционирование системы непрерывного образования в стране, за последние четыре десятилетия трижды претерпевал изменения. В 1980 г. Акт об общественном образовании (Social education act, SEA) закрепил право граждан на продолжение обучения и ответственность государства в данной сфере. В 1999 г. он был преобразован в Акт о непрерывном образовании, расширявший полномочия правительства, при этом перекладывавший ответственность за обеспечение обучения на учащихся и легализовавший систему оплачиваемых учебных отпусков. Актуальный на данный момент документ вступил в силу в 2007 г. В нем утверждалась централизация системы непрерывного образования. Министерство образования уполномочивалось разрабатывать пятилетние национальные планы и контролировать их исполнение региональными и муниципальными правительствами. Тем самым южнокорейская система сочетает в себе неолиберальные черты (в частности, требование активного участия учащихся в собственном обучении) со значительной вовлеченностью государства, что в большей мере характерно для скандинавской образовательной модели.

Институт NILE был учрежден с целью практической реализации национальной образовательной стратегии и призван координировать деятельность различных учреждений в данной сфере. Основные направления его деятельности: грамотность взрослого населения, профессиональная подготовка и переподготовка, культура и искусство, гуманитарные науки, основы гражданственности, дополнительное образование для школьников. Согласно NILE, глобальный экономический тренд в настоящее время смещается с экономики знаний в сторону креативной индустрии, и именно это будет определять фокус интересов организации в ближайшие годы.

Вместе с тем в отличие от скандинавских традиций и в противовес заявленной правительственной стратегии наблюдается разрыв между обучением и занятостью. Опросы, проводимые NILE, демонстрируют существенное расхождение между ожиданиями взрослых учащихся и действительным качеством учебных программ дополнительного и непрерывного образования, а также доступными на рынке труда вакансиями. При этом порядка половины индивидов старше 65 лет не интересуются возможностями в той или иной форме продолжить обучение; из остальных же большинство предпочитают развлекательные и досуговые занятия – в волонтерской работе или политических движениях они практически не принимают участия. Тем самым, по утверждению авторов статьи, трудно говорить о южнокорейской системе как вовлекающей в образование самые разные, в том числе непривилегированные, социальные группы.

Подводя итог, авторы отмечают, что за последние десятилетия Южная Корея стала примером для многих стран как в плане экономического развития, так и с точки зрения системы непрерывного образования. Однако в ситуации быстрого старения населения на фоне низкой рождаемости и высокого в сравнении с другими развитыми странами уровня самоубийств нельзя утверждать, полагают Чхве и Ким, что южнокорейская образовательная система значительно улучшила качество жизни населения. Они призывают дать ей критическую оценку и выявить возможности, которые до настоящего момента не были актуализированы.

Я.В. Евсеева

2019.04.004. Ю.В. НИКУЛИЧЕВ. «СТИЛО СИЛЬНЕЕ МЕЧА»[1]: К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЯПОНИИ.
Yu.V. NIKULICHEV. «The pen is mightier than the sword»: Clarifying the socio-cultural foundations of the Japanese educational system. DOI: 10.31249/rsoc/2019.04.02

Аннотация. Рассматриваются социокультурные факторы исторического развития образовательной системы Японии. Показана непреходящая значимость конфуцианства как особой мен-

[1] Девиз одного из токийских университетов.

тальности, определяющей теорию и практику образования в стране. Обозначены черты национальной культуры, акцентирующей ценность образования, с одной стороны, и идеалы групповой и социальной солидарности – с другой. Обрисованы основные черты современной системы образования в стране, обеспечившие ей устойчивые темпы развития в XX и XXI вв.

Abstract. Looking at the sociocultural factors that influenced the historical development of the Japanese educational system, the author emphasizes the ongoing significance of Confucianism as a distinct mentality that has shaped the theory and practice of education in Japan. Identified are the features of Japanese culture that prioritizes both the values of education and the ideals of group and social solidarity. It is argued that the specific characteristics of today's system of education in the country enabled it to sustain a steady pace of development in the 20th and 21st centuries.

Ключевые слова: Япония; конфуцианство; Бусидо; культура Японии; нравственное воспитание; групповая и социальная солидарность; японская образовательная система.

Keywords: Japan; Confucianism; Bushido; culture of Japan; moral education; group and social solidarity; Japanese education system.

Если те или иные рейтинги стран по уровню учебных достижений их школьников и студентов соотнести с географией мировых религий, выясняется, что наиболее успешными по показателям образования в наше время выступают страны, где преобладающая или численно достаточно весомая часть населения придерживается конфуцианства (не касаемся здесь вопроса о том, является ли конфуцианство религией в традиционном смысле слова). Так, по результатам PISA-2015 (англ. Programme for international student assessment; Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся), первые семь мест по математике в том году занимали школьники следующих стран – Сингапура, Гонконга, Макао, Тайваня, Японии, Китая и Южной Кореи. Эти же страны входили и в первую десятку обобщенного рейтинга PISA-2015 по показателям «Математика», «Наука» и «Чтение». Для сравнения: в последнем рейтинге 23-е место принадлежало Великобритании, 28-е – России и 31-е – США [PISA worldwide ranking…]. Сингапур,

Япония и Южная Корея в 2018 г. занимали три верхние строчки глобального Индекса человеческого капитала.

Географическая однозначность результатов PISA и других международных рейтинговых систем не оставляет сомнений: «тайна» восточноазиатской модели образования заключается в ее исторически сложившихся социокультурных основаниях – в «истории», в «культуре», в «социуме» восточноазиатского макрорегиона. Более того, и это особенно интересно, высокие результаты в учебе этнические азиаты показывают и тогда, когда вместе с семьями оказываются на Западе. «Культура, а не школа как таковая» – так, по убеждению экспертов, объясняется это явление [Weale, 2014].

Размышляя над систематически наблюдаемыми различиями в академических успехах студентов двух культур – «западной» и «восточной», – известный специалист по современной педагогике американка китайского происхождения Цзинь Ли говорит о «китайской стене», разделяющей образовательные системы «фаустовского» и «конфуцианского» типа. «Если ты следуешь западным путем познания и обучения, то едва ли когда-нибудь ступишь на путь конфуцианства; а если ты придерживаешься конфуцианского подхода, то у тебя точно так же мало шансов свернуть на западный путь» [Ли, 2017, с. 46]. Основополагающее значение имеет «колоссальное формирующее влияние культуры».

Ниже момент «колоссального формирующего влияния культуры» на философию и практику образования рассмотрим на примере Японии.

Япония относительно поздно – в конце XIX в. – встала на путь строительства общенациональной системы образования, но особая комбинация социокультурных факторов, издревле вызревавших в обществе, позволила стране быстро наверстать упущенное. В эпоху сегуната Токугава (1603–1868) грамотность была широко распространена и высоко ценилась среди самураев: для них существовали специальные школы, где наряду с боевыми искусствами изучались труды Конфуция, литература и история Китая. Когда после Революции Мэйдзи (1868) самураи как воинский класс стали терять свое значение, выходцы из него становились администраторами и школьными учителями. Интересные социальные метаморфозы при этом претерпевал кодекс самурайской этики Бусидо.

В свое время он формировался из трех источников – буддизма, синтоизма и конфуцианства, утверждая такие ценности, как незыблемость моральных устоев, приверженность идеалам справедливости, чести и лояльности, неизменная почтительность в отношении старших, обязательность самоконтроля и дисциплины и многие другие[1]. С распадом самурайства его этика, конечно, не приобрела общеобязательного значения, но как общественный идеал – как «отражение японской души» – она и по сей день сохраняет свое место в обществе; сегодня ее нормы и рекомендации предстают как особая нравственная подсистема и даже как образ жизни отдельных слоев населения. Все это так или иначе наложило свой отпечаток и на эволюцию национальной системы образования.

Как неизменно подчеркивается в исследованиях, в японском обществе исторически рано было осознано, что при недостатке природных ресурсов у страны нет более верного пути к преуспеянию, чем накопление человеческого капитала. Сформировалась культура, всячески подчеркивающая ценность образования, с одной стороны, и идеалы групповой и социальной солидарности – с другой. В 1890 г. – знаковое событие в истории страны – был опубликован (и зачитан в каждой школе, где от учащихся затем требовалось знать его наизусть) так называемый Императорский рескрипт об образовании: связанные с ним юбилейные даты до сих пор отмечаются в Японии. Об образовании в собственном смысле слова в рескрипте ничего не говорилось, зато была развернута совершенно конфуцианская по своему духу доктрина «воспитания характера»[2].

---

[1] Систематический анализ Бусидо выявляет в нем такие темы, как уверенность, заботливость, чистота, сострадание, внимательность, способность прислушиваться к мнению других, храбрость, вежливость, находчивость, красноречие, энтузиазм, стремление к совершенству, верность, гибкость, способность прощать, дружественность, великодушие, способность помочь другому, честность, честь, смирение, идеализм, радость, чувство справедливости, доброта, знание, способность чувствовать возвышенное, любовь, лояльность, милость, могущество, умеренность, скромность, послушание, порядок, терпение, миролюбие, молитвенность, целеустремленность, любознательность, уважительность, ответственность, благоговение, самодисциплина, служба, непоколебимость, тактичность, благодарность, терпимость, доверие, надежность и добросовестность, правдивость, единство, осторожность в высказываниях, воля, мудрость [см.: Sonda, 2007].

[2] Рескрипт, среди прочего, гласил: «Добронравие наших подданных, из поколения в поколение проявлявшееся в лояльности и благочестии и в гармониче-

Краеугольным камнем японской педагогической традиции является идея учебных и иных добродетелей. Все содержание школьного образования проникнуто принципами нравственного воспитания – предмет особой заботы правительства. У учащихся начальной ступени обучения это обязательная часть школьной программы, преподаваемая на специальных уроках, но этим дело не кончается. Общенациональные образовательные программы подчеркивают значение традиционной морали даже в отношении старших классов и вузов, где специальных курсов по этой тематике нет. Повсеместно в школах поощряют упорный труд и настойчивость в учебе, постоянно работает установка на уважение к старшим вообще и к учителям в особенности, на добронравное поведение, обязательность порядка и самоконтроля.

Жизнь школьника и студента здесь пронизана самыми разными отношениями групповой идентификации и солидарности – с семьей, учителями, сверстниками, одноклассниками и сокурсниками. На нарушителя норм, принятых в группе, общество накладывает жесткие моральные санкции, и крайне маловероятно, что он будет принят в какой-либо иной группе. В общественном мнении школа своей репутацией отвечает за успеваемость учащихся и их поведение вне школы. И то и другое здесь отслеживаются с такой строгостью, какую трудно себе представить на Западе. «Например, если студент совершил правонарушение, в полицейский участок вызываются его классный руководитель и мать, после чего весь педагогический коллектив извиняется за его поведение. Неудивительно поэтому, что у японского студента развивается сильнейшее чувство ответственности перед школьным коллективом во всем том, что касается учебы и поведения вне школы. То же самое и в

ском сотрудничестве, способствовало долговечности нашей родины. Вот основные начала воспитания для наших подданных: будьте преданы вашим родным, как мужья и жены, и верны вашим друзьям; пусть поведение ваше будет вежливо и воздержно; любите ближних, как самих себя; будьте прилежны в своих занятиях и следуйте каждый своему призванию; развивайте ваши умственные способности и воспитывайте в себе нравственные качества; содействуйте общественному благу и служите интересам общества; всегда оказывайте строгое повиновение Конституции и всем законам Нашей Империи; развивайте свой патриотизм и свое мужество, и этим оказывайте Нам поддержку в возвеличении и сохранении славы и благоденствия Нашей Империи, одновечной с небесами и землею» [цит. по: Рескрипт императора Японии…].

отношениях со сверстниками. Совершить нечто предосудительное – значит подвести группу. Отсюда стремление упорно работать и двигаться в направлении все более высоких целей: только это и обеспечивает твое место в группе и твой статус в ней» [Japan: A story…, 2011].

В системе социокультурных отношений, окружающих японское образование, важнейшее место принадлежит фигуре матери (женщина в Японии либо не работает, либо работает гораздо меньше мужчины). Успешной в глазах общества является та женщина, которая сумела добиться от ребенка хорошей успеваемости вначале в старшей школе, а затем в университете; при этом предполагается, что во имя этого она прикладывает максимум усилий и даже готова пойти, если необходимо, на любые лишения. Школа и семья при этом связаны гораздо более тесными связями, чем это характерно для школ на Западе. На уровне начальной школы учитель поддерживает постоянную связь с родителями, сообщая им о проблемах ребенка даже в тех случаях, когда это не связано с успеваемостью. Как правило, классный руководитель учит свой класс в течение нескольких лет по всем предметам, за исключением специальных (музыки и труда). Классная комната при этом становится своего рода домом для ребенка: здесь он ежедневно проводит не менее часа своего свободного школьного времени.

В педагогическом сообществе страны глубоко укоренена культура, главный принцип которой – «не бывает неспособных учеников, успевать может каждый». Свое выражение это находит в результатах экзаменов и международных тестов, где в японском случае не прослеживается выраженной связи между успехами студента и социально-экономическим статусом его семьи.

Ключевые принципы японской образовательной системы заложены Конституцией страны 1946 г. и Основным законом об образовании 1947 г., обновленным в 2006 г. Этими актами в стране вводилось обязательное бесплатное девятилетнее образование, распределенное на шесть лет обучения в начальной и три года в младшей средней школе. Основные направления государственной политики в области образования осуществляет «чисто японское» по своей специфике Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий; в каждой из 47 префектур страны функционируют управления по образованию с соответствующими аналогами

в муниципалитетах. При этом основные учебные учреждения страны – от школ до университетов – пользуются административной автономией.

Полное среднее образование – это, как правило, еще три года обучения – не является обязательным. В старшие классы школьник поступает, сдавая экзамен; при этом он может выбрать один из трех модулей обучения – «общий» (обычные старшие классы школы), сокращенный (вечерний) или заочный; в последних двух случаях программы обучения приобретают выраженный профессионально-технический характер. В другой стратегии получения полного среднего образования он может сразу поступать в технический колледж с трехлетней программой. Полным средним образованием сегодня охвачено свыше 98% японской молодежи [Schleicher, 2014].

Высшее образование в Японии обеспечивается университетами и разного рода колледжами, различающимися по своей специализации и административной подчиненности. От университетских систем большинства других стран японская система отличается прежде всего тем, что абитуриенты, поступающие в государственные университеты, здесь проходят через два серьезнейших испытания – общенациональный экзамен и вступительный экзамен в университет (в частных университетах сдается только университетский экзамен). Каждому поступающему дается лишь одна возможность в году пройти через эти испытания, что оборачивается громадной психологической нагрузкой на старшеклассников-выпускников. Кроме того, в отличие от ситуации на Западе, учиться в государственном университете здесь намного престижнее, нежели в частном; особенно ценятся дипломы ведущих университетов страны, таких как Токийский или Киотский, – бывших «императорских университетов». До сих пор их выпускников охотнее всего принимают на работу как в правительственные, так и в коммерческие структуры.

Высшее образование в стране платное. Плата варьируется в зависимости от типа университета: в государственных университетах – а они получают дотации из бюджета – обучение может быть едва ли не на порядок, во всяком случае в несколько раз, дешевле, нежели в частных. Так, государственные и «национальные» университеты обычно взимают (в переводе на российские рубли) примерно 170 тыс. руб. в качестве вступительного взноса и примерно

332 тыс. руб. за год обучения; частные – от более полумиллиона до более чем двух миллионов рублей за год обучения [Frazer, 2016].

В системе высшего образования распространенной альтернативой университету в Японии выступают так называемые технологические колледжи – профессионально-технические заведения, особенно интенсивно развивавшиеся в десятилетия экономического подъема Японии. В зависимости от профиля обучения большинство из них работают по пятилетней программе и предусматривают возможность для студента перевестись в университет. По общему мнению специалистов, именно гибкая система японского образования, органично сочетающая в себе различные формы и уровни обучения – от профессионально-технических школ и колледжей до вузов, – обеспечила стране вначале в высшей степени динамичные, а затем устойчивые темпы развития в XX и XXI вв.

Список литературы

Ли Ц. Культурные основы обучения: Восток и Запад / пер. с англ. А. Апполонова, Т. Котельникова; под науч. ред. С. Филоновича. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. – 464 с.

Рескрипт императора Японии (1890) // Викитека. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Рескрипт_императора_Японии_(1890) (Дата обращения: 22.08.2019.)

Frazer E. Tuition and fees in Japan // Hotcoursesabroad.com. – 2016. – March 17. – Mode of access: https://www.hotcoursesabroad.com/study-in-japan/student-finances/tuition-and-fees-in-japan/ (Accessed: 22.08.2019.)

Japan: A story of sustained excellence // Strong performers and successful reformers in education: Lessons from PISA for the United States. – Wash.: OECD, 2011. – P. 137–157.

PISA worldwide ranking: Average score of math, science and reading // FactsMaps. – Mode of access: http://factsmaps.com/pisa-worldwide-ranking-average-score-of-math-science-reading/ (Accessed: 22.08.2019.)

Schleicher A. Education in Japan: Learning to change // OECD Observer. – P., 2014. – N 298. – Mode of access: http://oecdobserver.org/news/fullstory.php/aid/4359/Education_in_Japan:_Learning_to_change.html (Accessed: 22.08.2019.)

Sonda N. Bushido (Chivalry) and the traditional Japanese moral education // Online j. of Bahá'í studies. – Paraparaumu, 2007. – Vol. 1. – P. 469–477.

Weale S. «Culture, not just curriculum» determines East Asian school success // The Guardian. – L., 2014. – Oct. 9. – Mode of access: https://www.theguardian.com/world/2014/oct/09/east-asian-school-success-culture-curriculum-teaching (Accessed: 22.08.2019.)

2019.04.005. Ю.Ю. ЧЕРНЫЙ. МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ: РОССИЙСКИЙ ПОДХОД[1].

Yu.Yu. CHIORNY. Media education in the age of the fourth industrial revolution: The Russian approach. DOI: 10.31249/rsoc/2019.04.03

Аннотация. В докладе обосновывается важность медиаобразования в эпоху Четвертой промышленной революции. Рассматриваются три возможных принципа медиаобразования: изменение психологической установки, теоретическое знание и практические компетенции.

Abstract. The report argues the importance of media education in the age of the Fourth industrial revolution. Three possible principles of media education are considered: change of the psychological attitude, theoretical knowledge and practical competences.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие; коммуникации; медиа; образование; Интернет.

Keywords: scientific and technological development; communication; media; education; Internet.

Уважаемые коллеги! Мой доклад называется «Медиаобразование в эпоху Четвертой промышленной революции: Российский подход».

Прежде всего, я хочу поблагодарить Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании и лично его директора Тао Чжаня и программного специалиста Татьяну Муровану за возможность посетить Таиланд и принять участие в этой замечательной конференции «Человек ли ты? Коммуникация, технология и новый гуманизм». Благодарю уважаемых организаторов в лице председателя Совета директоров Азиатского медийного центра ин-

[1] Доклад, сделанный Ю.Ю. Черным (руководитель Центра по изучению проблем информатики ИНИОН РАН, доцент кафедры медиаобразования Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ) на XXVII ежегодной конференции Азиатского медийно-информационного и коммуникационного центра (AMIC) в университете Чулалонгкорна в Бангкоке (Таиланд) в рамках сессии Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании (ИИТО) «Новые цивилизационные измерения медийно-информационной грамотности» (19 июня 2019 г.). С видео пленарного заседания сессии можно ознакомиться по ссылке: Mode of access: https://youtu.be/n8FMnZRmyUQ (Дата обращения: 22.08.2019.)

формации и коммуникации Криспина Маслога, генерального секретаря Центра Рамона Туазона и коллег из гостеприимного университета Чулалонгкорна в Бангкоке. Я очень рад тому, что тематика конференции совпадает с тем направлением теоретических исследований и практической деятельности, которым я занимаюсь в течение трех последних лет.

Далее я хотел бы рассказать о некоторых инициативах, в которых я принимал и продолжаю принимать участие, и о подходе к продвижению медийно-информационной грамотности, который разрабатывается и реализуется в главном педагогическом университете России – Московском педагогическом государственном университете.

В 2016 г. в статье «Архивы, библиотеки, музеи в глобальной информационной среде»[1] я занимался построением теоретической модели трансформации социальной памяти человечества от бесписьменного общества до наших дней и далее – до 2040 г. Изучение результатов научных исследований, прогнозов и планов научно-технического развития позволило сделать вывод о том, что после 2030 г. большое значение приобретет технология нейрокоммуникации. Благодаря ей мы сможем передавать друг другу чувства и мысли по глобальной Сети, минуя их кодирование в знаки, т.е. обходиться не только без письменности, но и без речи. В широком смысле этот процесс можно представить как движение к Глобальному мозгу, когда мозги отдельных людей, подключенные к Интернету, станут основой для формирования коллективного интеллекта глобального человечества.

Тем не менее в 2016 г. оставалась одна нерешенная проблема, связанная с тем, что будет происходить между настоящим временем и 2030 г. Построить мост между настоящим и будущим помогла книга Клауса Шваба «Четвертая промышленная революция»[2]. Если список технологических трендов известен, то наше представление о будущем имеет определенную структуру. Это, в свою оче-

[1] Черный Ю.Ю. Архивы, библиотеки, музеи в глобальной информационной среде // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: Сб. ст. / автор-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.О. Чубарьян, В.Р. Фирсов. – Москва: Этерна, 2016. – С. 43–67.

[2] Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Издательство «Э», 2017.

редь, значит, что о будущем можно обоснованно рассуждать. Главное – не бояться смотреть вперед, довериться собственной мысли и постараться найти в ней точку опоры.

2017 г. стал годом возникновения ряда сетевых проектов. Мы начали с просвещения библиотекарей в области технологий Четвертой промышленной революции, чтобы помочь им найти новые концептуальные основы для реформирования библиотек и разработки стратегий развития в постписьменном обществе. Первым таким проектом стал цикл материалов в «Фейсбуке» под названием «Азбука новых технологий» в группе одного из самых популярных российских профессиональных библиотечных журналов – «Современная библиотека»[1]. Этот цикл продолжался пять месяцев и стал основой для новой рубрики «Азбука новых технологий», который открылся в 2018 г. уже на страницах журнала. Далее цикл статей стал основой для проведения серии всероссийских вебинаров под названием «Азбука цифровой экономики» под эгидой Российского общества «Знание» (это самая большая просветительская неправительственная организация в России) и Заочной школы Московского инженерно-физического института. Еще одним направлением просвещения в сфере цифрового будущего стало сотрудничество с Централизованной библиотечной системой Северо-Западного административного округа города Москвы. Летом 2017 г. на базе библиотеки № 240 был создан научно-просветительский проект «TechnoScience». Я являюсь куратором этого проекта. Типовая районная библиотека обрела свое лицо, став центром просвещения в области цифрового будущего и новых технологий.

С сентября 2017 г. наряду с исследованиями в Российской академии наук я также работаю доцентом кафедры медиаобразования Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования Московского педагогического государственного университета. Одним из направлений работы кафедры является тема медиаобразования в эпоху Четвертой промышленной революции.

В теоретическом плане мы опираемся на идеи Торонтской школы коммуникаций, представленной именами Гарольда Инниса, Маршалла Маклюэна и Уолтера Онга. Мы считаем, что идеи То-

[1] Режим доступа: https://www.facebook.com/sb.litera/ (Дата обращения: 22.08.2019.)

ронтской школы обладают огромным потенциалом как для Запада, так и для Востока, в плане осознания структуры и динамики происходящих изменений в контексте единого всемирно-исторического процесса. Также на кафедре разрабатывается собственная медиатеория, получившая название теории всеобщих медиа.

В практическом плане тематика Четвертой промышленной революции и связанных с этими технологиями компетенций медийно-информационной грамотности активно вводится в процесс обучения магистрантов, повышения квалификации учителей средних школ и преподавателей Московского педагогического государственного университета. Таким образом, мы охватываем три ключевые аудитории: будущих преподавателей, практикующих учителей и тех, кто занимается профессиональной подготовкой будущих педагогов.

На мой взгляд, теория и практика медиаобразования сегодня должны быть актуализированы и приведены в соответствие с изменившейся реальностью. Я хотел бы предложить для обсуждения три следующих возможных принципа медиаобразования в эпоху Четвертой промышленной революции: 1) изменение психологической установки; 2) теоретическое знание; и 3) практические компетенции.

Изменение психологической установки означает, что каждый человек должен для себя признать и понять, что стабильной медийной среды больше не существует. Все пришло в движение и более того – развивается с ускорением. С такой установкой непросто жить, ее формирование требует навыка, но это насущная необходимость сегодняшнего дня. В свою очередь, теоретическое знание означает, что каждый человек должен сформировать в своем сознании опережающий образ медиасреды будущего, чтобы не пассивно адаптироваться к ней, а активно участвовать в ее формировании с точки зрения определенных ценностей. Для этого нужно понимать глубинные смыслы как Четвертой промышленной революции в целом, так и конкретных технологий. Наконец, практические компетенции означают, что человек должен уметь что-то реально делать, например управлять информационными потоками в «Фейсбуке» или в «Инстаграме». Вместе с тем важно подчеркнуть, что практические компетенции в новую эпоху приобретают все бо-

лее вспомогательный характер, поскольку медиареальность изменяется слишком быстро.

В заключение своего выступления я хотел бы вернуться к мыслям основателя и исполнительного председателя Всемирного экономического форума Клауса Шваба и еще раз напомнить его слова о коллективной ответственности за будущее нашей планеты: «Четвертая промышленная революция обладает потенциалом роботизировать человечество и поставить под угрозу наши традиционные источники смыслов, такие как работа, общество, семья, личность. В наших силах не допустить такого развития сценария, а использовать Четвертую промышленную революцию для движения человечества вверх к новому коллективному и моральному сознанию, основанному на едином представлении о судьбе. Всем нам надлежит постараться, чтобы произошло именно так»[1].

Благодарю вас за внимание!

2019.04.006. А.Ю. ДОЛГОВ. КАК МЕНЯЮТСЯ ПУБЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ: ОТ «ХРАНИЛИЩ ЗНАНИЙ» К ПРОСТРАНСТВУ ОТКРЫТОГО РАВНОГО ДОСТУПА, ЗАЩИТЫ ПРАВ И ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ. (Обзор).

A. Yu. DOLGOV. How public libraries are changed: From the «Knowledge storages» to the space of open equal access, defense of rights and civil participation. (Review). DOI: 10.31249/rsoc/2019.04.04

Аннотация. В обзоре рассматриваются социальные аспекты изменения роли публичных библиотек. Показано, что традиционная роль библиотек как «хранилищ знания» дополняется задачами защиты прав и создания пространства для публичной жизни.

Abstract. The review considers the social aspects of the changing role of public libraries. It shows how the traditional role of libraries as «knowledge storages» is supplemented by such tasks as defense of rights and creating space for public life.

Ключевые слова: библиотеки; публичная сфера; гражданское общество; равный доступ; права; мигранты; инвалиды.

Keywords: libraries; public sphere; civil society; equal access; rights; migrants; people with disabilities.

[1] Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Издательство «Э», 2017. – С. 138.

Традиционно основной задачей публичных библиотек считается хранение информации на различных носителях и предоставление к ней общего доступа. Исследовательская оптика дает возможность увидеть, что библиотеки производят также множество различных социальных эффектов, с одной стороны, будучи вписанными в определенный социальный контекст, а с другой – оказывая влияние на него своей деятельностью. В представленном реферативном обзоре рассматривается, как библиотеки меняются в условиях современности – ее политических, экономических и технологических вызовов.

Улла Папе из Бременского университета, Германия, и Анастасия Смирнова из Института «Стрелка» и Высшей школы экономики, г. Москва, исследуют связь реформы московских библиотек с гражданским обществом и публичной сферой в России [Pape, Smirnova, 2018]. Авторы отмечают, что большинство исследований гражданского общества не затрагивают проблематику публичной сферы и чаще всего сосредоточены на изучении организаций (фондов или неправительственных организаций). Из-за этого «организационного» фокуса незамеченными остаются многие пространства публичной сферы, которые являются действующими площадками открытых общественных обсуждений [ibid, p. 773].

В своем исследовании авторы опираются на концептуализацию публичной сферы Юргена Хабермаса[1]. В их понимании «публичная жизнь охватывает все гражданские действия, которые разворачиваются в публичной сфере, тогда как публичное пространство относится к спатиальному измерению, например к пространству, где граждане собираются вместе» [Pape, Smirnova, 2018, p. 773]. Публичная сфера является частью гражданского общества [ibid, p. 776]. Авторы констатируют, что в последние годы в Москве значительно возросло количество гражданских инициатив в городском пространстве и приводят в качестве примера оживленную городскую жизнь в кафе, театрах, самоорганизованные выступления, дискуссионные клубы, молодежные мероприятия и т.д. Однако многие из этих инициатив носят коммерческий характер. В целом в России, как отмечают У. Папе и А. Смирнова, публичная жизнь представляет собой смесь публичных, коммерческих и граждан-

[1] Habermas J. The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. – Cambridge: Polity press, 1989.

ских институтов [Pape, Smirnova, 2018, p. 773]. Для анализа публичной сферы современной России авторы фокусируют свое внимание на системе городских библиотек г. Москвы.

После того как СССР прекратил свое существование, в Москве продолжила функционировать сеть из 448 публичных библиотек, почти полностью в своем финансировании зависящих от городского бюджета. На протяжении более чем 25 лет после распада Советского Союза эти библиотеки работали без каких-либо серьезных изменений, пока в 2012 г. независимая группа интеллектуалов, архитекторов и урбанистов не выступила с инициативой их реформирования[1]. Основной целью изменений было сделать библиотеки более доступными и привлекательными для общественности. Предложенный инициативной группой проект реструктуризации публичных библиотек Москвы был поддержан городским департаментом культуры, который на тот момент возглавлял Сергей Капков [ibid, p. 774].

Эмпирическую основу исследования составил анализ документов и интервью с различными стейкхолдерами, участвующими в проекте реформирования библиотек. Авторы провели три углубленных полуструктурированных интервью с лицами, принимающими решения в период с октября 2015 г. по октябрь 2016 г. Описание процесса изменения библиотек в основном опиралось на анализ программных документов реформирования библиотеки им. Достоевского и библиотеки «Проспект», которые вошли в пилотную часть проекта. Рассматривая восприятие реформы пользователями, авторы проанализировали онлайн-статьи и сообщения в социальных сетях [ibid, 775].

Одна из основных проблем, с которой сталкиваются сегодня публичные библиотеки, связана с тем, что им приходится постоянно обосновывать необходимость своего финансирования из государственного бюджета и объяснять свою социальную ценность («проблема цели», по Майклу Виддерсхайму[2]). Таким образом, ре-

[1] Проект был инициирован группой архитекторов и градостроителей голландско-российской компании SVESMI и основателем московского книжного магазина «Фаланстер» Борисом Куприяновым.

[2] Widdersheim M.M. Governance, legitimation, commons: A public sphere framework and research agenda for the public library sector // LIBRI. – Milano, 2015. – Vol. 65, N 4. – P. 237–245.

формирование библиотек можно рассматривать как ответ на вызовы современности, такие как цифровизация, коммерциализация общественных благ, позиционирование себя как востребованных культурных институтов [Pape, Smirnova, 2018, p. 775].

В концепции Хабермаса публичная сфера отличается как от публичной власти, так и от частной гражданской сферы, выполняя посредническую функцию между государством и гражданами. Она предоставляет арену обсуждения важных общественных вопросов и формирования общественного мнения. Через публичные дебаты граждане реализуют свое гражданство и отстаивают различные потребности[1]. Одна из угроз для публичной сферы состоит в том, что публичные дискурсы могут быть коммерционализированы и поставлены в подчиненное положение властвующим элитам. Эта проблема свойственна российской публичной сфере, которая в условиях слабых демократических институтов и традиций вынуждена искать свое «место под солнцем».

Публичные библиотеки, по мнению ряда исследователей, выполняют функции публичной сферы, наиболее важной из которых является поддержка социальной инклюзии[2]. Публичные библиотеки гарантируют, что все граждане могут участвовать в публичной сфере и иметь равный доступ к знаниям [ibid, p. 777]. Нэнси Кранич, изучив функции публичных библиотек в Соединенных Штатах, определила семь основных ролей, в которых они выступают: 1) гражданское пространство; 2) инструмент обеспечения гражданской грамотности; 3) публичный форум и катализатор обсуждения; 4) гражданский информационный центр; 5) читальный зал для всего сообщества; 6) партнер по общественным услугам; 7) сервисный учебный центр[3].

Конкурентами библиотек по выполнению функций публичной сферы стало увеличивающееся число коммерческих институтов, предоставляющих различные виды услуг (кафе, книжные мага-

[1] Habermas J. Op. cit. – P. 27.

[2] Holt L.E., Holt G.E. Public library services for the poor: Doing all we can. – Chicago (IL): American library association, 2010; Ingraham C. Libraries and their publics: Rhetorics of the public library // Rhetoric rev. – Mahwah (NJ), 2015. – Vol. 34, N 2. – P. 147–163.

[3] Kranich N. Libraries and civic engagement // Library and book trade almanac / ed. by D. Bogart, B.J. Turock. – Medford (NJ): Information today, 2012. – P. 75–96.

зины и т.д.). Авторы характеризуют этот процесс как неолиберальную коммодификацию общественного пространства [Pape, Smirnova, 2018, p. 778]. Также они отмечают, что большую роль в утере библиотеками первенства в предоставлении информации сыграло развитие Интернета.

Для понимания реформы библиотек в Москве авторы используют концептуальную рамку, предложенную М. Виддерсхаймом. Он предлагает рассматривать три взаимосвязанных измерения: 1) *управление* (governance), характеризующее институциональную структуру библиотеки, которая должна служить общественным ценностям и интересам; 2) *легитимацию,* включающую все аспекты придания законной силы действиям пользователей библиотеки, государственного сектора и других стейкхолдеров; 3) *общественное благо* (commons), относящееся к публичной цели библиотеки, которая делится информацией и культурно-развлекательной программой со всеми членами общества[1].

В Советском Союзе библиотеки играли не только образовательно-просвещенческую, но и идеологическую роль, направляя читателя к «правильным» материалам и не допуская его до «неправильных». Библиотекари в этих условиях выполняли функции охранителей, отвечающих за защиту книгохранилища от посторонних глаз. Как отмечают авторы, ограничения и информационный контроль были также отражены в архитектуре и организации публичных библиотек в СССР. Так, читальный зал и книгохранилище были строго разделены, а читательский билет можно было получить только с пропиской в районе, в котором находилась библиотека [ibid, p. 780]. Эта ситуация закрытости стала меняться только в годы перестройки.

После распада СССР и упразднения политической и идеологической монополии КПСС библиотеки перестали рассматриваться как институты, выполняющие сугубо идеологические функции, и стали восприниматься как поставщики информации для общественности, что мотивировало библиотеки меняться – использовать электронные ресурсы, развивать образовательные программы и т.п. Главной проблемой этого этапа становится резкое сокращение финансирования. Если в годы советского градостроительства в каж-

[1] Widdersheim M.M. Op. cit.

дом районе обязательно была своя библиотека, то в постсоветский период из-за финансовых трудностей многие из них закрылись, другие в значительной степени утратили свою образовательную и культурную роль и потеряли свою читательскую аудиторию.

Инициативная группа, предложившая план реформирования московских библиотек, исходила из необходимости сохранения уникального культурного наследия библиотек, соединенного с современными социальными инновациями города. Кроме того, они видели своей задачей создание мест встреч и обсуждений для местных сообществ [Pape, Smirnova, 2018, p. 785]. Для администрации города проект реформирования должен был решить проблемы сокращения посещаемости и низкой эффективности библиотек. В приоритете для городской власти были финансовые соображения, хотя имиджевая сторона вопроса ей тоже была интересна.

Реформирование предполагало применение комплексного подхода к преобразованию библиотек: изменения затрагивали как протоколы обслуживания (например, внедрение более гибкого графика работы и использование в деятельности библиотек социальных сетей), так и стратегии закупки литературы, предоставление дополнительных услуг и реконструкцию стиля библиотечного пространства (создание современного открытого дизайна). Реализация пилотных проектов была признана успешной. Так, посещаемость библиотеки им. Достоевского увеличилась с 50 посетителей в день осенью 2012 г. до 380 посетителей в день в феврале 2014 г. [ibid, p. 787]. Специально оборудованное пространство позволяло проводить в библиотеках лекции, дебаты, кинопоказы, устраивать языковые курсы и обучающие семинары как для детей, так и для взрослых. Как отмечают авторы, обновленное пространственное устройство способствовало возникновению новых способов социального взаимодействия как между посетителями, так и между посетителями и библиотекарями [ibid, p. 788]. Однако некоторые библиотекари настороженно или даже критично встретили нововведения, продолжая, по словам одного из информантов исследования, в «старом стиле очень бережно относиться к библиотечным фондам», «часто создавая барьер между книгами и посетителями», поэтому команда проекта приложила много усилий для обучения сотрудников «более открытой библиотечной культуре» [ibid, p. 789].

Но несмотря на успехи проекта его поддержка со стороны администрации была прекращена, и в 2014–2015 гг. его реализация постепенно остановилась. В это время сильно изменился внутренний политический контекст, произошли значимые события в международных делах.

Рассматривая результаты реформирования библиотек с точки зрения трех ранее описанных измерений, авторы отмечают, что библиотеки, безусловно, превратились в культурное достояние, обогащающее культурную жизнь города (*общественное благо*). С точки зрения *управления*, были сделаны важные шаги в сторону повышения прозрачности и эффективности работы библиотек, однако это направление не достигло своей итоговой цели, поскольку, например, не был разработан и утвержден официальный документ, регламентирующий вопросы контроля над расходованием финансовых ресурсов библиотек. Неуспех реализации проекта больше всего связан с его неудавшейся *легитимацией*. Как только лицо, принимающее решение и поддерживающее проект (С. Капков), покинуло политическую сцену, реформа сразу же сошла на нет, не имея больше легитимации на уровне городской власти. По мнению авторов, недостаток легитимации также свидетельствует об отсутствии доверия со стороны властей к жителям города. Создание свободного пространства для обсуждения больше не входило в повестку дня городской администрации, так как это могло нести для нее риск гражданской активности, находящейся вне контроля [Pape, Smirnova, 2018, p. 793]. Несмотря на подчеркивание организаторами реформы «нейтральности» своего проекта, он оказался политически подозрительным в глазах городской администрации, поскольку подразумевал создание пространства для публичных встреч и дискуссий [ibid, p. 784].

Для развития публичной сферы России, заключают У. Папе и А. Смирнова, наследие проекта библиотечной реформы амбивалентно. С одной стороны, проект доказал, что создание новых публичных пространств в Москве возможно. С другой стороны, реформа показала, что публичная сфера в современной России ограничена, поскольку она не может развиваться за пределами культурно-нишевой инициативы. Для теории публичной сферы это означает, что политический контекст является важнейшим услови-

ем, которое необходимо учитывать для понимания возникновения публичной сферы [Pape, Smirnova, 2018, p. 795].

На Западе публичные библиотеки в соответствии с политическим контекстом меняются, ориентируясь на принципы равных прав и свободы. В статье «Практики предоставления убежища в скандинавских транснациональных городах: На примере публичных библиотек» Анна Лундберг (Линчёпингский университет, Швеция) и Лиза Дальквист (Лундский университет, Швеция) анализируют новую роль публичных библиотек в транснациональном городе, которые открывают свое пространство для нелегальных мигрантов [Lundberg, Dahlquist, 2018]. Таким образом, публичные библиотеки становятся уже не просто местом для использования книг, но и защищенным общественным пространством, в котором гарантируется право на информацию и свободу самовыражения. В работе рассматривается, как возникновение прав нелегальных мигрантов происходит в рамках государства, в противовес которому этот же процесс может оспаривать режим государственной депортации. Основной исследовательский случай, который рассматривается в статье, – городская библиотека Мальмё, Швеция. Этот город расположен на юге страны на границе с Данией. Он является крупнейшей точкой сосредоточения мигрантов в Скандинавии. В 2013 г. Комитет по культуре Мальмё инициировал открытие нелегальным мигрантам, ожидающим высылки из страны, доступ ко всем библиотечным услугам в целях обеспечения равного и бесплатного доступа к информации для всех [ibid, p. 143].

Дополнительно для сравнения с ситуацией в Мальмё приводятся примеры библиотек Копенгагена (Дания) и Осло (Норвегия). Все три места, по мнению авторов, объединены «скандинавскими ценностями», под которыми понимаются сильная система социального обеспечения, регулируемый рынок труда и либеральная ориентированность. Однако есть и существенные отличия: например, Дания демонстрирует более строгое законодательство в отношении мигрантов, а Швеция и Норвегия в последние годы показали сильную ориентированность на расширение социальных гарантий нелегальных мигрантов [ibid, p. 143–144].

Исследование авторов основано на нескольких предыдущих проектах по изучению прав человека и нелегальной миграции в 2014–2016 гг. Одна из авторов провела опрос среди библиотекарей

Копенгагена, Мальмё и Осло по электронной почте. Вторая исследовательница изучила национальное законодательство, посвященное определению миссии библиотек в Скандинавии. Ею также была проведена этнографическая работа в нескольких публичных библиотеках. В дополнение во всему перечисленному эмпирические материалы были получены из решений административного суда по делам, связанным с правом нелегальных мигрантов пользоваться публичными библиотеками в Мальмё [Lundberg, Dahlquist, 2018, p. 145].

Авторы статьи отмечают, что общим пунктом исследований нелегальной миграции является их фокус на «верховной власти» (sovereign), принимающей решение о контроле над миграцией[1]. Например, Натали Пейтц и Николас де Дженова использовали в своей работе термин «депортация», понимая под ней неоспоримый ресурс администрации, которая таким способом верифицирует и подтверждает государственный суверенитет. Депортация одновременно является унифицированной и глобальной реакцией на мир, который меняется из-за транснациональной мобильности[2]. В исследованиях также возникло направление критики режима депортации. Например, Кэролайн Пациас и Настасья Уильямс обосновывают тезис о том, что помощь нелегальным мигрантам является не нарушением закона, а скорее политическим обязательством[3]. Практика предоставления убежища мигрантам была исследована как пример законного действия, создания сетей солидарности и запроса на справедливость, объясняющего «урбанизацию прав человека»[4]. Таким образом, инициативы по предоставлению мигрантам убе-

[1] Irregular migration in a Scandinavian perspective / ed. by M.B. Jørgensen. – Maastricht: Shaker publishing, 2010; Watters C. Refugee children: Towards the next horizon. – L.: Routledge, 2008.

[2] De Genova N.P., Peutz N. Introduction // The deportation regime: Sovereignty, space and the freedom of movement / ed. by N.P. De Genova, N. Peutz. – Durham (NC): Duke univ. press. – P. 2.

[3] Patsias C., Williams N. Religious sanctuary in France and Canada // Sanctuary practices in international perspectives: Migration, citizenship and social movements / ed. by R. Lippert, S. Rehaag. – L.: Routledge, 2014. – P. 176.

[4] Darling J. Defying the demand to «Go home»: From human rights cities to the urbanization of human rights // Global urban justice: The rise of human rights cities / ed. by B. Oomen, M.F. Davis, M. Grigolo. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2016. – P. 123.

жища можно рассматривать как вызов суверенному государству в контексте появления новых форм прав и городских форм гражданства [Lundberg, Dahlquist, 2018, p. 147].

Для А. Лундберг и Л. Дальквист права человека в рамках инициатив по предоставлению убежища являются формой локальной практики защиты прав человека в городе. Публичные библиотеки в таком случае играют социальную роль как места встречи сообщества и, по мнению авторов, могут быть концептуализированы как открытые пространства для усиления социальной сплоченности. Библиотеки могут выступать в качестве защищенных трансграничных мест встречи людей независимо от их правового статуса и открытых пространств для защиты прав [Lundberg, Dahlquist, 2018, p. 148].

Концепция публичной библиотеки (как и школы, университета и музея) исторически тесно связана с понятием публичной сферы, которая основана на идее свободного и открытого для всех пространства. Это место, где граждане могут обмениваться мнениями, участвовать в публичных обсуждениях и получать доступ к информации [Lundberg, Dahlquist, 2018, p. 149]. Принцип равного доступа для всех зафиксирован в «Манифесте публичных библиотек» ЮНЕСКО[1]. Схожие демократические принципы работы публичных библиотек декларируются в законодательстве скандинавских стран.

Решение Комитета по культуре Мальмё 2013 г. предоставить гарантированный доступ к библиотечным ресурсам нелегальным мигрантам встраивалось в логику обеспечения равного доступа для всех людей. В случае с нелегальными мигрантами, чтобы защитить их от полиции, была придумана специальная процедура регистрации. В библиотечной карточке не обязательно было указывать постоянный адрес проживания пользователя, достаточно было предоставить адрес электронной почты. Часть жителей Мальмё поддержала новую политику, другая выступила резко против – организовывались протесты и обращения в суд. Среди основных рисков такого решения критики называли высокую вероятность невозврата книг, небрежность пользования, мошенничество. Однако

[1] IFLA/UNESCO public library manifesto / The international federation of library associations and institutions. – The Hague, 1994. – Mode of access: https://www.ifla. org/publications/iflaunesco-public-library-manifesto-1994 (Accessed: 22.08.2019.)

библиотечное сообщество оценило эти риски как издержки, которые необходимо взять на себя для обеспечения политики всеобщего равного доступа к информации [Lundberg, Dahlquist, 2018, p. 151]. Подобная практика регистрации нелегальных мигрантов в библиотеках была принята также в Стокгольме и Осло.

По-другому дела обстояли в библиотеках Дании. Здесь регистрация в библиотеках все так же была недоступна для лиц без гражданства. Авторы связывают это с тем, что в Дании регистрация в библиотеке обязательно предписывает предъявление карточки медицинского страхования, которая, в свою очередь, есть только у граждан этой страны.

По мнению авторов, когда публичные библиотеки в шведских и норвежских городах открыли свои услуги для нелегальных мигрантов и защитили этих «депортируемых» от государственного контроля за миграцией, они также сделали нечто большее, а именно защитили библиотеку как публичное учреждение от участия в работе механизма депортации. Это показало, что общественные институты, если они выступают гарантами предоставления убежища более или менее осознанно, противостоят тоталитарному социальному развитию [ibid, p. 154].

Реализация принципов равного доступа, публичности и открытости в библиотеках западных стран сталкивается и с другими серьезными проблемами. Одна из них связана с пользованием услугами библиотек людьми с инвалидностью. Исследовательницы из Университета Южной Австралии Джоан Кейдинг, Дайан Л. Веласкес и Дебора Прайс рассмотрели перспективы доступа и инклюзии детей с ограниченными возможностями и их семей в публичные библиотеки [Kaeding, Velasquez, Price, 2017]. Авторы ставят перед собой следующие вопросы. С какими проблемами доступности и инклюзивности сталкиваются дети-инвалиды и их семьи, посещающие публичную библиотеку? Как сотрудники библиотеки видят эти проблемы? Почему так мало публичных библиотек уделяют внимание доступности и инклюзии детей с ограниченными возможностями и их семей? Что могут сделать публичные библиотеки для расширения доступности и инклюзии детей-инвалидов и их семей [ibid, p. 100]? Итогом их исследования стала разработка модели инклюзивной библиотеки.

Открытость и доступность для каждого – фундаментальный принцип работы публичных библиотек. История развития публич-

ных библиотек демонстрирует их ориентированность на инклюзивность[1], которая достигается через предоставление книг в разных форматах, включая аудио- и электронные книги, оборудование помещений пандусами, лифтами, столами для инвалидных колясок и т.п. Но на практике с соблюдением принципов доступности и инклюзивности очень часто возникают трудности. Это хорошо видно на примере с детьми с ограниченными возможностями и их сопровождающими. Ребенку может быть некомфортно в библиотеке, а его родители могут испытывать неловкость и неудобство перед другими посетителями или перед сотрудниками библиотеки, что может привести к решению поскорее уйти оттуда.

В обзоре литературы Хизер Хилл[2], посвященной проблематике доступности библиотек для людей с ограниченными возможностями (198 опубликованных статей в области библиотековедения и наук об информации), показано, что основной фокус работ в этой области направлен на изучение электронного доступа (25% работ); лишь в 12% работ рассматривался вопрос доступности библиотек для людей с инвалидностью. Таким образом, наблюдается недостаток работ о социальных аспектах инвалидности и пользовании услугами библиотек людьми с ограниченными возможностями. Те авторы, которые все же обращались к этой теме, чаще всего рассматривали проблемы людей с нарушением зрения и слуха; другие виды нарушений рассматриваются намного реже [Kaeding, Velasquez, Price, 2017, p. 97].

В работе Рут Смолл и ее коллег[3] отмечается, что публичные библиотеки продвинулись дальше других библиотек в решении вопроса доступности и инклюзивности. Однако в центре внимания

[1] Hill H. Disability and accessibility in the library and information science literature: A content analysis // Library a. information science research. – Bingley, 2013. – Vol. 35, N 2. – P. 137–142; Jaeger P.T., Wentz B., Bertot J.C. Accessibility, inclusion and the roles of libraries // Accessibility for persons with disabilities and the inclusive future of libraries / ed. by B. Wentz, P.T. Jaeger, J.C. Bertot. – Bradford: Emerald group publishing, 2015. – P. 1–8.

[2] Hill H. Op. cit.

[3] Small R.V., Myhill W.N., Herring-Harrington L. Developing accessible libraries and inclusive librarians in the 21st century: Examples from practice // Accessibility for persons with disabilities and the inclusive future of libraries / ed. by B. Wentz, P.T. Jaeger, J.C. Bertot. – Bradford: Emerald group publishing, 2015. – P. 73–88.

публичных библиотек были физическая доступность и использование различных форматов информационно-библиотечных ресурсов. Эти исследователи также выявили четыре основных препятствия для доступа к библиотекам, а именно: нехватку времени и денег; решения, принятые без контроля со стороны библиотек (например, строительство зданий); постоянных пользователей, не знающих о доступных и инклюзивных ресурсах и услугах; библиотекарей, не имеющих необходимых знаний, навыков и подходов к работе [Kaeding, Velasquez, Price, 2017, p. 97].

Важным направлением исследований в этой области является изучение роли информационных технологий и Интернета, с помощью которых повышается уровень доступности к источникам информации для людей с ограниченными возможностями[1]. Но проблема эффективности доступа возникает и в этих ситуациях. Это касается качества составления электронных коллекций библиотекарями[2] или доступности веб-страниц на сайтах библиотек[3].

В исследовании, проведенном Тесс Прендергаст[4], изучалось, как публичные библиотеки обеспечивают и поддерживают развитие грамотности на раннем этапе у детей с ограниченными возможностями. Она взяла интервью у библиотекарей и родителей детей с ограниченными возможностями. Основные выводы Прендергаст заключались в следующем: учебная программа в библиотечных школах не готовила библиотекарей для удовлетворения потребностей детей-инвалидов и их семей; отсутствовала связь между библиотекарями и семьями детей с ограниченными возможностями; такая информационно-разъяснительная работа играла важную роль в развитии взаимодействия между ними. Она также отметила,

[1] См., например: Jaeger P.T., Wentz B., Bertot J.C. Op. cit.

[2] Schmetzke A. Collection development, e-resources and barrier-free access // Accessibility for persons with disabilities and the inclusive future of libraries / ed. by B. Wentz, P.T. Jaeger, J.C. Bertot. – Bradford: Emerald group publishing, 2015. – P. 111–142.

[3] Lush B. Managing accessible library web content // Accessibility for persons with disabilities and the inclusive future of libraries / ed. by B. Wentz, P.T. Jaeger, J.C. Bertot. – Bradford: Emerald group publishing, 2015. – P. 169–189; Youngblood N.E. The digital inclusiveness of state library websites // Ibid. – P. 193–211.

[4] Prendergast T. Seeking early literacy for all: An investigation of children's librarians and parents of young children with disabilities' experiences at the public library // Library trends. – Baltimore (MD), 2016. – Vol. 65, N 1. – P. 65–91.

что сотрудничество с другими специалистами, например с логопедами, может помочь библиотекарям и семьям [Kaeding, Velasquez, Price, 2017, p. 98].

В своей работе Дж. Кейдинг, Д.Л. Веласкес и Д. Прайс используют следующие основные понятия.

• *Дети с ограниченными возможностями* – дети в возрасте до 18 лет, имеющие «долговременные физические, психические, интеллектуальные или сенсорные нарушения, которые при взаимодействии с различными барьерами могут испытывать затруднения в полном и эффективном участии в жизни общества наравне с другими»[1].

• Под *доступностью* в широком смысле слова понимаются физическая, интеллектуальная, сенсорная, эмоциональная и психологическая доступность. Публичная библиотека доступна в случае, если у посетителей есть возможность как физически присутствовать в ней, так и осмысленно участвовать в происходящих процессах.

• Под *семьями детей с ограниченными возможностями* понимаются как члены ближайшей и расширенной семьи (родители, бабушки и дедушки, братья и сестры, тети и дяди), так и опекуны, сопровождающие, медицинские или социальные работники.

• *Универсальный дизайн* – «дизайн предметов и окружающей обстановки, максимально удобной в использовании всеми людьми без необходимости переделывания или специального проектирования»[2] [Kaeding, Velasquez, Price, 2017, p. 98–99].

Авторы использовали смешанный метод исследования: они провели полуструктурированные интервью, а также попросили 18 библиотечных работников из США и Канады, имеющих опыт предоставления доступа детям с ограниченными возможностями, заполнить онлайн-опросник. Интервью состояло из девяти открытых вопросов, а онлайн-анкета – из 41. Для отбора участников использовалась целевая выборка: у информантов обязательно должен был быть опыт инклюзивной работы в библиотеках. Ключевыми

[1] Children and young people with disabilities fact sheet / United Nations children's fund. – N.Y., 2013. – May. – Mode of access: https://www.unicef.org/disabilities/files/Factsheet_A5__Web_REVISED.pdf (Accessed: 22.08.2019.)

[2] The principles of universal design / Center for universal design. – Raleigh (NC), 1997. – Mode of access: https://projects.ncsu.edu/ncsu/design/cud/pubs_p/docs/poster.pdf (Accessed: 22.08.2019.)

темами опросника были демографические характеристики посетителей библиотек; доступность и инклюзивность библиотечных услуг; препятствия библиотек, возникающие перед детьми с ограниченными возможностями; планы библиотек по улучшению доступности и инклюзивности и т.д.

В интервью информанты рассказали о следующих решениях, которые предпринимаются в их библиотеках для улучшения доступности: обучение сотрудников, специальные библиотечные программы, партнерство, совершенствование библиотечных коллекций и материальное обустройство (пространство и оборудование) [Kaeding, Velasquez, Price, 2017, p. 103]. Анализ анкет показал, что опрошенные работники библиотек называли три наиболее распространенные направления, на которые ориентировались их учреждения: библиотечные программы; отношение, чувствительность и осведомленность сотрудников библиотеки; понимание особенностей и потребностей детей с ограниченными возможностями [ibid, p. 104].

Отвечая на вопрос, какие улучшения пространства сделаны в их библиотеках, большинство информантов указало, что помещения были оборудованы для инвалидных колясок, создавалось удобное пространство для детей [Kaeding, Velasquez, Price, 2017, p. 105]. Также результаты анкетного опроса показали, что наиболее распространенным стимулом для улучшения доступности в библиотеках выступали запросы семей.

Самыми большими препятствиями для детей-инвалидов информанты назвали отношение сотрудников библиотеки; отсутствие библиотечных программ по обслуживанию инвалидов; физическое пространство библиотек (шум, освещение и т.д.). Причинами, по которым эти недочеты не устраняются, респонденты чаще всего называли недостаток знаний о том, как это сделать, ограниченность кадровых и финансовых ресурсов [Kaeding, Velasquez, Price, 2017, p. 106]. В интервью участники отмечали важность формирования партнерских отношений со специализированными организациями, детьми-инвалидами и их семьями для достижений целей открытости и доступности библиотек. Главное, на чем бы хотели сконцентрироваться библиотекари для решения вопроса открытости и доступности, – это обучение и развитие персонала [ibid, p. 107].

Проанализировав интервью и анкеты, авторы статьи выделили шесть общих элементов, способствующих доступности и инклюзивности: *коллекции, материальное обустройство* (пространство и оборудование), *партнерство, программы, обучение* и *маркетинг*. Перечисленные элементы легли в основу модели публичной библиотеки, ориентированной на улучшение доступности для детей-инвалидов и их семей.

Выделенные элементы работают в контексте определенной управленческой среды (менеджмента), который должен быть нацелен на поддержку инклюзивных программ как в финансовом отношении, так и с точки зрения планирования и осуществления политики доступности. Первым важным элементом модели является наличие в библиотеках специальных *коллекций*, предназначенных для использования детьми-инвалидами (в интервью информанты указали, что все библиотеки имеют такие коллекции). Но не все библиотеки соответствовали условиям *материального обустройства*, комфортного для инвалидов (пандусы, регулируемая мебель, адаптивное оборудование и т.д.). Сюда же относится ситуация с доступностью веб-сайтов: не все библиотеки, со слов информантов, приспособили свои сайты для использования людьми с ограниченными возможностями. Но почти все библиотеки, как показали анкеты, установили *партнерство* с организациями или внешними компаньонами, работающими с инвалидами. Запуск специальных библиотечных *программ* – наиболее сложный элемент, поскольку они должны отличаться друг от друга и нельзя создать одну-единственную идеальную программу, которая подходила бы всем. *Обучение* персонала должно, по мнению информантов, решить многие вопросы, связанные с неумением работать с детьми с особыми потребностями. Наконец, большая роль отводится *маркетингу*, с помощью которого предполагается продвигать библиотечные ресурсы, технологии и услуги, предназначенные для людей с инвалидностью [Kaeding, Velasquez, Price, 2017, p. 107–112].

Основным ограничением своей модели авторы называют то, что она не включает самих детей с инвалидностью и их семьи. Другим ограничением является то, что в своем подходе они не рассматривают отдельные виды инвалидности, фокусируясь на физических ограничениях в целом. Упомянутые ограничения, по мнению авто-

ров статьи, необходимо преодолеть в дальнейших исследованиях [Kaeding, Velasquez, Price, 2017, p. 112].

В заключение отметим, что публичные библиотеки, как видно из обзора публикаций, стремятся ответить на вызовы современности, изменяя принципы своей работы в сторону большей открытости и партиципаторности. Одна из развилок, возникающая из-за этого, связана с тем, останется ли приоритетной традиционная роль библиотек как институтов хранения и передачи знания или же библиотеки все сильнее будут ориентироваться на создание модных, удобных и востребованных публичных пространств.

Список литературы

1. *Kaeding J., Velasquez D.L., Price D.* Public libraries and access for children with disabilities and their families: A proposed inclusive library model // J. of the Australian library and information association. – Kingston, 2017. – Vol. 66, N 2. – P. 96–115.
2. *Lundberg A., Dahlquist L.* Sanctuary practices in Scandinavian transnational cities: The case of public libraries // J. of human rights practice. – Oxford, 2018. – Vol. 10, N 1. – P. 142–158.
3. *Pape U., Smirnova A.* Transforming the public sphere: The case of Moscow's city libraries // Cultural studies. – Vienna, 2018. – Vol. 32, N 5. – P. 772–799.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

2019.04.007. ЛАЛЬМАН М. 50 ЛЕТ СОЦИОЛОГИИ: ОБЩАЯ КАРТИНА.
LALLEMENT M. 50 ans de sociologie: Éléments pour un panorama // Idées économiques et sociales. – P., 2019. – N 1, Vol. 195. – P. 19–27.

Ключевые слова: история социологии; теория социологии; мировая социология; социология во Франции; социологические концепции и подходы.

Мишель Лальман (преподаватель социологической кафедры Консерватории искусств и ремесел, Париж) подводит итоги развития социологии – прежде всего во Франции – за последние пятьдесят лет.

Во вступлении он кратко обрисовывает состояние социологии на начало рассматриваемого периода – 1960-е годы. В центре внимания находятся проблемы эволюции общества, возрождается интерес к теме противостояния капиталистической и социалистической систем. Во Франции ключевыми являются проблемы индустриального общества, урбанизации, образования. Для мировой социологической науки актуальны темы взаимодействия западной цивилизации, технологических революций и традиционных культур; трансформации социальных классов; новые социальные движения. Доминирование США на политической арене в этот период проявляется и в социальных науках, как в теоретическом, так и в методологическом плане. Функционализм Т. Парсонса и Р. Мёртона, интеракционизм И. Гофмана, этнометодология Г. Гарфинкеля, критическая социология Ч.Р. Миллса способствуют развитию парадигмы, отдающей приоритет ценностной интеграции. П. Лазарсфельд привносит новые методы исследования и обработки данных в общественные науки. Во Франции, где популярны марксизм и структурализм, позитивистский подход благоприятствует

социологическому анализу. Среди ключевых работ французских социологов автор называет изданные Р. Будоном в соавторстве с Ф. Шазелем и П. Лазарсфельдом «Словарь общественных наук» (1965), «Эмпирический анализ причинных связей» (1966), «Анализ социальных процессов» (1970), а также «Профессия социолога» (1968) П. Бурдьё, Ж.-К. Шамборедона, Ж.-К. Пассрона.

Далее Лальман рассматривает эволюцию французской социологии, опираясь на классификацию А. Шеню, выделившего в этом процессе три этапа[1].

1. В период после Освобождения (1945–1958) французская социология восстанавливается из состояния почти полного интеллектуального и институционального разрушения науки после отказа от теорий Э. Дюркгейма. Ключевая роль в возрождении принадлежит Ж. Фридману, возглавлявшему Центр социологических исследований. В 1958 г. учреждается лиценциат[2] и докторантура третьего цикла[3] по социологии. Численность исследователей на этот момент составляет около 50 человек, около 20 преподают социологию в университетах.

2. Основная черта следующего этапа – институционализация дисциплины. Учреждается Французское общество социологии (Société française de sociologie, 1962) и другие профессиональные ассоциации. Создаются новые профессиональные журналы, такие как «Социология труда» («Sociologie du travail», 1959), «Французский социологический журнал» («Revue française de sociologie», 1960), «Европейские социологические архивы» («Archives européennes de sociologie», 1960), «Сельские исследования» («Etudes rurales», 1960).

3. На третьем этапе, с середины 1970-х годов, социология становится массовой университетской дисциплиной. Почва для этого была подготовлена активным участием студентов-социологов

[1] Chenu A. Une institution sans intention: La sociologie en France depuis l'après-guerre // Actes de la recherche en sciences sociales. – P., 2002. – N 141/142. – P. 46–59.

[2] Диплом об окончании трех курсов университета, соответствующий российскому бакалавриату. – *Прим. реф.*

[3] Третий цикл высшего образования, соответствующий российской аспирантуре. – *Прим. реф.*

в событиях мая 1968 г. В 1976 г. учреждена степень агреже[1] по социальным наукам. Еще раньше социальные и экономические науки начинают преподавать в лицеях. Наблюдается рост числа изучающих социологию: в 1975 г. было выдано 500 дипломов первого цикла высшего образования, в 1995 г. – 3500. За эти годы число выпускников социологической магистратуры выросло с 300 до 800. Увеличение числа докторских диссертаций также свидетельствует о росте популярности дисциплины: 771 – с 1968 по 1977 г. и 1662 – с 1998 по 2007 г. В 2015 г. Французская ассоциация социологии (Association française de sociologie) насчитывает 1500 членов [с. 21]. С точки зрения гендерного распределения, согласно данным на середину 1990-х годов, на начальном этапе обучения преобладают женщины (70% среди студентов-социологов), на более высоких позициях в профессиональной иерархии их доля уменьшается (среди преподавателей-исследователей женщин – 29%) [там же]. Сегодня начинает наблюдаться переизбыток социологических кадров. В 1998 г. на 51 место лектора по социологии претендовали 185 человек, в 2017 г. на 28 мест – 230 кандидатов [там же]. Исследовательские центры предлагают еще меньше постоянных должностей.

Тем не менее, делает вывод автор, социология перестала быть занятием горстки интеллектуалов, как пятьдесят лет назад. Об укреплении социологии как дисциплины за эти десятилетия свидетельствует постоянный рост числа студентов и численности преподавательского состава, смещение интереса с чисто теоретических к эмпирическим исследованиям, появление новых исследовательских тем, кратное увеличение числа академических журналов, учреждение профессиональной ассоциации, появление популярных журналов по дисциплине и т.п.

Аналогичные процессы утверждения общественных наук произошли за этот период во всем мире, хотя и в разной степени в разных странах. При этом во всех странах ОЭСР сфере исследований присущи схожие черты: междисциплинарность, возросшая специализированность, большая зависимость исследований от финансирования фондов, интерес к современным проблемам и т.д. Эти характеристики относятся и к социологии, чьи позиции за это

[1] Ученая степень во Франции, дающая право преподавать в средней и профессиональной школе и на естественнонаучных и гуманитарных факультетах высшей школы. – *Прим. реф.*

время укрепились за счет увеличения человеческих ресурсов, авторитета, профессионализации дисциплины, бóльшей заметности в общественном пространстве.

Во второй части статьи, отметив, что за пятьдесят лет изменился не только институциональный облик социологии, но и используемые ею методы анализа, автор, желая дать представление об основных направлениях социологических исследований за этот период, обращается к следующей схеме. Опираясь на работы Дж. Александера[1], он структурирует пространство социологической мысли с помощью двух пересекающихся осей, образующих четыре квадранта: одна ось связана с особенностями формирования общественного устройства (с полюсами микро- и макроподходов), другая – с особенностями человеческой деятельности (реальные интересы vs нормативные мотивации).

На пересечении микроуровня и реальных интересов располагаются теории рационального актора. Их базовые положения в значительной мере опираются на неоклассическую экономическую парадигму Homo economicus. Характерными для этого направления являются такие работы, как «Логика социального» Р. Будона («La logique du social», 1979) во Франции, «Основания социальной теории» Дж. Коулмана («Fondations of social theory», 1990) в США, «Поведенческая социология» К.-Д. Оппа («Verhaltentheoretische Soziologie», 1978) в Германии. При всех различиях их объединяет то, что для объяснения любых социальных фактов они всегда отталкиваются от индивида и его интересов.

На пересечении микроуровня и сферы нормативного находятся две социологические школы: интеракционизм и этнометодология. К этой школе французский исследователь относит многих авторов: Г. Блумера («Символический интеракционизм» – «Symbolic interactionism», 1969), А. Стросса («Зеркала и маски» – «Mirrors and masks», 1959), Э. Эботта («Процессуальная социология» – «Processual sociology», 2016), Г. Беккера («Аутсайдеры» – «Outsiders», 1963); одним из наиболее характерных представителей он считает И. Гофмана (см., например, его работы: «Отношения на публике» – «Relations in public», 1971; «Стратегическое взаимодей-

[1] Alexander J. Theoretical logic in sociology. – Berkeley: Univ. of California press, 1982. – Vol. 1: Positivism, presuppositions and current controversies.

ствие» – «Strategic interaction», 1972). Этнометодология, помещенная в тот же квадрант, получила, как считает автор, наилучшее объяснение в работе Г. Гарфинкеля «Исследования по этнометодологии» («Studies in ethnomethodology», 1967).

Пересечение макроуровня и реальных интересов дает направление, представленное социологией истории, экономики, социальных классов. В них делается акцент на системных подходах, формирующих будущее наших обществ. Среди многочисленных тем этого направления: проблемы слаборазвитых стран (см.: С. Амин «Неравное развитие» – «Le développement inégal», 1973), условия, способствующие революциям (см.: Т. Скочпол «Государство и социальные революции» – «States and social revolutions», 1979), общество рисков (У. Бек «Общество риска» – «Die Risikogesellschaft», 1986), развитие мир-экономики (И. Валлерстайн «Современная мир-система» – «The modern world-system», 1974–1989), переход к «текучему обществу» (З. Бауман «Намеки постмодерности» – «Intimations of postmodernity», 1992), возникновение новых транснациональных сетей (М. Кастельс «Зарождение сетевого общества» – «The rise of the network society», 1996), современные формы «расколдовывания мира» (Дж. Ритцер «Макдональдизация общества» – «The McDonaldization of society», 1996), роль эмоций в современном капитализме (Е. Иллуз «Чувства во времена капитализма» – «Gefünle in Zeiten des Kapitalismes», 2006), жесткость либеральной политики и социальное неравенство в эпоху глобализации (С. Сассен «Выталкивание» – «Expulsions», 2014) и т.п. К этому же сектору на схеме автор относит критическую социологию Франкфуртской школы, исследования которой фокусируются на патологиях современного общества. Среди ее наиболее ярких представителей: Ю. Хабермас («Теория коммуникативного действия» – «Theorie des kommunikativen Handels», 1981), А. Хоннет («Борьба за признание» – «Kampf um Anerkennung», 1992), Х. Роза («Ускорение» – «Beschleunigung», 2005).

Наконец, в четвертом квадранте между макро- и нормативным уровнями расположены исследования, посвященные тому, что способствует воспроизводству социального устройства. Среди теорий, относящихся к данному сектору, автор называет неофункционалистский подход к системам Н. Лумана («Общество общества» – «Die Gesellschaft der Gesellschaft», 1997), теорию полей П. Бурдьё

(«Практический смысл» – «Le sens pratique», 1980), организационный неоинституционализм и работы о разнообразии капитализма П. Холла и Д. Соскиса («Разнообразие форм капитализма» – «Varieties of capitalism», 2003). Автор подчеркивает заслугу социологии Лумана в выявлении способности социальных систем к самопроизводству и саморегулированию. Тогда как взаимодействие институционалистской экономики и сравнительной социологии дало возможность осмыслить развитие общества в период экономического кризиса и политических преобразований на рубеже XX и XXI вв.

При всей условности предложенного деления, оно позволяет, по мнению автора, структурировать огромное множество социологических теорий и, кроме того, выделить два направления эволюции современной социологии. Одно из них он усматривает в интенсификации интеллектуальных обменов, сопоставлении идей, создании гибридных теорией на международном уровне. Имеется в виду, в частности, успех французской социологии (Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё) в США в конце XX в. и американских исследовательских подходов во Франции (Чикагской школы в недавнем прошлом, теории прагматизма Дж. Дьюи сегодня). Другое направление связано с расширением существующих границ социальной науки за счет преодоления установившихся дихотомий (Э. Гидденс «Устроение общества» – «The constitution of society», 1984; У. Бек, Э. Бек-Герншейм «Индивидуализация» – «Individualization», 2002), междисциплинарности, исследования тем, находившихся ранее вне поля зрения социологии или не привлекавших серьезного внимания.

В последней части статьи автор анализирует ситуацию во французской социологии. При этом он основывается на схеме, предложенной А. Туреном[1], которая позволяет выделить основные теоретические направления, исходя из того, преобладает ли в данной теории внимание: 1) к системе или к актору; 2) к интеграции социального поля или к разделяющим его конфликтам. Варианты комбинации этих двух критериев дают четыре парадигмы, доминировавшие на тот момент во французской социологии: утилитаризм Р. Будона (система и интеграция), критический структурализм

[1] Touraine A. Le retour de l'acteur. – P.: Fayard, 1984.

П. Бурдьё (система и конфликт), анализ стратегий М. Крозье (действие / актор и интеграция), социология действия А. Турена (действие / актор и конфликт).

Не задаваясь вопросом о релевантности предложенного деления, автор статьи показывает скрывавшиеся за ней реалии. Итак, каждый из рассматриваемых исследователей создал полноценную теоретическую школу, изначально изучая определенную область (Будон – познание, Бурдьё – культуру и школу, Крозье – организации, Турен – социальные движения) и используя оригинальную методологию. Однако такую структуру продуцирования социологических знаний автор статьи называет вертикальной, а их способ существования в науке – доминантным, осуждая некорректное использование труда других исследователей, остававшихся безымянными или не получивших должной известности. В 1970–1980-х годах эта четверка доминировала во французской социологии, так же как Арон, Фридман и Гурвич в течение двух предыдущих десятилетий. Однако с тех пор утверждение принципов горизонтальности и признания заслуг исследователей подтверждает, что происходит движение в направлении идеала профессиональной демократии.

Отсутствие мэтров в сегодняшней французской социологии не означает, по мнению автора, вакуума в ней. Напротив, с 1990-х годов появилось множество интересных работ авторов, которые, следуя в русле известных школ, вступают с ними в творческий диалог. Среди них он называет Л. Болтански («Любовь и справедливость как практические умения» – «L'Amour et la justice comme compétences», 1990), дистанцировавшегося от критической социологии Бурдьё, Б. Лаира («Множественный человек» – «L'Homme pluriel», 1998), пересмотревшего понятие габитуса, Э. Фридберга («Власть и правило» – «Le pouvoir et la règle», 1993), предложившего заменить теорию организаций Крозье теорией организованного действия. А. Турен пересматривает свои прежние взгляды в области социологии действия, предлагая социологию актора («Возвращение актора» – «Le retour de l'acteur», 1984). Ф. Дюбе, опираясь на эмпирические работы, пересматривает теоретические основы социологии, констатируя наличие различных логик, структурирующих социальное действие («Социология опыта» – «Sociologie de l'expérience», 1994). Р. Будон также пересматривает принципы, лежащие в основе модели методологического индивидуализма, вы-

страивая социологию, отличающуюся от своей собственной теории рационального выбора («Разум, веские основания» – «Raison, bonnes raisons», 1993). Автор называет направления исследований, которые выходят за пределы школ и тем, намеченных упомянутой четверкой мэтров, и открывают новые области: социология сетевых акторов Б. Латура («Изменить общество, переделать социологию» – «Changer de société, refaire de la sociologie», 2007), теория социального регулирования, вдохновленная работами Ж.-Д. Рейно («Правила игры» – «Les règles du jeu», 1989), социология смыслов и ценностей, основанная на идеях Л. Болтански и Л. Тевено («Критика и обоснование справедливости» – «De la justification: Les économies de la grandeur», 1991), гендерная социология М. Маруани («Я работаю – значит я существую» – «Je travaille, donc je suis», 2018), социология управляемости современных обществ П. Дюрана («Осмыслить публичное действие» – «Penser l'action publique», 1999), социология индивида Ф. де Сэнгли («Двойное Я» – «Double Je», 2017) и др. Этот неполный перечень свидетельствует, как считает автор, о плодотворной ситуации в современной французской социологии и свободе авторов как от методологической, так и от догматической власти школ.

Подводя итоги и отвечая на вопрос, что происходит с современной социологией, автор констатирует, что с 1960-х годов существенно возросло число исследователей, из чего проистекают разделение областей исследования и споры между сторонниками новых количественных методов и антипозитивистами. Помимо этого усилился тренд на узкую специализацию. Пессимисты считают, что «каждый обихаживает свой крохотный участок, притом что никто не озабочен объединением знаний и не пытается предложить осмысленный взгляд на развитие общества в целом» [с. 26]. Впрочем, автор не согласен с такой оценкой. Он отмечает, помимо морфологических характеристик развития науки, иные признаки, свидетельствующие об оживлении в дисциплине: «постоянно возобновляющийся диалог с классическими авторами; рефлексия и плюрализм, гораздо более выраженные, чем, например, в экономике; регулярный выход на новые темы… происходящий синфазно изменениям в современном мире; интернационализация социологических знаний через организации, сети и разнообразные мероприятия и пр.» [с. 26].

Что касается вызовов сегодняшней социальной науке, М. Лальман отмечает два момента. Во-первых, социологическая теория продолжает оставаться чересчур западоцентричной, тогда как в мире развиваются оригинальные и малоизвестные национальные социологические школы. Во-вторых, актуален вопрос о роли социологии в обществе. М. Буравой предложил отказаться от ложной оппозиции между так называемой объективной наукой и воинствующей идеологией в пользу подхода, выделяющего в общественном дискурсе четыре аспекта: профессиональный, критический, политический и публичный[1]. Сам бывший президент Международной социологической ассоциации (ISA) высказал предпочтение публичной социологии, которая, «не отказываясь от своего научного характера, позволяет выйти из академических стен, поддерживать коллективные дебаты и сопровождать социальные движения» [цит. по: с. 26]. Автор согласен, что сегодняшняя социология, накопившая немалый организационный потенциал и знания, должна иметь общественное приложение.

Е.Л. Ушкова

2019.04.008. САВРАНСКИ М. СОЦИАЛЬНОЕ И ЕГО ПРОБЛЕМЫ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМНОЙ СОЦИОЛОГИИ.
SAVRANSKY M. The social and its problems: On problematic sociology // Inventing the social / ed. by N. Marres, M. Guggenheim, A. Wilkie. – Manchester: Mattering press, 2018. – Mode of access: http://research.gold.ac.uk/18666/1/Savransky%2C%20The%20Social%20and%20Its%20Problems%20OK.docx (Accessed: 21.08.2019.)

Ключевые слова: теория и методология социологии; социальное; социальная проблема; Ж. Делёз.

Мартин Савранси (социологический факультет Лондонского университета Голдсмит, Великобритания) обосновывает теоретическую и методологическую целесообразность модели социологического знания, сфокусированного на прочтении социального в качестве проблемы. Опираясь на философские идеи Ж. Делёза и

[1] Burawoy M. For public sociology // American sociological rev. – Thousand Oaks (CA), 2005. – Vol. 70, N 1. – P. 4–28.

используя понятия «складка» и «толщина проблемы»[1], автор выдвигает тезис о том, что предметом социологической науки должна быть не проблема социального (как было принято считать в классической и позднейшей социологии), а социальное как проблема. Он выступает за создание новой спекулятивной социологии, сосредоточенной на осмыслении «проблемности социального», на выявлении и анализе совокупности проблем, которые обладают своим собственным способом существования, имеют место здесь и сейчас, пребывают в состоянии перманентного возникновения и развития и требуют непрерывных теоретических усилий со стороны исследователя [с. 3].

Самого беглого взгляда на историю социальной мысли достаточно, чтобы заметить, что главной темой дискуссий социальных мыслителей всегда были вопросы о том, что такое социальное и какова его природа, утверждает Савранси. Об «опасном мире социального» писал еще Мирабо, о его природе размышляли отцы-основатели социологии, рассматривая в качестве фундамента новой дисциплины социальную солидарность (Дюркгейм), целерациональное поведение и смыслосозидание (Вебер), экономические законы (Маркс) или социальные формы (Зиммель). В XX столетии увлечение функционализмом и конструкционизмом привело к размыванию социального; попытки трактовать его в качестве реальности как таковой, к тому же являющейся плодом социального конструирования, подготовили почву для «дифракции» социального, для рассеивания его по всем и всяческим его проявлениям, так что в конечном счете оно вовсе лишилось объективного существования.

Теоретические и методологические эксперименты социологов 1970–1980-х годов, однако, не сняли с повестки дня проблему социального и его природы. Вопрос «что такое социальное» был и остается общим местом классической, современной и новейшей социологии. Разнообразие существующих сегодня ответов и вариантов решения проблемы социального (или социального в качестве проблемы) имеет под собой общее исходное основание – ее интерпретацию исключительно в качестве проблемы мысли и знания, которую следует непременно решить, так как она сдерживает про-

[1] Deleuse G. The logic of sense. – L.: Continuum, 1969; Deleuse G. Difference and repetition. – N.Y.: Columbia univ. press, 1994.

гресс науки и научное освоение мира. Как заметил в свое время Вебер, предметом науки служит не реальная связь вещей, а концептуальная взаимосвязанность идей, поэтому для решения новых проблем требуются все новые и новые теории и методы [с. 2]. Иными словами, поясняет свою мысль Савранси, в рамках социологической науки наших дней социальному в качестве проблемы (и, соответственно, социальным проблемам) отказано в самостоятельном существовании: его бытие задано и обусловлено теорией, эпистемологией и методами научного познания.

Выходом из создавшегося положения может стать «самое пристальное рассмотрение того, что является общим местом социологии» – тезиса о проблемности (проблематичности) социального, полагает автор [с. 2]. Констатируя, что социальное есть проблема, необходимо перенести акцент на вторую часть этого утверждения и признать за «проблемой» (проблемами) право на такой способ, или режим, существования, который имманентен ей самой и не редуцирован ни к процессам мышления и познания, ни к научным задачам и поискам, «существования, не сводимого ни к человеческой психике, ни к научной эпистемологии, ни к методологии познания» [с. 3–4]. Проблема, продолжает свою мысль Савранси, это не то, что тот или иной способ мышления или познания квалифицирует как досадное препятствие, требующее устранения, но как раз то, что приводит в движение сам процесс мышления, познания и чувственного опыта. Такой подход открывает дорогу социологии, для которой социальное уже не является ее онтологическим основанием, а становится открытой проблемой с присущей только ей траекторией развития и поступательного движения «в гетерогенном процессе созидания культурного мира» [с. 4]. В итоге социальное как проблема (или проблема социального в ее прежней интерпретации) превращается в притягательный, «манкий» объект научного исследования и освоения.

Интерпретация социального в терминах его самодостаточной проблемности, развивающейся вне зависимости от способов и методов его осмысления, означает становление новой, проблемной (проблематической, problematic) социологии, подчеркивает Савранси: это дисциплина, ориентированная на «социальное, которое есть проблема». Новый подход предполагает внимание к гетерогенным событиям, посредством которых социальное (как пробле-

ма) приобретает и демонстрирует свое значение и смыслы, и одновременно поиск решений посредством новых и вновь возникающих форм социальности.

Автор последовательно останавливается на ключевых составляющих новой социологии, таких как способ существования социального в качестве проблемы (совокупности проблем) и способ осмысления / решения социальных проблем в рамках новой методологии. Предпосылкой правильного понимания социального в рамках предложенной модели знания является требование принять как данность «разноцветную толщину проблем» (по Делёзу). Для этого необходимо для начала принять как данность объективность существования социального как проблемы, которая осуществляется как «наследование» предшествующего и порождающего ее актуального исторического события. «Толщина» социальных проблем означает, что они обладают позитивной онтологией, но не как сущности, которые можно «зажать в кулаке» и познать раз и навсегда; социальные проблемы существуют как «шум будущего, который это будущее производит, разворачиваясь в настоящем» [с. 5–6]. В контексте развертывания (раскладывания) будущего в настоящем проблемы проявляют себя в виде «реляционных складок напряжений и переходов», как осуществление радикальных новаций, предложенных миру новыми событиями.

Таким образом, существование социальных проблем проявляется как результат наследования разнообразных исторических событий, которые постоянно и в случайном порядке приходят в мир. Однако наследование само по себе не диктует способов истолкования происходящего, окончательного, финального решения социальной проблемы. Последняя всегда открыта – для осмысления, развития и новых интерпретаций, поэтому всему процессу освоения социального как проблемы присущи тревога, беспокойство и «толщина». На этом фоне классический вопрос «Что такое социальное?» приобретает совершенно иной характер: из риторического вопрошания, обращенного в сторону абстрактной сущности, к обществу как таковому, он превращается в плюралистический, многогранный анализ общества как множества самых разных обществ. Такое множество заключает в себе исторически случайные, частные и вре́менные (неокончательные) решения применительно к гетерогенным событиям, к возникающим повсеместно, здесь и сей-

час, открытым социальным проблемам, предполагающим развитие и частичное решение [с. 7].

Отказ от социологии как анализа общества вообще в пользу рассмотрения множества конкретных обществ означает также конец классической дихотомии «индивид – общество» и, соответственно, проблемы организации индивидов в группы и сообщества, замечает Савранси. Он предлагает заменить осмысление старой оппозиции «индивид – общество» исследованием совместности (togetherness) их существования в процессе становления актуального исторического мира[1]. Отправным пунктом такого осмысления взаимосвязи индивидуального и социального должна стать ее «середина», поскольку совместность не имеет ни начала, ни конца [с. 8]. Таким образом, проблема социального побуждает исследователей сконцентрировать внимание на способах совместности – как актуальной или возможной формы социального – во всем множестве обществ, которые являют собой итог специфического «складывания» и развертывания событий, позиционирующих социальное в качестве проблемы. Проблемность (проблематичность) становится атрибутом социального и фокусом его научного осмысления, заключает автор. Преимущество же освоения социального и его «толщины» «из середины» состоит в том, что исследователь получает шанс счастливо избежать сразу двух ошибок: представления о готовом (заданном раз и навсегда) обществе либо индивиде и однозначной ассоциации социального с человеческим.

Резюмируя свои соображения, Савранси подчеркивает, что новая модель социологического знания ориентирована на понимание социального как открытой проблемы, не допускающей финишных решений, и на рассмотрение способа существования социального как множества исторически случайных вариантов решения социальных проблем [с. 8].

Переходя к рассмотрению «шагов в направлении проблемной социологии», или методов проблемного социального исследования, автор подчеркивает их связь с природой социального в качестве открытой проблемы, обладающей «толщиной» и трансформативностью [с. 11]. Метод в его новом прочтении – это не способ или алгоритм устранения проблемы с социального или исследовательского

[1] Whitehead A.N. Adventures of ideas. – N.Y.: Free press, 1967.

горизонтов; метод – это то, что побуждает социальную проблему к развертыванию ее «складок», к движению в сторону нового, к развитию в череде грядущих событий актуального исторического мира. Научные методы – это инструменты актуализации социальных проблем посредством обнаружения их смыслов, констатирует Саврански.

Он категорически не согласен с социологической модой последних десятилетий, наделяющей методы социального познания креативной силой; не метод создает проблему, но проблема провоцирует метод, выявляет себя с помощью метода и выходит за очерченные им рамки, в неведомое будущее, настаивает автор. Поэтому социальная проблема в одно и то же время имманентна методу своего познания и трансцендентна по отношению к нему и предлагаемому им решению. С этой точки зрения проблема истинности / ложности метода утрачивает свой прежний смысл, поскольку цель познания – актуализация смыслов самой проблемы. Однако сказанное не означает, что научное познание социального в качестве проблемы бесполезно; проблема «продолжает жить в ее решениях и настаивает на этих решениях», несмотря на принципиально временный, случайный и транзитивный их характер [с. 12].

При выборе метода, продолжает Саврански, важно присутствие в нем «экзистенциальной веры». Он согласен с автором данного термина У. Коннолли[1] в том, что рациональная составляющая социального исследования должна опосредоваться аффективно-эмоциональной его ориентацией, сопряженной с процессом «проживания событий мира, которым наследуют социальные проблемы» [с. 11]. Саврански именует эту «опосредующую переменную» социологического анализа научным этосом, подразумевая под этим «экзистенциальную ориентацию в отношении способа познания, мышления и чувствования», которая делает целью исследования не просто практику приращения знаний, но «ту или иную манеру и вариант культивирования способов обитания в мире» [с. 12].

В заключение автор подчеркивает, что хотя окончательное решение социальных проблем невозможно, это не умаляет ценности и актуальности социального исследования, обусловленных за-

[1] Connolly W. Method, problem, faith // Problems and methods in the study of politics / ed. by I. Shapiro, R.M. Smith, T.E. Masoud. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. – P. 332–349.

дачей выявления скрытых возможностей трансформирующихся социальных проблем в ответ на череду грядущих событий. Вызов проблемной социологии, пишет Савранси, состоит в постулировании «искусства совместности» как задачи социального анализа, «искусства, связанного с креативным продуцированием интеллектуальных, материальных и чувственных инструментов, которые создаются по мере развертывания и развития проблем» [с. 15]. Эти инструменты, совершенно бесполезные с точки зрения окончательного решения социальных проблем, обладают ценностью как способы определения траекторий их развития и вариантов выражения в актуальном историческом мире. Отныне заниматься социологией означает участвовать в текущей практике непрерывного эксперимента с открытыми социальными проблемами, что делает эту дисциплину, как и развитие самих социальных проблем, бесконечной задачей.

Е.В. Якимова

2019.04.009. АЛВЕСАЛО-КУУСИ А., УАЙТ Д. КАК НАМ ИЗУЧАТЬ СИЛЬНЫХ МИРА СЕГО: ЗА РЕКОНСТРУКЦИЮ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЭТИКИ.
ALVESALO-KUUSI A., WHITE D. Researching the powerful: A call for the reconstruction of research ethics // Sociological research online. – Guildford, 2018. – Vol. 23, N 1. – P. 136–152.

Ключевые слова: профессиональная этика; социология элит; корпоративное преступление; общественные интересы.

В статье профессора социологии Университета Турку (Финляндия) Анны Алвесало-Кууси и профессора социально-правовых наук Ливерпульского университета (Великобритания) Дэвида Уайта обсуждаются этические парадоксы, которые возникают в тех случаях, когда предметом социологического анализа становятся влиятельные частные корпорации и люди, их возглавляющие. Авторы опираются на материалы многочисленных дискуссий по вопросам исследовательской этики в социальных науках, а также на свой опыт изучения противоправной деятельности крупных компаний, идущей вразрез с общественными интересами. Пафос статьи состоит в призыве к кардинальной реконструкции этических кодексов и сводов правил, регулирующих профессиональную работу

социолога, и переориентации их в направлении общих или общественных интересов.

Сопоставляя действующие этические кодексы крупнейших европейских и североамериканских социологических объединений и ассоциаций с реальной практикой «осуществления социологии, направленной вверх» (на изучение элит и власть предержащих), авторы показывают, как абстрактный гуманизм профессиональной этики наших дней, разработанной преимущественно для изучения незащищенных социальных групп, становится препятствием на пути независимой и беспристрастной социальной науки. Алвесало-Кууси и Уайт подчеркивают, что они выступают не за отказ от этического регулирования социологических исследований, а за такое содержание его правил и лежащих в основе этих правил научных понятий, которое будет ориентировано на «поиск реальных решений в сфере взаимосвязей, отношений и практик, выходящих за рамки академии», в реальном мире социальных элит и дисбаланса властных отношений [с. 137].

Проблемы социального анализа, «направленного вверх», подробно охарактеризованы в литературе самой разной дисциплинарной принадлежности (социология, антропология, социальная география, политология, бизнес-исследования). Эти проблемы обусловлены социально-правовым статусом больших корпораций, которые при кажущейся и даже нарочитой прозрачности их деятельности и политики на самом деле неподотчетны обществу и не контролируются им. Авторы обращают внимание на тот факт, что частные корпорации, социальные институты, облеченные властью, а также многие общественные организации и структуры (например, финансовые и спонсорские комитеты) занимают такую социальную позицию, которая позволяет им теми или иными способами препятствовать «неудобным» социальным исследованиям, тормозить их продвижение, манипулировать исследовательским процессом в целом [с. 138]. Наиболее распространенные и простые стратегии подобного манипулирования заключаются в отказе от финансовой поддержки неугодных проектов на стадии их разработки, в навязывании, путем материального давления, соответствующими структурами и фондами (включая университетские) исследовательских приоритетов, в ограничении доступа к информации о деятельности корпораций, в запрете на опросы сотрудников, в создании препят-

ствий для публикации компрометирующих выводов в престижных научных изданиях и т.п. В результате подобных действий исследователь лишается своего относительного преимущества в том «балансе сил» (между аналитиком и предметом его анализа), который так тщательно оберегают действующие этические кодексы и своды правил: теперь не объект исследования, а его субъект становится уязвимым и беспомощным, резюмируют Алвесало-Кууси и Уайт [с. 139].

Уязвимость социологии «верхов» в значительной мере обусловлена слабостью ее методологической базы. С одной стороны, социология, начиная с Маркса, Вебера и Росса и заканчивая О. Голднером и Л. Надер[1], располагает обширной литературой о сильных мира сего. С другой стороны, именно социология до сих пор не владеет практическими методами и алгоритмами эмпирического изучения социальных элит, в отличие, например, от политической науки с ее проработанными техниками осмысления процесса принятия решений и приемами интервьюирования представителей политических верхов. Богатый опыт изучения элит в традиционных обществах накоплен в антропологии, причем постколониальная антропология сделала своим приоритетом бюрократические и экономические элиты. Тем не менее «изучение сильных мира сего так и не стало мейнстримом социального знания», поэтому, в частности, социология до сих пор не имеет надежного инструментария для эмпирического анализа социальных элит, подчеркивают Алвесало-Кууси и Уайт [с. 140].

С дефицитом эмпирических методов авторы связывают необходимость реконструкции этических правил социологического знания, обусловленную в том числе противоречиями и нестыковками, сопровождающими исследования элит. Этические правила, которыми сегодня руководствуются социальные аналитики, задумывались как способы защиты интересов и личного пространства тех, кто становится предметом и участником исследовательского проекта. Предполагается, что в связке «социолог – объект исследования» последний всегда находится в зависимом и подчиненном

[1] Gouldner A.W. The sociologist as partisan: Sociology and the welfare state // The American sociologist. – N.Y., 1968. – Vol. 3, N 2. – P. 103–116; Nader L. Up the anthropologist: Perspectives gained from studying up // Reinventing anthropology / ed. by D. Hymes. – N.Y.: Pantheon books, 1972. – P. 284–311.

положении, тогда как исследователь располагает всей полнотой информации, ему известны цели и задачи проекта, он может манипулировать участниками и т.п. Однако если эти правила применяются к объектам, облеченным властью, они теряют всякий смысл, поскольку в дело вмешиваются реалии властных отношений и иерархий, сложившиеся за пределами социологической лаборатории. Иными словами, «уязвимость структурируется совершенно иными способами», которые к тому же «предшествуют самому проекту»; если эти правила действительно нацелены на защиту интересов тех, кто бесправен и уязвим, они должны быть «адресованы тем отношениям и структурам власти, которые имеют место за пределами рафинированной, синтетической исследовательской среды» [с. 140].

С учетом сказанного авторы подробно разбирают метаморфозы, происходящие с этическими принципами социологического исследования, если его объектом выступают власти предержащие. Так, принцип «не причинять вреда» объекту исследования становится двусмысленным, если он применяется к анализу корпорации, о которой заведомо известно, что ее деятельность наносит вред интересам общества или окружающей среде. Принцип невмешательства в частную жизнь трудно реализовать в отношении людей, чей публичный профиль (в качестве руководителей влиятельных корпораций) составляет фокус их идентичности и которые обладают статусом публичной личности на том же основании (часто – криминальном), что делает их привлекательным объектом для социального аналитика. Требование недопустимости обмана респондента и дополняющий его принцип обязательного информационного согласия последнего приобретают совершенно иное звучание, если в центре исследования – влиятельная корпорация или ее руководитель, которые выбраны именно потому, что есть серьезные основания подозревать их в намеренном и долгосрочном обмане широкой общественности.

Принципиальный вывод авторов сводится к заявлению о недопустимости отделения исследовательского процесса от проблемы власти в рамках общества [с. 142]. Если этические принципы, которые должны служить гарантией общественной ценности и социальной значимости работы социолога, а также профессиональные кодексы, закрепляющие эти принципы, нерелевантны реаль-

ным отношениям власти, их следует пересмотреть, с тем чтобы «наша профессия получила, наконец, возможность изучать власть имущих» [с. 142].

В статье приводится ряд примеров социальной нерелевантности и ограниченности действующих этических кодексов, принятых в авторитетных профессиональных социологических сообществах и организациях. Алвесало-Кууси и Уайт иллюстрируют свои рассуждения о профессиональной этике ссылками на те своды моральных правил и предписаний, которым они пытались следовать сами при изучении конкретных случаев корпоративных преступлений; в статье приводятся выдержки из разделов, касающихся обстоятельств и факторов «временной приостановки» того или иного требования исследовательской этики. К числу таких факторов большинство использовавшихся авторами кодексов причисляют изучение власть имущих, или «ситуации очевидной несоразмерности власти в контексте социального исследования, а также статусных позиций» его участников, и случаи очевидного злоупотребления властью со стороны объекта анализа, включая действия, наносящие ущерб общественным интересам[1]. Чаще всего допустимость отступления от принципов профессиональной этики связывается с задачей продуцирования знания как такового, которой подчинен весь социально-аналитический процесс. В своде правил Британского общества криминологов этот принцип означает присутствие «особых обстоятельств», к числу которых относится «исключительная социальная значимость поднятой темы»[2], а этический кодекс Финского консультативного совета по обеспечению добросовестности научных исследований утверждает, что «практики применения власти подлежат изучению без согласия тех, кто эту власть применяет»[3]. Кроме того, в некоторых этических кодексах

[1] Statement of ethical practice for the British sociological association / British sociological association (BSA). – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 2002. – P. 5. – Mode of access: https://britsoc.co.uk/media/23902/statementofethicalpractice.pdf (Accessed: 21.08.2019.)

[2] Code of ethics for researchers in the field of criminology / British society of criminology (BSC). – 2006. – Feb. – P. 3. – Mode of access: http://www.britsoccrim.org/docs/CodeofEthics.pdf (Accessed: 21.08.2019.)

[3] Ethical principles of research in the humanities and social and behavioural sciences / Finnish advisory board on research integrity (TENK). – Helsinki, 2009. – P. 8. –

можно найти статьи о допустимости несоблюдения требования защиты объекта изучения и информационной прозрачности проекта в тех случаях, когда последний нацелен на выявление злоупотреблений властью и нанесения ущерба интересам общества[1]. Таким образом, в этических рекомендациях международных социологических ассоциаций в более или менее завуалированной форме содержится констатация того, что «зачастую единственным способом получения ключевой информации о деятельности респондентов, облеченных властью, становится отступление от правил», – утверждают авторы статьи [с. 144].

Проблема, однако, состоит в том, что содержание понятия «общественные интересы», во имя которых можно отступить от правил, не конкретизировано ни в одном из кодексов, тогда как в реальной жизни это понятие является ареной конкурентной борьбы между самыми разными социальными силами, включая могущественные и неподконтрольные обществу корпорации. В развитых капиталистических странах СМИ, государственные структуры и частные корпорации все чаще позиционируют интересы последних как созвучные интересам общества в целом, общества, которому эти корпорации предоставляют рабочие места, услуги и товары; в таком случае охрана интересов частных компаний оказывается тождественной защите «наших» (общественных или общих) интересов. Между тем независимый социальный аналитик вполне может иметь собственное представление об общественных интересах, которое не совпадает с мнением руководителей всесильных корпораций.

Отдельной проблемой является дифференциация частного и общественного применительно к полю деятельности сильных мира сего и их права на конфиденциальность информации. В ряде этических кодексов признается возможность отступления от принципа невмешательства в частную жизнь респондентов, если исследова-

---

Mode of access: https://www.tenk.fi/sites/tenk.fi/files/ethicalprinciples.pdf (Accessed: 21.08.2019.)

[1] Statement of principles of ethical research / Socio-legal studies association (SLSA). – 2009. – Jan. – P. 4. – Mode of access: https://slsa.ac.uk/images/slsadownloads/ethicalstatement/slsa%20ethics%20statement%20_final_[1].pdf (Accessed: 21.08.2019.)

тель не может иначе реализовать поставленную задачу[1] либо соблюдение конфиденциальности не может быть рационально обосновано вследствие «публичности» происходящего[2]. В этой связи уместен вопрос о том, как частный (скрытый от публики) характер деятельности влиятельной корпорации может быть рационально обоснован, если «эта деятельность имеет широкий общественный резонанс и последствия и протекает в местах, которые вне всякого сомнения являются публичными», – замечают авторы [с. 145].

Уязвимость профессиональных этических кодексов в социологии связана также с положением об обоюдности, или общности, интересов исполнителя, заказчика и спонсора исследовательского проекта (к числу которых относятся как государственные структуры и общественные организации, так и частные корпорации и компании). Принято считать, пишут Алвесало-Кууси и Уайт, что продуцирование знания как конечная цель любого социального исследования – это общая (отвечающая общим интересам) цель всех, кто заинтересован в проекте. С этой, очевидно утопической, точки зрения, этически недопустимы любые действия социолога, которые ставят под сомнение «общие интересы», и потому своды поведенческих правил предписывают не допускать «конфликта интересов» и поощряют их «консенсус»[3]. Однако эти предписания плохо соотносятся с реалиями социологических исследований власть имущих вследствие сложной иерархии отношений власти, в

[1] Statement of ethical practice for the British sociological association / British sociological association (BSA). – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 2002. – P. 4. – Mode of access: https://britsoc.co.uk/media/23902/statementofethicalpractice.pdf (Accessed: 21.08.2019.)

[2] Code of ethics / American sociological association (ASA). – 2018. – June. – P. 12. – Mode of access: https://www.asanet.org/sites/default/files/savvy/images/asa/docs/pdf/CodeofEthics.pdf (Accessed: 21.08.2019.); Ethical principles of research in the humanities and social and behavioural sciences / Finnish advisory board on research integrity (TENK). – Helsinki, 2009. – P. 15. – Mode of access: https://www.tenk.fi/sites/tenk.fi/files/ethicalprinciples.pdf (Accessed: 21.08.2019.)

[3] Code of ethics / American sociological association (ASA). – 2018. – June. – P. 10. – Mode of access: https://www.asanet.org/sites/default/files/savvy/images/asa/docs/pdf/CodeofEthics.pdf (Accessed: 21.08.2019.); Code of ethics for researchers in the field of criminology / British society of criminology (BSC). – 2006. – Feb. – P. 4. – Mode of access: http://www.britsoccrim.org/docs/CodeofEthics.pdf (Accessed: 21.08.2019.)

которой силы исполнителя и спонсора заведомо неравны. В подтверждение своих слов авторы статьи приводят примеры из личного опыта изучения корпоративных преступлений (прямые угрозы закрыть проект, призывы изменить его дизайн, препоны на стадии публикации результатов, судебное преследование) [с. 146–147].

В этических кодексах международных и национальных социологических организаций, пишут в заключение Алвесало-Кууси и Уайт, можно обнаружить завуалированное признание «фактора власти» в качестве барьера на пути социологии элит и беспристрастного изучения сильных мира сего. Однако недостаток внимания к нюансам этого процесса, который, по сути, влияет на весь ход осуществления социального исследования, начиная с постановки задачи и кончая публикацией результатов, не позволяет осознать противоречивость и парадоксальность применения абстрактных этических принципов в социологии элит. Реконструкция этих принципов должна исходить из четкого понимания невозможности гарантировать равные права и защиту интересов объектам исследования, которые в реальной жизни находятся на противоположных полюсах оси власти. Авторы призывают к разработке новой профессиональной этики – этики солидарности, правила которой будут обращены ко всем членам общества и нацелены на защиту общих интересов, понятых как интересы общества, или коллективные и универсальные интересы [с. 148]. Такие правила уже не будут ограничены рамками академии; они должны формироваться в тесном контакте с моральными принципами профсоюзов, общественных организаций и социальных движений.

Е.В. Якимова

2019.04.010. М.А. ЯДОВА. К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИОННОМ КАПИТАЛЕ.
M.A. YADOVA. On modernization capital. DOI: 10.31249/rsoc/2019.04.05

Аннотация. Вводится понятие модернизационного капитала личности, под которым предлагается понимать совокупность социальных ресурсов и индивидуальных особенностей личности, формирующих предрасположенность индивида к тому, что принято называть современным типом поведения, и способствующих

успешному освоению соответствующих ценностей и поведенческих паттернов.

Abstract. The article introduces the notion of personality's modernisation capital proposed to be understood as an aggregate of social resources and individual personality peculiarities that form an individual predisposition to what is commonly called the modern type of behaviour and facilitate successful mastering of appropriate values and behavioural patterns.

Ключевые слова: модернизационный капитал; социальные ресурсы; социальный капитал; модернизация общества.

Keywords: modernisation capital; social resources; social capital; modernisation of society.

Среди специалистов, занимающихся проблемами модернизации, существует мнение, что для России характерно одновременное протекание модернизационных и демодернизационных процессов [Королев, 2009 a; Королев, 2009 b]. Член-корр. РАН Н.И. Лапин называет сегодняшнюю Россию «полуоткрытым обществом» [Лапин, 2018, с. 11], которое находится в пограничном состоянии и крайне медленно модернизируется: уровень модернизированности большинства региональных сообществ невысок и контрастен. Это, по мнению ученого, способно вызвать серьезные обострения накопившихся социальных противоречий.

В качестве реальной опоры для модернизационных процессов в нашей стране можно рассматривать человеческие ресурсы. Представляется важным понять, какие группы населения потенциально наиболее восприимчивы к ценностям модерна[1] и могли бы стать основными акторами социальных изменений. Как показывают результаты массовых социологических опросов, готовность к саморазвитию, открытость переменам и адаптивную гибкость обычно демонстрируют обладатели сильного «личностного» капитала.

Именно личностный капитал отдельного человека – его индивидуальные особенности и ресурсы – считаются ключевыми

[1] В настоящей работе под современными будем понимать характеристики «современной личности», сформулированные американским социологом А. Инкелесом: открытость новому опыту, социальная активность и ответственность, законопослушность, толерантность, самостоятельность, достижительная мотивация, интернальность и пр. [Inkeles, 1974].

факторами, определяющими поведение человека [Ядов, 2001; Portes, 1998]. Кратко остановимся на наиболее сильноресурсных детерминантах, характерных для России [подробнее см.: Ядов, 2001, с. 314–317].

1. Прежде всего, это «стартовый капитал» социального происхождения и первичной социализации, т.е. воспитание в достаточно благополучной, статусной, материально обеспеченной семье.

2. Образование и хорошая профессиональная подготовка.

3. Материальная обеспеченность.

4. Молодой возраст и хорошее здоровье как естественные ресурсы. Впрочем, для ряда групп молодежи – сельской, безработной, выходцев из малоимущих семей – данные преимущества не кажутся очевидными.

5. Проживание в мегаполисе или крупном городе в отличие от «глубинки» и сельской местности повышает шансы успешно адаптироваться к происходящим социальным изменениям.

6. Наличие обширных межличностных связей.

7. Британская исследовательница Т. Басит, анализируя образовательные и профессиональные устремления молодых британцев, предлагает дополнить теорию социального и культурного капитала идеей так называемого аспирационного капитала (aspirational capital), важными составляющими которого являются высокие карьерные устремления [Basit, 2012]. В небогатых семьях аспирационный капитал нередко заменяет недостающие ресурсы культурного и социального капитала.

8. Высокая (но не завышенная) самооценка, способствующая саморазвитию и личностному росту.

9. Внутренний локус контроля (интернальность) в противовес внешнему, т.е. желание человека видеть источник управления своей жизнью в самом себе, а не во внешних обстоятельствах.

10. Значительным индивидуальным ресурсом является способность к адаптации. Россияне, особенно молодые и среднего возраста, все чаще готовы предпринимать эффективные шаги по улучшению своего положения (сменить профессию, пройти переобучение и пр.).

11. В некоторых регионах национальная принадлежность или пол могут стать «повышающим» или «понижающим» ресурсом.

Таким образом, для сильноресурсных социальных групп адаптация к новым условиям облегчена, что повышает их шансы на успешную индивидуальную «модернизацию», наравне с общественной. Это дает возможность говорить не только о модернизационном потенциале, но и модернизационном капитале человека. Под первым предлагаем понимать наличие отдельных ресурсов, повышающих адаптивные возможности человека в условиях модернизации. Тогда как термином «модернизационный капитал» обозначим совокупность социальных ресурсов и индивидуальных особенностей личности, формирующих предрасположенность индивида к тому, что принято называть современным типом поведения, и способствующих успешному освоению соответствующих ценностей и поведенческих паттернов. Для преобразования потенциала в капитал необходима мотивация человека, внутренняя готовность к социальной модернизации и факторам ее проявления, наличие соответствующих персональных – модернизационных – ценностных и поведенческих установок. Такая трансформация возможна лишь при создании благоприятных для социального обновления условий.

Исходя из вышеизложенного, можно сконструировать социальный портрет идеального обладателя модернизационного капитала: представитель (ница) молодого поколения, с хорошим образованием, выросший или живущий в мегаполисе, обладающий набором сильных социальных и индивидуальных ресурсов, амбициозный, не боящийся перемен (т.е. по личностным качествам соответствующий «modern personality»).

Кстати, по данным проведенного автором эмпирического исследования постсоветской молодежи, гипотеза о связи между модернизмом человека и его «ресурсоемкостью» нашла подтверждение: доля «модернистов» в сильноресурсной подвыборке выше, чем в слаборесурсной (ср.: 23% vs 5%) [см., например: Ядова, 2012]. Также было обнаружено, что при усвоении индивидом новых и традиционных ценностей значительную роль играет социальное окружение.

Таким образом, с большой долей уверенности можно предположить, что постсоветская молодежь потенциально готова к социальной модернизации. В будущем при благоприятных внешних обстоятельствах представители этого поколения могут стать реальной силой, способной к обновлению российского общества.

Список литературы

Королев С.А. Модернизация и демодернизация в российской истории. Ч. 1 // Философия и культура. – М., 2009 a. – № 1. – С. 72–80.

Королев С.А. Модернизация и демодернизация в российской истории. Ч. 2 // Философия и культура. – М., 2009 b. – № 2. – С. 37–45.

Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. – М., 2018. – № 3. – С. 3–14. – DOI: 10.7868/S0132162518030017

Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: Возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? / под ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2001. – С. 310–319.

Ядова М.А. Современное и традиционное в ценностях постсоветской молодежи // Социологические исследования. – М., 2012. – № 1. – С. 114–125.

Basit T.N. «My parents have stressed that since I was a kid»: Young minority ethnic British citizens and the phenomenon of aspirational capital // Education citizenship a. social justice. – L., 2012. – Vol. 7, N 2. – P. 129–143.

Inkeles A., *Smith D.H.* Becoming modern. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1974. – 436 p.

Portes A. Social capital: Its origins and applications in modern sociology // Annual rev. of sociology. – Palo Alto (CA), 1998. – Vol. 24. – P. 1–24.

2019.04.011. ТОЩЕНКО Ж.Т. ПРЕКАРИАТ: ОТ ПРОТОКЛАССА К НОВОМУ КЛАССУ: МОНОГРАФИЯ. – М.: НАУКА, 2018. – 350 с.

Ключевые слова: социальная структура общества; социальный класс; прекариат; труд; трудовые отношения.

В монографии члена-корреспондента РАН, научного руководителя и зав. кафедрой теории и истории социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета Ж.Т. Тощенко: 1) обосновывается появление нового социального класса – прекариата; 2) приводятся причины его возникновения, описывается его структура и основные характеристики; 3) показывается, как созревали идеи о прекариате в недрах научной мысли, в мировой и отечественной социальной практике; 4) выявляются главные черты этого класса и осуществляется сравнение его с другими социальными группами; 5) раскрывается специфика прекариата как класса, его место и роль в современном разделении труда, его положение на рынке труда, а также показы-

ваются этапы осознания прекариата как «класса для себя»; 6) выясняются последствия существования и функционирования этого нового социального феномена.

В первом разделе монографии «Теоретико-методологические основы исследования прекариата», состоящем из пяти глав, дается определение прекариата, а также объясняются причины его появления, описывается, как зарождался прекариат, как эволюционировали идеи, лежащие в его основе. Последовательно и методично описываются трудовые отношения и осмысляется понятие «занятость».

Во втором разделе монографии «Структура прекариата: Основные группы», состоящем из шести глава, разбираются пути формирования, а также типы прекаризации общества. Автор анализирует такие виды занятости, как неформальная занятость, временная и неполная занятость, сезонная и фрагментарная занятость, безработица, фрилансерство. В монографии отмечается рост прекариата на молодежном рынке труда.

В третьем разделе «Настоящее и будущее прекариата», включающем в себя четыре главы, анализируется настоящее и будущее прекариата как нового социального класса, описывается влияние прекаризации на молодежь, а также приводятся некоторые пргнозы в отношении развития прекариата.

Монография адресована специалистам, аспирантам и студентам, занимающимся проблемами социальноклассовой структуры общества, труда и занятости.

Новые реалии второй половины XX – начала XXI в. наглядно продемонстрировали, что во многих странах мира большая часть населения оказалась в положении, которое можно назвать деформированным, теневым, неформальным (неофициальным). Это означает, что в трудовых отношениях для все возрастающего количества людей все бóльшее значение стала иметь проблема занятости, т.е. обеспеченности работой со всеми вытекающими отсюда жизненными потребностями и интересами. Как государство, так и работодатели стали в той или иной мере дистанцироваться от официальных обязательств: между работодателем и работником начала все чаще проявляться и даже преобладать персональная договоренность без взаимных правовых гарантий, без гарантий защиты элементарных норм труда, которые ранее существовали в цивилизо-

ванном мире. Такие отношения приводят к тому, что работодатели (или их представители) могут произвольно менять формы и объемы занятости, место приложения и размер оплаты труда. Это неопределенное, переходящее в бесправное положение особенно ярко демонстрируют так называемые временные (сезонные, эпизодические) работники, которых нанимают для выполнения трудовых функций без права фиксированной, регулярной, гарантированной занятости и оплаты труда. Для молодых работников нередко используются оговорки в виде тестовых заданий, за якобы неудачное выполнение которых их могут уволить как «не оправдавших надежд».

На рубеже веков, наряду с изменениями в социально-классовой структуре общества, зародились новые представления о социальных стратах, которые классифицировали людей не по уровню доходов, образования и социального статуса, а на основе форм их трудовой занятости, наличия гарантий социальной защищенности и степени уверенности в будущем.

Один из первых шагов к изучению феномена нового класса, названного прекариатом, осуществили французские социологи в 1980-е годы. Принципиально новый подход к осмыслению изменений в социальной структуре разработал П. Бурдьё, изучавший положение сезонных рабочих. Он расширил представление об этой общности, включив в анализ все увеличивающуюся массу работников, занятых на временных и эпизодических работах. Именно тогда впервые заговорили о как таковом прекариате, т.е. слое работников, характеризующемся нестабильной трудовой занятостью, отсутствием гарантированных социальных благ, незащищенностью в период сложных жизненных ситуаций.

Понятие «прекариат» образовано от латинского слова precarium, имеющего значения «неустойчивый», «нестабильный», «негарантированный», и слова «пролетариат», которое используется для обозначения класса, отчужденного от результатов собственного труда и подвергающегося эксплуатации в интересах господствующего класса – буржуазии. Прекариат, как отмечает автор монографии, это принципиально новое образование, означающее социальный слой, который олицетворяет отчуждение – не только от результатов труда, но и от всего общества – значительных социальных групп, испытывающих особые, изощренные формы экс-

плуатации их труда, знаний, квалификации, что в конечном счете влияет на качество их жизни.

Феномен прекаризации труда не является уникальным и был известен и на предшествующих этапах развития индустриального и постиндустриального общества, но именно на грани XX–XXI вв. он приобрел особое звучание – начал стремительно распространяться, охватывая все новые и новые общности и группы трудоспособного населения.

Ж.Т. Тощенко задается следующими вопросами: что представляют собой эти новые слои, являются ли они издержками и исключением из логики общественного развития или это принципиально новое явление, которое требует более глубокого осмысления не только в настоящем, но и в будущем времени? По мере накопления информации о данном социальном явлении возникает вопрос о том, можно ли говорить о прекаризованных слоях не как об отдельных социальных общностях (группах), а как о вполне определенном субъекте исторического процесса, который имеет свое обоснование и, более того, может претендовать на собственное название – прекариат.

Для лучшего понимания сути феномена Ж.Т. Тощенко полагает необходимым дать объяснение и выявить особенности того общества, которое породило этот феномен. Ранее используемые понятия – капиталистическое и социалистическое общество, по мнению автора, здесь оказываются неприменимы. Не дают ответа и более поздние характеристики общества – информационное, постиндустриальное, общество (пост) модерна и другие, описывающие те или иные черты и признаки существующей реальности. Автор отмечает, что первостепенное значение приобретает оценка социально-экономического положения людей, а также выявление наиболее значимых характеристик жизнедеятельности различных социальных групп. Поэтому в настоящей монографии использовано понятие «общество травмы», которое в большей мере позволяет подойти к анализу такого уникального феномена, как прекариат.

Далее в монографии дается анализ эволюции идей о социально-классовой структуре общества, начинающийся с марксистской ее трактовки и продолжающийся рассмотрением иных концепций, корректирующих это представление в XX в. Затем выявляется их эволюция в период индустриального и постиндустриального разви-

тия, объясняются попытки осмысления тех изменений и преобразований, которые принесла информационно-технологическая революция. Все это позволило Ж.Т. Тощенко прийти к анализу новаторской идеи о существовании нового класса – прекариата, что в свою очередь потребовало определения причин его появления, его сущности, содержания и структуры. В соответствии со сформулированными характеристиками этой структуры в монографии дается статистический и социологический анализ каждого из элементов вкупе с проблемной постановкой вопроса: какие социальные слои (общности, группы) можно отнести к этому новому социальному феномену, а какие являются кандидатами в эту социальную нишу, занимают промежуточное неустойчивое социальное положение.

Также автор считает необходимым ответить на вопрос, существуют ли общие черты, жизненный мир, смысл жизни, которые бы позволили объединить прекаризованные слои в единое целое – класс.

В заключительной части монографии на основе выявленных и проанализированных характеристик прекарных социальных слоев делается попытка определить прекариат как класс, который еще во многом носит черты протокласса. Особое внимание уделяется социальным последствиям существования прекариата, возможностям образования у него идеологии.

Отметим, что исследование прекариата опирается на данные официальной статистической отчетности, а также данные ФНИСЦ РАН, ИСПИ РАН, Левада-центра, ВЦИОМ, ФОМ, на результаты мониторинга газеты «КоммерсантЪ». Значительное место в аргументации выдвинутых положений занимают выборочные материалы всероссийских исследований, проведенных под руководством автора монографии: «Жизненный мир-2014» (РГГУ, 25–30 октября 2014 г., N = 1750) в 18 регионах страны; социологический опрос «Сельская жизнь», проведенный при участии ЦСПИМ (август 2015 г., N = 1000) в 9 федеральных округах и 22 областях, краях и республиках и в 71 селе; исследование «Трансформация экономического сознания россиян» (РГГУ, 5–10 октября 2012 г., N = 1201) в 12 субъектах РФ.

А.А. Раренко

СОЦИОЛОГИЯ НЕРАВЕНСТВА

2019.04.012. СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: Сб. статей / Ин-т «Справедливый мир», Рос. ассоц. полит. науки, Ин-т социологии РАН; редколл.: Л.И. Никовская (отв. ред.), В.Н. Шевченко, В.Н. Якимец. – М.: Ключ-С, 2017. – 446 с.

Ключевые слова: социальная справедливость; социальное неравенство; современное общество; социальные трансформации.

В монографическом сборнике представлены работы участников V Всероссийского научно-практического симпозиума с международным участием «Справедливость как ценность, идея и общественная практика в современном мире и России». В центре внимания авторов сборника находятся вопросы реализации принципов социальной справедливости в различных сферах общественной жизни; интерпретации роли и ценности идеи справедливости в периоды крупных общественных трансформаций и мирсистемных изменений. Рассматриваются регулятивная функция принципа справедливости в распределении общественных благ и социального капитала, перспективы развития модели социального государства и преодоления социального неравенства. Составители адресуют настоящий труд всем заинтересованным в изучении проблематики социально-политических трансформаций современных обществ и анализе общественного дискурса по вопросам справедливости в стране и мире. Книга состоит из предисловия и четырех разделов. 1. Теоретико-методологические проблемы определения справедливости. 2. Справедливость и современный мир. 3. Особенности реализации принципов справедливости в современной России. 4. Справедливость, политика государства и гражданский активизм.

Отмечая многогранность и многоплановость понятия «справедливость», автор предисловия Н.В. Левичев, заместитель Пред-

седателя ГД ФС РФ VI созыва, уточняет: «Для философов это общая часть картины мира и нравственный идеал, для экономистов – логика присвоения и распределения общественного богатства, для юристов это концептуальная основа норм права» [с. 8]. Он связывает очевидную актуализацию проблематики справедливости с глобальными геополитическими процессами, сравнимыми с историческими потрясениями начала XX в., углублением меж- и внутригосударственных противоречий. В основе всех международных конфликтов лежит попрание принципов справедливости. «Требования делать что-то “по справедливости” звучат сегодня как с международных трибун, так и на наших московских улицах» [с. 8].

Процесс глобализации сопровождается крайне несправедливым распределением выгод и рисков, и бал правят «двойные стандарты». На конференциях ООН по устойчивому развитию звучит: богатые страны потребляют столько ресурсов, сколько они привыкли, а бедные – столько, сколько им разрешают. «Мировая история дает множество свидетельств того, что попранное чувство справедливости способно порождать чудовищ. Битвы за справедливость шли не только на словах, за нее было пролито не меньше крови, чем за землю и золото. Ощущение несправедливости в массовом сознании приводит к распаду общества, к какой бы эпохе оно ни принадлежало» [с. 8]. Автор предисловия иллюстрирует выдвинутые тезисы словами И. Канта: «Когда справедливость исчезает, не остается ничего, что могло бы придать ценность жизни людей» [с. 8].

Поэтому задача политиков – сформулировать четкие требования к экономическим, политическим и социальным институтам, так, чтобы они приближали нас к социальному идеалу справедливости, к тем принципам справедливости, которые доказали свою жизнеспособность. «Но до сих пор, к сожалению, в России представления о справедливости слабо стыкуются с повседневной жизнью, должное и реальное постоянно расходятся» [с. 8].

В 1990-е годы отказ от принятых ранее институциональных рамок и правовых гарантий справедливости приобрел обвальный характер. Разница в доходах самых богатых и самых бедных составила астрономическую цифру. По меткому замечанию Левичева, «в результате рыночных реформ человек приобрел цену, но стремительно потерял ценность» [с. 9].

Социальное неравенство остается главной бедой России. Львиную долю богатств страны присваивает меньшинство, которое заботится только о собственной выгоде, продолжает автор. «Социальный статус человека, его положение в обществе определяется не служением своей стране, не трудом и профессиональными достижениями, не интеллектом и талантом, а доступом к власти и ресурсам» [с. 9].

Государственные социальные программы 2000-х годов несколько снизили уровень бедности, но сломать системные причины социального неравенства не удается. Социальная политика воспринимается нашим правительством как «расходная величина, не приносящая дохода». Такой подход в корне неверный, он лишает страну перспектив.

Достижение социальной справедливости имеет мощный консолидирующий потенциал. Сам факт научной дискуссии о справедливости очень важен. «Правильно обозначить проблему, найти наиболее актуальный и продуктивный дискурс справедливости – уже шаг вперед», – полагает Левичев [с. 9].

Автор статьи, открывающей первый раздел коллективной монографии, «Социальная справедливость и развитие», д-р ист. наук А.Б. Вебер, главный научный сотрудник Института социологии РАН (далее ИС РАН), считает, что вопреки распространенному представлению о несовместимости принципа справедливости с экономической эффективностью новейшие исследования свидетельствуют против этого. Идеолог рыночного либерализма (неолиберализма) Ф. фон Хайек утверждал, что справедливость не может быть разумной целью, а значима только *рыночная мораль*, т.е. исторически сложившиеся в рыночных отношениях правила поведения, следование которым не служит никаким заранее определенным целям.

Уточняя понятия «справедливость» и «развитие», Вебер пишет далее, что в обычной жизни справедливость – категория субъективная, оценочная и может диаметрально противоположным образом интерпретироваться разными индивидами и группами индивидов в разных культурах и в разных ситуациях. Поэтому необходимо придерживаться *объективного критерия* социальной справедливости, имея в виду: а) равные стартовые возможности, б) поддержку обществом тех, чьи возможности достичь социаль-

ных результатов ограничены по не зависящим от них обстоятельствам [с. 12]. Причины неравенства и несправедливости разнообразны. Неравенство стартовых возможностей и объективно обусловленные различия в жизненных условиях закономерно воспринимаются как *несправедливость*.

Усилению неравенства способствуют несовершенство рынков и неравное распределение власти. Экономическое, политическое и социальное неравенство имеют тенденцию самовоспроизводиться в течение времени и из поколения в поколение. Оно воспроизводится вследствие ограничения доступа к качественному образованию, к медицинским и иным социальным услугам, вследствие хронической бедности (так называемая «ловушка бедности»). Различия в социальном положении ведут к неравенству в распределении богатства и власти, к расслоению общества, местных общин, к разделению наций на господствующие и зависимые. Процессы глобализации привели к увеличению разрыва между крайностями богатства и бедности в мире [с. 12].

Известна традиционная приверженность россиян принципу социальной справедливости, подчеркивает Вебер. Навязанный России реформаторами «ельцинского призыва» выбор в пользу праволиберального, неоконсервативного курса шел вразрез с этим. Идеологи рыночных реформ начала 90-х годов XX столетия намеревались добиться слома отечественного культурно-нравственного кода, что получило отражение в максиме «что эффективно, то нравственно» [с. 18–19]. Многие известные экономисты, отечественные и зарубежные, в том числе американские (включая нобелевских лауреатов по экономике), предостерегали от «шоковой терапии». Но к ним российские ультралибералы не прислушались. Их «героями» стали Хайек и Фридман, Тэтчер и Рейган. За образец была взята американская модель.

За относительно короткий по историческим меркам срок Россия выдвинулась на «передовые» позиции по количеству миллионеров и миллиардеров. «Большинство российских нуворишей обязаны своим сказочным обогащением открывшейся благодаря хаотической и жульнической приватизации возможности в той или иной мере получить контроль над сырьевыми ресурсами страны и другими производственными активами» [с. 19]. Общее неравенство доходов обусловило и неравенство в оплате труда как в отдельных

регионах, так и между ними. «В начале “нулевых” заработки 10% наиболее высоко оплачиваемых работников в 39 раз превысили заработки низших 10%. На верхний дециль приходилось 36% всего фонда оплаты труда, на верхний квинтиль (20%) – более половины (52,5%). В региональном разрезе на 100 рублей прироста валового продукта прирост у беднейшей группы составлял 5 рублей, у верхнего дециля – 200 рублей» [с. 19]. Однобокая экспортно-сырьевая направленность экономического развития обернулась торможением роста реального сектора, что привело в конечном счете к стагнации экономики [с. 19–20].

Следствием такой политики стала заниженная доля заработной платы работников наемного труда в национальном доходе и непомерно высокая – доходов крупных собственников и топ-менеджеров. В 2007 г. группа известных российских специалистов в области социологии труда (В.А. Ядов и др.) обратилась к властям с призывом обратить внимание на сложившуюся в стране ненормальную ситуацию с правовым регулированием трудовых конфликтов, но это обращение осталось без ответа [с. 20]. Не помогли исправить положение действия и критика со стороны профсоюзов, общую позицию которых в 2015 г. выразил председатель ФНПР М. Шмаков, обвинивший правительство в «ультралиберальном фундаментализме». Шмаков тогда заявил, что «система распределения доходов и расходов в сегодняшней России откровенно несправедлива» [с. 21].

«Долгосрочные цели национального развития требуют мобилизации всех духовных ресурсов общества. Речь идет о той неуловимой, трудно определяемой субстанции, которую принято называть “духом народа”. Эффективная стратегия национального развития должна учитывать не только готовность народа противостоять внешним угрозам, но и свойственное большинству людей стремление к благополучию, счастью и, не в последнюю очередь, к социальной справедливости», – заключает А.Б. Вебер [с. 21].

Высказанные в первой статье раздела положения развиваются и конкретизируются в последующих работах; их авторами являются социологи, философы, политологи – д-р филос. наук, проф. В.С. Батурин (Карагандинский гос. ун-т), д-р полит. наук, проф. А.М. Старостин (Южно-Российский институт управления, филиал РАНХиГС), д-р полит. наук, проф. Л.Н. Тимофеева (РАНХиГС,

Москва), д-р филос. наук, проф. Г.Л. Тульчинский (НИУ ВШЭ, СПб), канд. полит. наук, доц. И.В. Чайко (Московский институт лингвистики), д-р полит. наук, проф. А.И. Кольба (Кубанский гос. ун-т). Тульчинский, на основе собственных разработок и опираясь на труды А. Кожева, Л. Болтански и Л. Тевено, попытался представить «типы справедливости, власти и соответствующих конфликтов» [с. 49–63]. Чайко обратился к «идее справедливости как проблеме политической теории и практики» [с. 64–74]. Устранение противоречий между различными существующими в мире ценностными системами, считает Чайко, «в обозримом будущем едва ли представляется возможным – в силу сохраняющейся культурной гетерогенности современного мира, существование которой не желают признавать сторонники мондиализма, глобализма, вестернизации» [с. 74].

Авторами работ, представленных во втором разделе монографии, стали: канд. полит. наук, доц. С.В. Акопов (НИУ-ВШЭ, СПб.), канд. полит. наук, ст. науч. сотр. А.Н. Курюкин (ИС РАН), д-р полит. наук, зав. сектором В.В. Люблинский (ИС РАН), канд. экон. наук, доц. С.А. Магарил (РГГУ), д-р полит. наук, проф. Л.Г. Швец (Южно-Российский институт управления, филиал РАНХиГС), канд. социол. наук, доц. Г.Г. Евстифеева (Владимирский филиал РАНХиГС), д-р полит. наук, проф. О.Г. Овчарова (РГСАИ, Москва), канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Л.Я. Прокопенко (Ин-т Африки РАН).

Значительная часть статей этого раздела посвящена гендерным проблемам и связанным с этим аспектам социальной справедливости в России и других странах (это статьи: Л.Г. Швец «Справедливость в гендерном измерении», Г.Г. Евстифеевой «Гендерное неравенство и социальная справедливость», Г.О. Овчаровой «Гендерная справедливость: Тенденции глобальных измерений (на примере политической сферы)», Л.Я. Прокопенко «Политика признания множества идентичностей в ЮАР и других странах Юга Африки как выражение стремления социальной справедливости (гендерный аспект в политике)». Подтверждая статистически наличие «гендерной несправедливости», О.Г. Овчарова отмечает: «Из 249 стран только в 17 женщины являются главами государств и правительств» [с. 151].

В работе С.В. Акопова рассмотрена проблема «справедливости» в эпоху сетевого общества; автор ставит вопрос: является ли она национальной или транснациональной [с. 84–94]. А.Н. Курюкин анализирует «категорию справедливости в мультинациональных государствах» [с. 95–104], В.В. Люблинский сосредоточился на освещении такого вопроса, как «рост неравенства, социальная справедливость и сплоченность общества: международные тенденции» [с. 105–115], С.А. Магарил рассмотрел «российско-шведские параллели» в том, что касается социальной справедливости [с. 116–131].

Третий раздел монографии посвящен реализации принципов справедливости в современной России. Авторы статей: д-р филос. наук, проф. Ю.А. Красин (ИС РАН), д-р полит. наук, проф. А.В. Глухова (Воронежский гос. ун-т), д-р полит. наук, проф. Т.А. Яшкова (РГГУ), д-р социол. наук, гл. науч. сотр., проф. Л.А. Никовская (ИС РАН), д-р полит. наук, доц. Н.А. Баранов (Балтийский гос. техн. ун-т), В.Л. Римский (Фонд ИнДЕМ), аспирантка ф-та политологии МГУ имени М.В. Ломоносова Е.А. Кашина, д-р полит. наук, проф. В.А. Ковалев (Сыктывкарский гос. ун-т), канд. полит. наук, доц. А.В. Богачев (Казанский филиал Российской международной Академии туризма), канд. полит. наук, ст. науч. сотр. О.Г. Щенина (ИС РАН), д-р экон. наук А.К. Соловьев (Пенсионный фонд РФ), д-р полит. наук, проф. О.В. Попова (СПбГУ), канд. полит. наук, доц. Е.О. Негров (СПбГУ), канд. ист. наук, доц. Л.В. Климович (Ульяновский гос. ун-т), канд. полит. наук, доц. О.А. Сиденко (Воронежский гос. ун-т).

В открывающей раздел работе Ю.А. Красина «Справедливость в трансформирующемся социуме» отмечается, что понятие «справедливость» исторично и нельзя по современным критериям судить о *справедливом* и *несправедливом* в другое историческое время. «Начавшийся ныне социетальный переворот глобального социума сказывается на смысловом содержании “социальной справедливости”. В нем все большее значение приобретают распределение духовных ценностей и мера властных полномочий. Новое видение справедливости проявляется в сетевых социальных движениях (ССД), отстаивающих автономию человека как общественного субъекта. Развивающаяся сеть креативной жизнедеятельности социума требует соединения принципов и практики государственного управления с механизмами самоуправления, самоорганизации

и саморегулирования в обществе» [с. 172]. Но реализация новых возможностей идет медленно из-за разделяющего общество социального неравенства. Социальная справедливость упирается в нерешенность проблемы равенства. В трансформирующейся России справедливость, – в восприятии граждан, – главный социальный дефицит [там же].

Резюме исследовательского проекта Института социологии РАН «Российской общество в контексте новых реалий» констатирует «общий запрос на социальную справедливость». По данным проведенного исследователями всероссийского опроса, среди лозунгов, с которыми россияне связывают свое будущее, *социальная справедливость* занимает первое место, подчеркивает Красин. Россия переживает нелегкую пору реформации и развития, и главным социальным дефицитом для российского социума, повторят он, является дефицит социальной справедливости [с. 180].

В следующей далее статье А.В. Глуховой речь идет об основных дистрибутивных парадигмах справедливого способа распределения благ и ресурсов, об особом месте принципа справедливости в политической культуре России, о ее интерпретации в программных документах парламентских партий [с. 181–194]. Автор считает, что необходимым условием «выздоровления» российского общества является слом олигархической структуры. «Грозным предостережением для всех должны служить судьбы революций в Грузии и на Украине, где бесконечные народные волнения не приводят к значимым позитивным переменам, поскольку олигархическая структура общества остается неприкосновенной. Между тем риски обрушения государственности усиливаются с каждым новым революционным витком» [с. 194].

В работе Л.И. Никовской «Справедливость как стимул перехода к социально-ориентированной модели развития» показано, что справедливость в российском обществе стала «жертвой следования неолиберальным принципам социально-экономических реформ» [с. 206]. Гибридность политико-экономических систем, сосуществующих в социальном пространстве России (плюралистическая частная, корпоративная частная, плюралистическая смешанная, корпоративистская смешанная, либерально-демократическая и либерально-авторитарная), мешает утверждению эффективной управленческой модели поддержания социального порядка, в котором

справедливость должна стать критерием общественного развития и формирования такого порядка [с. 206].

Некоторые авторы раздела обращают внимание на неравенство регионов в России (Кашина, Ковалев), другие анализируют проблемы соотношения социальной справедливости и экономической эффективности в России (Богачев), третьи исследуют использование понятия социальной справедливости в политике и в различных теориях из сферы общественных наук и применение данных теорий на практике (Баранов, Ковалев, Римский, Соловьев и др.). В статье О.В. Поповой исследуются представления о справедливости в массовом политическом сознании населения России и политической элиты страны [с. 291–304]. Она приходит к выводу, что идея справедливости в сознании российской политической элиты очень тесно переплетена с идеей государственного патернализма. «Это отнюдь не плохо и способствует поддержанию социальной и политической стабильности в государстве. Но в целом в России сложилась парадоксальная ситуация, когда заказ на реализацию принципа социальной справедливости в стране присутствует и со стороны населения, и со стороны властей, однако он проявляется преимущественно в дискурсивных практиках, но реализуется в общественной жизни лишь фрагментарно» [с. 304].

Авторами статей, помещенных в завершающем четвертом разделе сборника, являются канд. техн. наук, ст. науч. сотр. А.Н. Кулик (ИНИОН РАН), д-р социол. наук, гл. науч. сотр. В.Н. Якимец (Институт проблем передачи информации им. Харкевича РАН), канд. физ.-мат. наук, доц. М.Б. Горный (АНО «Аналитический центр развития публичной политики “Содружество”»), канд. полит. наук, доц. С.И. Бойко (РГГУ), д-р полит. наук Н.В. Гришин (Астраханский гос. ун-т), д-р полит. наук, гл. науч. сотр. С.Г. Айвазова (ИС РАН), д-р филос. наук, проф. О.В. Зиневич (Новосибирский гос. техн. ун-т), канд. филос. наук, магистр А.В. Мирча (Осакский муниципальный ун-т), д-р полит. наук, проф. М.А. Молокова (Юго-Западный гос. ун-т) и д-р социол. наук, проф. Л.А. Никовская (ИС РАН) (соавторы), д-р полит. наук, декан факультета повышения квалификации и профессиональной переподготовки кадров О.А. Коряковцева (Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского), канд. социол. наук, доц. С.Л. Таланов (Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского).

А.Н. Кулик цитирует Р. Даля, сравнившего поиски определения понятий «справедливость» и «общественное благо» с интеллектуальными упражнениями малых групп теоретиков, в основном профессиональных философов, проделанными для них самих [с. 335]. Консенсуса в понимании этого определения у исследователей нет еще с античных времен. «В настоящее время в приоритете справедливости над законом убеждены 40% россиян» [с. 337]. А сама Россия по разнице в доходах самых бедных и самых богатых занимает одно из ведущих мест в мире, уступая лишь Карибским островам. Вполне очевидно, что президент «Роснефти» И. Сечин с годовой зарплатой 50 млн долл. имеет больше возможности влиять на формирование политики государства, чем среднестатистический гражданин с медианным значением зарплаты в 21 тыс. руб. в месяц [с. 337–338]. В России уже в 2013 г. насчитывалось 110 долларовых миллиардеров [с. 339]. Неравенство может привести к социальным беспорядкам [с. 340]. «Негативная мобилизация общества вокруг политического центра в условиях текущих санкций Запада против России в связи с ее вовлеченностью в события на Украине не имеет конструктивного начала и может продолжаться до бесконечности», – заключает Кулик [с. 350].

На рост социального неравенства в России обращают внимание авторы других статей этого раздела (Якимец, Никовская, Молокова), о справедливости в обеспечении свободных и справедливых выборов и роли в этом международных организаций пишет в своей работе Гришин. Айвазова возвращается к рассматривавшейся уже другими авторами во втором разделе теме гендерного неравенства, фокусируя внимание именно на «российском случае». Зиневич и Мирча проводят сравнительный анализ «доверия как социального капитала в семейном бизнесе России и Японии» [с. 391–402].

В целом, предпринятая авторами сборника попытка проанализировать вопросы реализации социальной справедливости в различных сферах общественной жизни в России и за рубежом является определенным «шагом вперед» для отечественной социологической науки, а сделанные авторами данной коллективной монографии выводы, несомненно, будут учтены в последующих исследованиях.

В.П. Любин

2019.04.013. КЛАРК Г. ОТЦЫ И ДЕТИ: ФАМИЛИИ И ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ / пер. с англ. Н. Эдельмана; науч. ред. перевода А. Володин. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 536 с.

Ключевые слова: социальная мобильность; межпоколенческая мобильность; социальное положение; социальное неравенство.

В книге известного экономиста, профессора Калифорнийского университета Грегори Кларка описываются механизмы движения по социальной лестнице за последние несколько веков. Автор показывает, что, несмотря на глобальные трансформации, которые переживает современное общество, судьбу человека по-прежнему во многом определяет социальное происхождение и статус его предков. Несмотря на то что жесткие классовые структуры постепенно размывались, уступая место большему социальному равенству, до сих пор уровень мобильности даже в демократических странах ниже, чем принято считать. В принципе, в разных обществах он остается примерно одинаковым и довольно устойчив к социальной политике. В то же время, отмечает Кларк, происхождение не создает незаслуженных преимуществ, так как обнаруженные закономерности обусловлены большей частью наследованием способностей и «правильных» поведенческих паттернов. Кларк утверждает, что, поскольку наше место в мире в существенной степени предопределено, мы должны избегать создания обществ, в которых победитель «получает все».

Реферируемая книга состоит из введения, трех частей (1. *Социальная мобильность во времени и пространстве*; 2. *Проверка законов социальной мобильности*; 3. *Хорошее общество*) и заключения. В работе применяется оригинальный подход, состоящий в отслеживании статуса фамилий на протяжении длительного времени с целью прояснения темпов социальной мобильности в разные эпохи в разных обществах. География выбранных для анализа стран обширна: это и европейские государства (Великобритания, скандинавские страны), и США, а также страны Азии (Индия, Китай, Тайвань, Япония, Южная Корея) и Латинской Америки (Чили). К сожалению, читатель не найдет в книге Кларка сведений о России, тем не менее он встретит ряд предсказаний относительно тен-

денций, которые можно считать общемировыми и экстраполировать на нашу страну. Прежде всего, это касается долгосрочных темпов социальной мобильности. Кларк отмечает, что они крайне низки везде: конкретные семьи порой сохраняют свой – высокий или низкий – статус на протяжении 10 поколений (около 300 лет). Во-вторых, как это ни парадоксально, темпы социальной мобильности почти не реагируют на социальные изменения и социальную политику государства. Например, темпы социальной мобильности в современной Англии, где государство оказывает существенную поддержку институтам образования, не выше, чем те, что наблюдались в средневековой Англии в 1300 г. Впрочем, в связи с революционными потрясениями в 1917 г., колоссальным переформатированием классовой структуры общества и свержением прежних элит в нашей стране выделенная тенденция не представляется очевидной.

Остановимся на основных выводах, которые были сделаны автором настоящего исследования.

Даже в высокомобильных обществах, таких как США и Швеция, довольно велика зависимость жизненных шансов человека от обстоятельств его рождения, т.е. существует возможность предсказать общие социальные перспективы любого индивида еще в младенчестве. Однако, по мнению Кларка, при высоких темпах социальной мобильности «американская мечта» все же достижима. Вместе с тем в низкомобильных обществах есть множество людей, чья жизнь сложилась бы гораздо успешнее, если бы они родились в другой семье.

Сто лет перераспределения средств, всеобщего образования и социальной политики мало отразились на темпах социальной мобильности в разных странах. Однако низкая социальная мобильность, фиксирует Кларк, не означает застывшего иерархического общества, поскольку существуют общества, где социальная мобильность почти невозможна.

При прогнозировании жизненного успеха для определенного человека необходимо учитывать так называемый человеческий фактор, поскольку, по словам автора книги, социальный статус остается «непредсказуемым» более чем на 40%. У любого человека есть шансы улучшить свое положение по сравнению с социальной позицией своих родителей. Кроме того, при высоких шансах на успех невозможно достичь его без борьбы, усилий и инициативы.

Важным механизмом мобильности служит наследование скрытых способностей. Обычно выходцы из высокостатусных семей воспроизводят иные паттерны поведения, мышления, нежели те, кто рос в менее благополучных семьях. Все это накладывает отпечаток на их последующую «участь». Вместе с тем Г. Кларк предлагает учитывать и биологические факторы. Так, согласно работам, посвященным наследованию интеллекта, пишет он, приемные родители в большей степени определяют жизненный путь детей, но по мере взросления интеллект последних приближается к интеллектуальному уровню их биологических родителей. Случаи, когда наследственность берет верх над воспитанием, происходят чаще, чем принято думать. Даже если в хорошем – достаточно высокомобильном – обществе мы получим период повышенной мобильности и улучшим на время положение (сократим неравенство в плане образовательного уровня, дохода, имущественного положения и здоровья) детей из низкостатусных семей, по окончании «переходного периода» разделение на «верхи» и «низы» скорее всего вновь начнет воспроизводиться на основе механизмов наследственности, предполагает Кларк.

Почти нет фактов, указывающих на существенные возможности повысить темпы социальной мобильности с помощью социальных программ, с сожалением констатирует исследователь. Поэтому, по его мнению, в подобных условиях любое общество должно выступать за дополнительное перераспределение доходов, оказывая «больше помощи тем, кому не повезло с наследственностью» [с. 429]. Какие-то страны достигли в подобной компенсаторной политике серьезных успехов. Например, Швеция осуществляет в интересах бедных людей намного более обширные интервенции в сферах образования и здравоохранения, чем США, что дает значимые результаты. Так, в Швеции различие в ожидаемой продолжительности жизни между молодыми людьми (30 лет на момент исследования), имеющими среднее и высшее образование, составляет три года, в США – 7 лет [с. 430]. Это показывает, что Швеции удалось сократить различия между условиями жизни богатых и бедных, обеспечив всеобщий доступ к здравоохранению и иным социальным благам.

Подобные действия требуют средств, источником которых во многом служит налоговая база. Известно, что налоговое бремя в

скандинавских странах более существенно, чем в странах англосаксонской экономической системы. (Ср.: среднее налоговое бремя с учетом всех отчислений с зарплаты (в 2012 г.) в Швеции составляет 43%, а в США и Великобритании – порядка 30%.) Эти меры позволили скандинавским государствам обеспечить своим гражданам большее равенство с точки зрения величины доходов.

Кроме того, замечает Кларк, путь к карьере и высокому статусу открывает университетское образование. В вузах США, Великобритании, Китая и Японии производится жесткий отбор абитуриентов. Престижные университеты отбирают студентов на основе их способностей; в самые известные и «сильные» вузы обычно поступают выходцы из семей, издавна принадлежавших к элите. Автор критикует «филантропию наизнанку» [с. 432]: вливания благотворителей (зачастую из числа знаменитых выпускников) в популярные университеты и без того огромны. Учебные заведения более низкого уровня, не удовлетворяя запросам элиты, привлекают небогатых студентов. Здесь срабатывает механизм неравномерного распределения преимуществ, известный как эффект Матфея: имеющие получают еще больше, неимеющие не получают ничего. В то же время нет доказательств, что жесткий отбор абитуриентов необходим для эффективного функционирования университета. Кларк приводит в пример престижный и старейший Гейдельбергский университет в Германии, который не предъявляет жестких требований к поступающим. В его стенах учится молодежь из семей разного социального статуса, что не снижает уровень учебных программ университета и не сказывается на качестве профессиональной подготовки его выпускников.

Влияют на темпы социальной мобильности и культурно-ментальные особенности того или иного общества. Например, в США жесткая социальная дифференциация и конкуренция одобряются, так как считается, что это способствует формированию социальных лифтов и не дает «застояться» обществу.

Существуют страны, в которых уровень социального неравенства высок в силу их социальной и национальной неоднородности. Так, в состав американской элиты издавна входят представители разных социальных и национальных групп: евреи (5%), выдвинувшиеся в результате селекции в ранние эпохи; индуисты из Индии; копты из Египта; иранцы; мароните; афрамериканцы (все-

го около 2%). В нижних слоях американского общества находятся группы, сложившиеся в результате отрицательного отбора: мексикано-американцы, выходцы из Новой Франции, хмонги (до 18%). В более однородных обществах (Германия, Польша, Италия) проблемы социостатусной стигматизации менее выражены, а судьба человека в большей степени зависит от личного выбора.

Резюмируя, Г. Кларк отмечает, что наследственность остается ключевым (хотя и не единственным) механизмом, передающим социальный статус от поколения к поколению. В то же время возникает вопрос, связано ли наследование, допустим, с генами. Проследить это можно, лишь имея в распоряжении обширную базу обо всех представителях определенных семей, являющихся родственниками. Таким образом, новые гипотезы о природе социальной мобильности, зародившиеся в ходе настоящего исследования, еще ждут своей проверки.

М.А. Ядова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

2019.04.014. КУМАР С. РАСКРЫВАЯ ЗАГАДКУ ИСЛАМСКОЙ УГРОЗЫ: ЗАПАДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СТОЛКНОВЕНИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ПОИСК ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.
KUMAR S. Untying the mystique of an Islamic threat: Western imageries, the clash of civilizations and a search for ontological security // Jadavpur j. of international relations. – Kolkata, 2018. – Vol. 22, N 1, – P. 1–21.

Ключевые слова: исламофобия; столкновение цивилизаций; демонизация ислама; онтологическая безопасность.

Рассматривая проблему демонизации ислама, автор настоящей статьи – Санджив Кумар (Делийский университет, Нью-Дели), утверждает, что стремление очернить религию пророка Мухаммеда ограничивает западное представление о мусульманском мире. В основе такого пристрастного подхода лежит изображение ислама в качестве угрозы онтологической безопасности Запада. Подобная репрезентация строится вокруг гипотезы о неразрывной связи ислама и насилия, обусловленной так называемой укорененностью данной религии в средневековом варварстве. Одновременно подчеркивается, что исламской цивилизации следует преодолеть синдром догматического абсолютизма и непримиримости. В соответствии с этими посылками ислам предстает естественным врагом модернизированного Запада, воплощающего собой либеральный космополитизм и культурный плюрализм. В рамках своего исследования Кумар анализирует отражение вышеописанных эпистемологических моделей в «исламофобских нарративах» [с. 1] Самюэля Хантингтона, Бернарда Льюиса и их идейных последователей[1].

[1] См. в частности: Lewis B. The Arabs in history. – N.Y.: Harper Torch books, 1960; Lewis B. Islam and the West. – N.Y.: Oxford univ. press, 1993; Huntington S.P.

Автор относит Б. Льюиса к типичным сторонникам колониального и ориенталистского (в терминах Э. Саида[1]) взгляда на ислам и мусульманский мир. Так, данный британо-американский историк полагал оправданным, а в отдельных случаях даже необходимым («Либо мы принесем им свободу, либо они нас уничтожат») вмешательство Запада во внутренние дела стран Ближнего Востока. Он же ввел термин «столкновение цивилизаций», который в 1993 г. использовал С. Хантингтон в названии своей наиболее известной статьи в издании *Foreign Affairs*. В 1996 г. высказанные в этой работе идеи С. Хантингтон оформил в монографию под названием «Столкновение цивилизаций». С точки зрения автора, в трудах двух вышеназванных ученых присутствует стремление искусственно проблематизировать ислам и представить его в качестве религии имманентно враждебной Западу.

Многие западные теоретики интерпретируют насильственные акты, совершенные отдельными мусульманами, как обусловленные каноническими, богословскими и юридическими аспектами их веры. Следствием подобной стигматизации или негативного позиционирования ислама становится распространение представления о нем как о религии, где насилие оправдается богом. Подчеркивая степень демонизации ислама в западном обществе, автор приводит результаты опросов, проведенных *Washington Post* совместно с *ABC News* (2006, 2010) в США и Европе, соответственно. Исследования показали, что для 46% граждан США и Европы образ ислама оказывается опосредован негативными коннотациями [с. 2].

В своей работе автор пытается деконструировать внедренное в массы Б. Льюисом, С. Хантингтоном и их последователями представление об исламе как об изначально «враждебном Другом». В первую очередь он отмечает некорректность утверждения прямой идеологической преемственности между средневековыми и современными государствами исламского мира. Во-вторых, стигматизация мусульман представляется Кумару следствием культурной уязвимости самого Запада, не уверенного в своей онтологичес-

1993. Clash of civilizations? // Foreign affairs. – N.Y., 1993. –Vol. 72, N 3. – P. 22–49; Huntington S.P. The clash of civilizations and the remaking of the new world order. – L.: Simon & Schuster, 1996.

[1] Said E.W. Orientalism. – N.Y.: Vintage books, 1977.

кой безопасности. Движущиеся в сторону все большей секуляризации и разобщения западные общества с тревогой воспринимают проявления исламского фундаментализма.

После событий 11 сентября политика стигматизации ислама получила новый импульс, и популярность теории «столкновения цивилизаций» резко возросла. Автор полагает, что широкое распространение термина «исламский терроризм» стало еще одним проявлением демонизации этой религии. Западные «политические антрепренеры» умело раздувают моральную панику в отношении мусульман с целью переноса на них части ответственности за отдельные внутриполитические и внутриэкономические неудачи [с. 4–7].

Кумар признает, что противостояние между Западом и исламской цивилизацией имеет 1300-летнюю историю и вероятность снижения напряженности между этими двумя мирами (в ближайшем будущем) стремится к нулю. Однако он отказывается принять выводы С. Хантингтона о том, что двигателем войн по линиям разлома цивилизаций была и останется цивилизация исламская. Анекдотическими представляются автору утверждения о том, что ислам является наиболее «абсолютистской» религией, абсорбирует политику, проводит жесткую грань между мусульманами и немусульманами и с трудом «переваривает» другие цивилизационные матрицы. Напротив, в статье говорится, что ислам, как религия, всегда отличался гибкостью и, как правило, приспосабливался к различным политическим системам. Утверждается, что не только ислам может претендовать на звание «религии меча», но и другие конфессии. Насилие представляется неотъемлемой частью процесса развития человеческой цивилизации. Этот тезис сохраняет свою силу применительно к любым временным и пространственным условиям, поскольку человеческая сущность определяется стремлением к власти. Наконец, монополия на применение насилия остается ключевым признаком любого, в том числе западного государства. В сложившейся на сегодняшний день системе миропорядка основную роль в производстве конфликтов играет не религия, а сложная сцепка социально-экономических, психолого-культурных и политических факторов, которые в условиях быстрого развития глобализации способствуют возрастанию склонности к насилию у отдельных индивидов и, соответственно, у государств [с. 8–13].

Ошибочным полагает автор вывод Б. Льюиса о несовместимости ислама и демократии. Кумар также подчеркивает необоснованность рассмотрения ислама в первую очередь как идеологии, направленной на установление контроля не только над всеми аспектами жизни верующего, но и над всем обществом, т.е. тоталитарной по своей сути и не допускающей терпимости к различиям [с. 14–15].

В заключение автор заявляет, что склонность западных обывателей отождествлять такие понятия, как «мусульманин», «опасность», «коварство» и «ложь», иллюстрирует провал попыток визуализации ислама как макросоциального феномена, проявляющего себя в огромном количестве разнообразных форм, адаптированных под микросоциальный контекст повседневности каждого верующего [с. 17]. Ислам же, подчеркивает автор, представляет собой собирательное наименование множества противоречащих друг другу течений, а не монолитное образование с агрессивной идеологией.

А.М. Понамарева

2019.04.015. БИЗЛИ Р.К., КААРБО Дж. КАСТИНГ НА РОЛЬ СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА: СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТРАНЫ-КАНДИДАТА В РАМКАХ РЕФЕРЕНДУМА О НЕЗАВИСИМОСТИ ШОТЛАНДИИ.
BEASLEY R.K., KAARBO J. Casting for a sovereign role: Socialising an aspirant state in the Scottish independence referendum // European j. of international relations. – L., 2017. – Vol. 24, N 1. – P. 1–25.

Ключевые слова: теория ролей; референдум; независимость Шотландии; социализация; суверенитет; Великобритания.

Британские ученые Райан Кай Бизли (Сент-Эндрюсский университет) и Джульет Каарбо (Эдинбургский университет) ставят перед собой задачу изучить процессы подготовки и проведения референдума о независимости в Шотландии в 2014 г., оценив его влияние на международную политику [с. 3].

Анализируя развитие регионального сепаратизма в Великобритании, исследователи пришли к выводу, что современные общественные науки не уделяют должного внимания такому феномену, как «пресоциализация» (pre-socialisation). «Пресоциализация»

определяется авторами как процесс осмысления сущности и ценности суверенитета государством-кандидатом через принятие ролей, которые могут гипотетически возникнуть в случае получения независимости, и усвоение определенных норм поведения, свойственных независимым государствам. Воспринимаемые роли в данном контексте рассматриваются как «модели поведения, ответы на внешние вызовы, ориентированные на действия других акторов»[1]. Успешное прохождение данного этапа выступает необходимым условием стабильного функционирования системы государственной власти после сецессии региона. Р.К. Бизли и Дж. Каарбо утверждают, что в современном мире государства образуются путем реформирования уже существующих, поэтому социализация происходит до того, как государственное образование официально получит признание мирового сообщества. Таким образом, пресоциализация лежит в основе суверенных государств [с. 4–5].

В рамках теории пресоциализации исследователи выделяют три измерения понятия «суверенитет». Во-первых, суверенитет определяется ими как особая роль, которая подразумевает понимание сути независимости, ее ценности и значения. Иными словами, это процесс социального взаимодействия, общественного обсуждения необходимости получения независимости. Во-вторых, суверенитет представляет собой комплекс внешнеполитических ролей, которые актор может обрести, если произойдет сецессия. Составляющими этого комплекса выступают обязанности гипотетического государства, его положение на международной арене. В-третьих, рассматривается влияние международного сообщества на процесс становления суверенного государства.

Предваряя описание референдума Шотландии 2014 г., Р.К. Бизли и Дж. Каарбо отмечают преимущества обращения к теории пресоциализации при исследовании специфики становления новых независимых государств. Она позволяет рассмотреть государственный суверенитет в его различных ипостасях, выстроить модели поведения не только страны-кандидата, но и других вовлеченных в процесс участников международных отношений. При этом снимаются ограничения нормативного подхода [с. 6–9].

[1] Thies C.G. State socialization and structural realism // Security studies. – L., 2010. – Vol. 19, N 4. – P. 689–717.

В статье подчеркивается, что референдум в Шотландии был уникальным, абсолютно законным шансом для Эдинбурга за 300 лет союза с Англией получить полную свободу. Сторонники отделения рассматривали суверенитет как социально-политическую ценность, необходимое условие для построения более справедливого государства[1]. Однако при этом движение «Да, Шотландия!» («Yes Scotland!») ставило под сомнение ценность самого понятия «государство». Утверждалось, что в современном мире ключевую роль играет глобализация, приводящая к «размыванию» национальных границ и унификации общества. Соответственно, предполагалось, что в недалеком будущем концепт «государство» станет достоянием прошлого. Шотландии же предписывалось как можно скорее присоединиться к этим процессам. На логичный вопрос о необходимости отстаивания своего суверенитета в подобных условиях, приверженцы независимости не могли ответить на него.

В то же время их оппоненты, представители движения «Лучше вместе» («Better Together») заявляли, что вожделенная независимость чревата серьезными рисками, главным образом в экономической сфере.

Большое количество споров вызвала тема внешнеполитической роли независимой Шотландии. Так, противники независимости утверждали, что новое государство еще долго не сможет стать полноправным участником международных отношений. По их мнению, Шотландии грозила судьба страны-изгоя в Европе и в мире, ведь договоренности об автоматическом продлении ее членства в ЕС и НАТО в случае разрыва с официальным Лондоном достигнуты не были. Сторонники независимости, напротив, подчеркивали, что суверенитет позволит их государству влиять на международные отношения. Первый министр Шотландии (16 мая 2017 г. – 19 ноября 2017 г.), лидер движения «Yes Scotland» Алекс Салмонд заявил, что целью сецессионистов является «свободный, демократический мир», где его стране была бы отведена важная роль носителя ценностей либерализма и пацифизма [с. 10–13].

[1] Salmond A. Scotland should be independent // The Washington Post. – Wash., 2012. – Dec. 7. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/opinions/why-an-independent-scotland-deserves-us-support/2012/12/07/694ba79a-3a4a-11e2-8a97-363b0f9a0ab3_story.html?utm_term=.b2ba3172e654 (Accessed 05.05.2019.)

Вопрос независимости Шотландии вызвал огромный ажиотаж в мировом сообществе. Все европейские лидеры выразили озабоченность исходом референдума, но все же признали его легитимность. Так Франк-Вальтер Штайнмайер, бывший на тот момент министром иностранных дел ФРГ, заявил, что единая Великобритания является более предпочтительным вариантом союзника для Германии, чем разделенная. Однако, по его словам, Берлин был готов принять любой выбор шотландцев. Министр иностранных дел Испании Хосе Мануэль Гарсия-Маргальо заявил, что независимость Шотландии подрывает единство ЕС и угрожает экономической стабильности союза [с. 14]. Он подчеркнул риск «балканизации Европы», которая могла бы выразиться в повсеместной сецессии нестабильных областей и, в худшем случае, привести к роспуску ЕС. Даже Франция, традиционный конкурент Великобритании, выразила недовольство референдумом. Правительство Пятой республики озаботилось вопросом вывода ядерных вооружений из Шотландии в случае победы сторонников независимости. Ведь весь ядерный потенциал Великобритании размещен на подводных лодках, единственным местом базирования которых является база Клайд в Шотландии [с. 15]. Похожие позиции выразили остальные руководители государств Евросоюза [с. 14]. Важно отметить, что все без исключения лидеры не давали никаких гарантий сторонникам независимости в отношении автоматического продления членства Шотландии в общеевропейских организациях и союзах. Позиция США была столь же однозначной. Вашингтон опасался потери сильного союзника в Европе и нарастания напряженности в регионе. Барак Обама заявил, что только единая Великобритания может быть сильным, процветающим государством [с. 15].

Авторы подчеркивают, что в ходе подготовки референдума темы национализма, исторической судьбы и травматического опыта прошлых лет практически не поднимались. Все внимание было сосредоточено на том, какие роли будут играть Англия и Шотландия в случае успешного отделения последней, как будут решаться экономические проблемы и выстраиваться хозяйственные связи.

По мнению Р.К. Бизли и Дж. Каарбо, несмотря на результаты референдума (55,3% избирателей проголосовали против независимости), точку в дискуссии о суверенитете Шотландии ставить пока рано. Виной тому – Брекзит. Ожидать нам всем нового референду-

ма или нет – зависит от внутренней политики Великобритании и последствий выхода страны из ЕС. Однако очевидно, что сторонников у идеи независимости Шотландии прибавилось, ведь теперь все доводы движения «Лучше вместе» об опасности остаться за бортом единой Европы утрачивают смысл. Так или иначе, повторная заявка Шотландии на проведение еще одного референдума станет началом нового этапа пресоциализации, однако проходить она будет в совершенно иных политических условиях [с. 16].

Подводя итоги статьи, авторы делают следующие выводы.

Концепция «социализации государства» является важной составляющей теории международных отношений. Обращение к этой концепции с необходимостью влечет за собой изучение механизмов поддержания общественных ролей.

Пресоциализация как процесс включает в себя использование механизмов поддержания системы в целом и способствует вхождению в нее новых акторов без серьезных сбоев в отлаженном взаимодействии.

Понятие пресоциализации позволяет увидеть связь между суверенитетом и освоением ролей в процессе развития и становления государства.

В ходе пресоциализации конституируются основные роли, необходимые для функционирования нового независимого государства; раскрывается смысл суверенитета через выявление отношения к нему различных акторов; определяется специфика взаимовлияния участников международных отношений [с. 17–18].

К.О. Фоменко

2019.04.016. БЕЙЕНЕ Э., ХАН А., АЛИ М.С. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЭФИОПИЕЙ И СУДАНОМ В КОНТЕКСТЕ ГИДРОПОЛИТИКИ НИЛА.
BEYENE E., KHAN A., ALI M.S. The dynamics of Ethiopia-Sudan relations over the hydro-politics of Nile // Insight on Africa. – New Delhi, 2018. – Vol. 10, N 2. – P. 150–168.

Ключевые слова: гидрополитика; гегемония; эфиопо-суданские отношения; река Нил.

В рамках настоящей статьи Эмбиале Бейене, Аслам Хан и Мухаммед Саид Али (Университет Бахр-Дара, Эфиопия) анализи-

руют исторический контекст противоречий Судана[1] и Эфиопии в отношении раздела водных ресурсов реки Нил и критически оценивают гидрополитику двух вышеозначенных стран на современном этапе.

Во введении авторы отмечают, что водные проблемы зачастую рассматриваются как потенциальный источник конфликтов, однако они же могут служить катализатором сотрудничества в трансграничных водных бассейнах.

В первой части статьи подчеркивается сходство вызовов, стоящих перед Эфиопией и Суданом: перенаселение, урбанизация, нехватка продовольствия и электроэнергии, низкий уровень санитарии и сложность обеспечения ирригации. Поскольку эти проблемы создают дополнительную нагрузку на существующие системы водоснабжения, вопросы гидрополитики приобретают поистине экзистенциальное значение.

Противоречия между Эфиопией и Суданом усугубляются отсутствием обоюдно признанных правовых механизмов регулирования совместного водопользования Нилом.

Описывая исходные предпосылки гидрополитики Судана, исследователи приводят следующие факты.

1. Подавляющее большинство населения Судана занимается сельским хозяйством. Соответственно, достижение продовольственной безопасности за счет интенсификации развития аграрного сектора позиционируется правительством в качестве одной из важнейших задач.

2. Относительно недавно в Судане был возведен ряд плотин для развития гидроэлектроэнергетики и ирригации. Однако пограничный конфликт между Северным и Южным Суданом, а также продолжающаяся напряженность в провинции Западный Дарфур затормозили продвижение инфраструктурных проектов.

3. Традиционно Судан находится в орбите египетской гидрогегемонистской политики, что выражается в дипломатическом, политическом и правовом влиянии официального Каира на регулирование использования вод Нила и соответствующие инфраструктурные проекты [с. 152].

[1] Здесь и далее авторы рассматривают Республику Судан – государство, расположенное в юго-восточной части Африки, со столицей Хартум, от которого 9 июля 2011 г. по итогам референдума отделился Южный Судан. – *Прим. реф.*

Применительно к ситуации в Эфиопии отмечаются следующие специфические особенности.

1. Экономика Эфиопии базируется на сельском хозяйстве, в котором занято около 80% населения страны и на которое приходится 60% всего национального экспорта. Однако участившиеся в последнее время засухи наносят большой ущерб этой важнейшей отрасли.

2. Исторически Египет стремился ограничить доступ Эфиопии к использованию вод Нила, располагая при этом международной поддержкой, которую ему оказывали западные страны как стратегически важному союзнику.

3. В борьбе с дискриминационной политикой Египта Эфиопия применяла две стратегии: отказ от старых соглашений, противоречащих национальным интересам, и выработка собственной концепции «справедливого использования» (equitable use).

4. Эфиопия пытается оспаривать гегемонию Египта в бассейне Нила путем развития своих собственных проектов. В 2011 г. Аддис-Абеба объявила о начале строительства Плотины великого возрождения Эфиопии (Grand Ethiopian Renaissance Dam, GERD) на реке Нил. Этот крупнейший проект реализуется исключительно за счет внутренних ресурсов; так, к 2017 г. было проведено около 60% работ. Однако Эфиопия, Судан и Египет еще не согласовали вопрос о заполнении плотины и ее вводе в эксплуатацию. В 2012 г. был создан Трехсторонний комитет по Нилу, который изучает возможные последствия реализации проекта [с. 154].

Теоретическую рамку исследования авторы выстраивают на основе хрестоматийной работы Ганса Моргентау «Политические отношения между нациями: Борьба за власть и мир». Классик политического реализма понимал под изучением гидрополитики систематический анализ межгосударственных конфликтов и сотрудничества в области международного управления водными ресурсами и их развития[1]. Отмечая возможность участия негосударственных акторов в реализации гидрополитики, авторы тем не менее подчеркивают, что высший ее уровень – это *межгосударственные* отношения по вопросам распределения водных ресурсов и

[1] Morgenthau H. Politics among nations: The struggle for power and peace. – N.Y.: The McGraw Hill publishing companies, 2004.

контроля над ними. Государства при этом обычно выступают как суверенные, независимые акторы [с. 155].

Во второй части статьи эксперты обозначают две возможных стратегии поведения в гидрополитике: гегемонию и контргегемонию.

Гегемония определяется как лидерство, которое зиждется не только на возможности принудить, но и на знаниях и умениях реализовывать свое влияние, подчеркивая формальное равенство между страной-гегемоном и другими акторами. Конфликт и сотрудничество рассматриваются не в качестве взаимоисключающих, а в качестве дополняющих друг друга механизмов отстаивания своих интересов. Несимметричность властных отношений является неотъемлемой характеристикой гегемонии [с. 156].

Применительно к проблеме трансграничных рек, гегемоном бассейна является страна, которая контролирует не только использование водных ресурсов, но также и соответствующие инфраструктурные и интеграционные проекты в регионе. По мнению авторов, именно такую позицию занимал Египет в бассейне Нила [с. 157].

Контргегемония выражается в стремлении разрушить существующий статус-кво и оспорить его легитимность. Государства, избравшие этот путь, пытаются за счет убеждения и пропаганды увеличить число своих сторонников, сформировать из них собственный блок и выработать альтернативную стратегию для борьбы с гегемонистским давлением. Такой стратегии придерживаются Эфиопия и другие страны верхнего течения Нила, бросающие вызов монополии Египта на нильские водные ресурсы. Инициировав создание новых плотин на реке и ее притоках, Эфиопия увеличила свой политический вес, что позволило «усадить» Египет за стол переговоров. В 1997 г. Эфиопия смогла объединить все страны верховьев Нила под эгидой Рамочного соглашения (Nile Cooperative framework agreement), утверждавшего принципы «справедливого использования» нильских ресурсов и тем самым ставящего под вопрос законность так называемых естественных исторических прав Египта и Судана на полное использование вод реки.

В 2003 г. Университет Организации Объединенных Наций (УООН) организовал симпозиум высокого уровня для обсуждения роли международного сообщества в решении проблемы нехватки

воды. В ходе симпозиума были рассмотрены три возможных подхода к данной проблеме: традиционный, информационно-технологический и международный. Традиционный подход основан на вовлечении широкой общественности и заинтересованных сторон в процесс принятия решений путем их информирования и консультаций с ними. Второй подход предполагает использование современных информационных технологий для участия общественности в управлении общими водными ресурсами. Международный подход базируется на деятельности региональных и международных организаций, что позволяет увеличить общественное участие в контроле реализации принятых решений.

По мнению УООН, применение вышеозначенных подходов может улучшить управление трансграничных водных ресурсов и стать отправным пунктом в развитии региональной интеграции и снижении конфликтности [с. 158]. Э. Бейене и его коллеги соглашаются с этим заключением.

Следующая часть статьи содержит обоснование применения методов кейс-стади и фокус-групп при рассмотрении взаимодействия Эфиопии и Судана по вопросу использования ресурсов Нила, а также при попытке спрогнозировать последующие действия сторон [с. 159].

В четвертой части статьи динамика развития эфиопо-суданских отношений описывается сквозь призму теории гидрогегемонии. Отмечается, что гегемон может использовать переговорный ресурс и влиять на международных акторов, иностранные правительства и природоохранные организации для реализации своих национальных интересов, противоречащих интересам других государств. На сегодняшний день сложившаяся практика и правовая база в отношении водозабора полностью защищают монополию Египта и частично Судана на использование вод Нила. При этом «водное» соглашение 1959 г. между Каиром и Хартумом, по мнению авторов, сделало Судан «заложником» египетских властей, поскольку в договоре не учитывались его национальные интересы. Судан опасался открыто противостоять гегемону, допуская, что Египет в таком случае поспособствует смене режима и началу гражданской войны на территории несговорчивого партнера. Более того, он находился под дипломатическим давлением других арабских государств, поддерживавших лидерство Египта в нильском субре-

гионе. Результаты проведенных авторами фокус-групп показали, что на позицию официального Хартума, в числе прочего, повлиял относительно низкий, по сравнению с Египтом, уровень технического, военного и экономического развития [с. 160]. Таким образом, констатируют эксперты, на начальном этапе Египет довольно успешно использовал гегемонистскую стратегию для поддержания стаус-кво в бассейне Нила.

В настоящее время страны верхнего течения Нила, в первую очередь Эфиопия, «раскручивают» контргегемонистский сценарий, бросая вызов традиционной монополии Египта в области использования нильских водных ресурсов. Для реализации такой масштабной задачи Эфиопия внедряет концепцию «справедливого использования», а также начала масштабную компанию транснационального лоббирования, в рамках которой международные организации получили многочисленные письма протеста, осуждающие новые египетские ирригационные и мелиорационные проекты [с. 161]. Аддис-Абеба смогла мобилизовать внутренние финансовые ресурсы для создания крупных инфраструктурных проектов на Ниле, а также инициировала строительство Плотины великого возрождения Эфиопии, что стало реальным вызовом сохранявшемуся с 1959 г. статус-кво в вопросах водопользования.

Исследователи обращают внимание на то, что контргегемонистская позиция Эфиопии предоставила Судану достаточное пространство для дипломатического маневра, чтобы выступить в качестве независимого от Египта субъекта международных отношений. Пользуясь открывшимся окном возможностей, Судан начал уклоняться от влияния гегемона, с которым его связывали неравноправные договоренности, и даже стал их оспаривать.

Эфиопия же в области гидрополитики реализовала на практике все три подхода, выработанные УООН. Так, в рамках традиционного подхода Аддис-Абеба обеспечила участие граждан в сфере использования и развития водных ресурсов Нила через проведение масштабных кампаний по защите окружающей среды в бассейне реки, общественное финансирование проекта GERD[1] и активную общественно-информационную кампанию, увязывающую

[1] Финансирование проекта осуществляется за счет продажи государственных облигаций. – *Прим. реф.*

проблему справедливого распределения вод Нила с решением проблемы голода. Наряду с этим эфиопское правительство активно взаимодействует с различными египетскими и суданскими должностными лицами, чтобы достичь взаимопонимания относительно намерений Эфиопии разумно использовать ресурсы реки [с. 162].

Что касается международного подхода, то, по мнению авторов, он реализуется через группу «Инициатива бассейна Нила» (ИБН, *Nile Basin Initiative*). Проекты ИБН призваны решать следующие задачи: поддерживать сотрудничество между организациями на региональном, субрегиональном и национальном уровнях, информировать общественность, содействовать участию заинтересованных сторон в обсуждении, укреплять взаимное доверие между странами бассейна для развития многосторонних партнерских отношений. Примером подобных проектов может служить программа «Эффективное использование воды для сельского хозяйства» (*Efficient Water Use For Agricultural Production*), созданная для обмена опытом в ирригации и в области хранения воды. Также все заинтересованные стороны могут отслеживать реализацию проектов на сайте ИБН.

В 2003 г. была учреждена организация «Дискурс бассейна Нила» (*Nile Basin Discourse*) под эгидой Канадского агентства международного развития (*Canadian* International *Development* Agency, CIDA). С точки зрения исследователей, деятельность данной организации также базируется на трех принципах УООН. Сайт ДБН предоставляет доступ к центру электронных ресурсов, где заинтересованные стороны могут получить отчеты и данные по этой проблематике. Под эгидой организации проходят форумы и встречи, которые содействуют диалогу и укреплению партнерских отношений.

В 2006 г. ИБН и ДБН подписали Меморандум о взаимопонимании[1] для облегчения взаимодействия и сотрудничества, обмена информацией и создания совместных проектов [с. 163].

Играя центральную роль в деятельности вышеуказанных институциональных структур, Эфиопия участвовала в выработке и принятии мер по управлению водными ресурсами Нила и их ис-

[1] Был продлен в 2010 г. – *Прим. реф.*

пользованию, что обеспечило поддержку ее позиции официальным Хартумом [с. 164].

Эфиопия обладает в три раза большим потенциалом развития гидроэнергетики, чем совокупные гидроэнергетические возможности Судана и Египта, что при правильном использовании может раз и навсегда изменить жизнь людей в субрегионе. В настоящее время в рамках ИБН изучается потенциальная возможность налаживания взаимовыгодной торговли электроэнергией между Эфиопией и Суданом.

Однако авторы призывают не забывать о конфликтогенных узлах взаимодействия Эфиопии и Судана в области гидрополитики. Одной из таких проблемных точек являются колониальные и постколониальные договоры Судана и Египта по вопросам нильского водопользования. Также не устранены противоречия между старыми и новым рамочными соглашениями. Ситуацию грозит осложнить несогласие Египта с утратой своего гегемонистского положения в бассейне Нила [с. 165]. Решение Каира использовать сохраняющиеся рычаги влияния на Хартум может, по мнению экспертов, привести к трем вариантам развития событий. Согласно первому сценарию, под давлением Каира правящий режим в Судане просто откажется от своей внешнеполитической ориентации на Эфиопию. В соответствии со вторым, официальный Хартум не пойдет на переориентацию внешней политики, и тогда Египет, пользуясь нестабильной внутриполитической ситуацией в Судане, будет способствовать смене режима в стране. И последним возможным сценарием видятся попытки Египта дестабилизировать ситуацию в самой Эфиопии, например используя повстанцев в районе эфиопо-суданской границы.

В заключение авторы обобщают выводы исследования. Они отмечают, что приверженность Египта концепции гидрогегемонии противопоставила ему Эфиопию, выступившую с публичным осуждением проегипетских колониальных договоров по использованию водных ресурсов Нила. Между тем в результате дипломатических усилий Аддис-Абебы Судан занял относительно умеренную позицию в отношении эфиопских инфраструктурных проектов на Ниле. Значимую роль в улучшении двухсторонних эфиопо-суданских отношений сыграли предыдущие проекты Эфиопии на Ниле, обеспечившие Судану устойчивый водосток и раскрывшие потен-

циал взаимовыгодной торговли гидроэнергией [с. 166]. Тем не менее необходимо проделать большую работу, с тем чтобы развить экономическую интеграцию между странами в сферах торговли гидроэнергией, прямых иностранных инвестиций и приграничной торговли. Исследователи отмечают, что все государства бассейна Нила должны придерживаться единой стратегии управления водными ресурсами и их использования. В данном контексте они полагают необходимым включить Египет в эту стратегию, что позволит реализовывать различные проекты более эффективно и в атмосфере взаимного доверия [с. 167].

Д.С. Себекин

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

2019.04.017. А.А. РАРЕНКО. ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ. (Обзор).
A.A. RARENKO. Features of the organisational culture of innovative enterprises. (Review). DOI: 10.31249/rsoc/2019.04.06

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организационной культуры инновационных предприятий, обусловленные специфическими личностными качествами занятых в них работников. Креативность и неординарность мышления, отличающие большинство сотрудников подобных компаний, находят отражение в определенных моделях поведения, что, в свою очередь, требует разработки принципиально новых схем управления персоналом.

Abstract. The article discusses the features of the organisational culture of innovative enterprises, related to the specific personal qualities of their employees. Creative and original thinking typical of the majority of employees of such companies is reflected in certain behaviour models, which, in turn, requires developing fundamentally new personnel management schemes.

Ключевые слова: организационная (корпоративная) культура; инновационные предприятия; система коммуникаций в организации; ценностные ориентации; материальные ценности; духовные ценности; функции организационной культуры; структура организационной культуры; носители организационной культуры.

Keywords: organisational (corporate) culture; innovative enterprises; system of communications in the organisation; value orientations; material values; spiritual values; functions of organisational culture; structure of organisational culture; carriers of organisational culture.

Инновационные предприятия представляют собой специфический тип организаций, в которых особое внимание уделяется таким качествам сотрудников, как креативность и неординарность мышления (и как следствие, поведения). В связи с этим при формировании организационной культуры подобных предприятий изначально должны учитываться личностные особенности персонала [Пугачев, 2019; Батоврина, 2019].

Среди множества сформулированных к настоящему времени типологий организационной культуры, наиболее популярна предложенная К. Камероном и Р. Куинном.

В ее основу положены четыре группы критериев, определяющих стержневые ценности организации: 1) гибкость и дискретность; 2) стабильность и контроль; 3) внутренний фокус и интеграция; 4) внешний фокус и дифференциация [Камерон, Куинн, 2001].

Рассмотрим каждую из представленных на схеме организационных культур более подробно. Клановая организационная культура характеризуется следующими особенностями. Это в первую очередь дружественная атмосфера в рабочем коллективе, собранном из людей, имеющих много общего. Организации (подразделения) подобного типа похожи на большие семьи, в которых лидеры, или руководители предприятий, воспринимаются в качестве воспитателей и даже родителей. При этом организацию скрепляет преданность сотрудников общему делу и сложившимся в кол-

лективе традициям. Исследователи отмечают высокий уровень ответственности в компаниях такого типа. Организация делает акцент на долгосрочной выгоде совершенствования личности, придает значение высокой степени сплоченности коллектива и моральному климату. Успех определяется в терминах благожелательного отношения к потребителям и заботы о людях. При этом типе организационной культуры компания поощряет бригадную работу, участие сотрудников в бизнесе и согласие.

Адхократическая организационная культура (от лат. *ad hoc* – «по случаю») представляет собой динамичную предпринимательскую и творческую среду. Ради общего успеха работники готовы на личные жертвы и даже личный риск. Лидеры считаются новаторами и людьми, способными на поступок. Связующей нитью организации становится преданность экспериментированию и новаторству. Подчеркивается необходимость работы на переднем рубеже. В долгосрочной перспективе организация делает акцент на росте и обретении новых ресурсов. Успех означает производство / предоставление уникальных и новых продуктов и / или услуг. Важно быть лидером на рынке продукции или услуг. Организация поощряет личную инициативу, творчество и свободу.

Иерархическая организационная культура, напротив, отличается высокой степенью формализации и структурированности. Часто ее называют бюрократическим типом организационной культуры. Тем, что делают люди, управляют процедуры. Лидеры таких компаний гордятся тем, что они рационально мыслящие координаторы и организаторы. Ценится поддержание бесперебойного функционирования организации; коллектив предприятия объединяют формальные правила и официальная политика. Управление работниками предполагает стремление к обеспечению их гарантированной занятостью в долгосрочной перспективе.

Четвертый тип организационной культуры, так называемая рыночная культура, доминирует в компаниях, ориентированных на результат. Во главу угла ставится успешное выполнение сформулированных задач, и, как следствие такой установки, люди, работающие в организациях указанного типа, целеустремлены и соперничают между собой. Лидеры – твердые руководители и суровые конкуренты, их неотъемлемые качества – непоколебимость и требовательность. Коллектив организации объединяет стремление по-

беждать, а репутация компании и успех составляют предмет общей заинтересованности. Стиль организации – жестко проводимая линия на поддержание конкурентоспособности.

Как следует из всего вышесказанного, все типы организационной культуры различными способами, но обеспечивают главную цель любой компании – сохраниться как бизнес и выдержать конкуренцию со стороны других фирм, работающих в том же сегменте.

Однако, как нам кажется, современные инновационные компании должны стремиться к созданию организационной культуры несколько иного типа, и этому есть определенные объяснения.

Большая часть работников, занятых в инновационной сфере, – это люди творчества, изначально ориентированные на социальную и профессиональную самореализацию. Им присущи специфические личностные характеристики, которые, в зависимости от обстоятельств, могут оказывать как конструктивное, так и деструктивное воздействие на профессиональную деятельность и инновационное поведение. В числе таких характеристик следует, прежде всего, указать следующие: 1) нежелание действовать по правилам; 2) ориентированность на новые впечатления; 3) спонтанность в поведении; 4) независимость суждений; 5) трудности в делах, требующих точности и пунктуальности; 6) восприятие окружающего мира с эстетической точки зрения; 7) энтузиазм, склонность к идеализации; 8) способность видеть в предметах и событиях то, что не замечают другие; 9) стремление действовать; 10) восприятие проблем как новых возможностей самореализации; 11) страстность в достижении результата и одержимость идеями и целями; 12) неприятие обыденности; 13) смелость в поступках и незаурядная воля; 14) умение концентрироваться на желаемой цели и пр.

Кроме того, по мнению некоторых исследователей [Батоврина, 2019], творческие личности, стремящиеся доводить начатую работу до совершенства, эмоционально переживающие любые неудачи, склонные начинать несколько дел одновременно, могут существенно снизить скорость и продуктивность деятельности организации. Более того, многие работники инновационных организаций отличаются также ярко выраженными потребностями в самореализации и свободе.

Таким образом, специалисты по управлению персоналом инновационных организаций должны изначально учитывать личност-

ные особенности своих сотрудников и делать все возможное, чтобы, не нарушая интересов и прав последних, мотивировать их на работу во благо развития конкурентоспособности компании. В настоящее время под мотивацией в самом общем виде принято понимать «сложный процесс детерминации поведения и мышления человека, его побуждения к определенному поведению и деятельности под воздействием внутриличностных и внешних факторов» [Егоршин, 2011].

Формирование базовых подходов к мотивации персонала инновационных организаций осуществляется под влиянием нескольких факторов: 1) рассмотрение персонала как ключевого ресурса предприятия и, как следствие, установка руководства на удовлетворение актуализированных потребностей работников и создание необходимых условий для удержания их в организации; 2) творческий и интеллектуальный характер труда работников, способствующий переосмыслению ими своей роли в организации, отношения к работодателю и труду; 3) субъективный механизм мотивации сотрудников.

Утверждая, что главным субъектом мотивации личности является сама личность, исследователи подчеркивают, что субъект мотивации, направляя мотивационные усилия на самого себя, тем самым осуществляет самомотивацию. Таким образом, можно утверждать, что самомотивация представляет собой сложный саморегулируемый процесс самопобуждения личности к определенной деятельности, в результате чего происходит формирование, развитие, а также активизация воли данной личности и ее целенаправленная активность по достижению желаемых результатов.

Процесс самомотивации предполагает рациональное, непредвзятое, адекватное осмысление и оценку человеком: 1) самого себя; 2) своих главных жизненных целей и ценностей и 3) возможностей их реализации. Самомотивация направлена на формирование у субъекта самомотивации уверенности в необходимости и возможности удовлетворения потребностей личности.

Говоря о самомотивации, следует детально рассмотреть такое понятие, как мотив, в управлении персоналом понимаемый как «внутреннее побуждение личности к определенному поведению, направленному на удовлетворение тех или иных потребностей» [Егоршин, 2011, с. 7–8], характеризующий «энергетическую и во-

левую стороны поведения» [Егоршин, 2011, с. 8], неразрывно связанный «с волей и эмоциями человека» [там же].

При самомотивации выбор мотивов поведения субъектом самомотивации происходит после анализа предстоящей деятельности. В том случае, если сформированные мотивы не оказываются в противоречии друг с другом, самомотивация формируется относительно быстро и просто. В отдельных случаях возможно проявление самодемотивации, т.е. отказа от реализации цели.

Согласно исследованиям современных психологов, основу самомотивации составляет не отдельный элемент мотивационной сферы личности, а мотивационные комплексы, иными словами, мотивы образуют некое единство, систему взаимосвязанных детерминант, которые в итоге и формируют мотивационное отношение личности. Именно мотивационное отношение личности обеспечивает выбор, планирование, осуществление, коррекцию и оценку действий человека. Большое значение для внутренней мотивации творческих и инновационных личностей имеет признание результатов их деятельности и заслуг.

Таким образом, поскольку особое значение для персонала инновационных организаций приобретает мотивация содержанием труда и выражением признания, важное место в субъективном механизме мотивации работников инновационных организаций занимают ожидания. Одно из самых распространенных ожиданий связано со справедливостью вознаграждения и его соответствием вкладу работника в дело организации.

Следствием этого является ориентация работодателей на разработку и внедрение оригинальных подходов к мотивации персонала: в погоне за талантами работодатели вынуждены экспериментировать, выбирая способы удовлетворения потребностей работников, выгодно отличающиеся от способов, используемых конкурентами.

Исследователи выделяют пять главных принципов, которыми должны руководствоваться работодатели при поощрении работников инновационных компаний: 1) платить в соответствии с результативностью работника; 2) при определении размеров оплаты руководствоваться критерием создания ценности; 3) платить столько, сколько человек мог бы получать в другой компании (рыночное равенство в оплате); 4) нарушать правила вознаграждения, чтобы

нанять нужного кандидата; 5) использовать практики вовлечения работников в работу в командах [Егоршин, 2011; Пугачев, 2019].

Таким образом, вышеперечисленные особенности личностей творческих работников и методов управления ими должны учитываться при формулировке основных положений организационной культуры инновационных компаний. Конкретные приемы, способы, средства воздействия на мотивацию работников инновационной сферы с целью сформировать организационную культуру, по определению М.Н. Безлепкина как «разновидность социальной инновации, представляющей собой социальную технологию управляемого развития социума на основе мотивирования, стимулирования и проектирования деятельности персонала предприятия, направленную на совершенствование форм организационного поведения и создания необходимых условий для проявления человеком креативных способностей в изменяющейся социальной среде» [Безлепкин, 2008, с. 12], разрабатываются с учетом конкретной задачи, стоящей перед коллективом инновационной компании.

Список литературы

Батоврина Е.В. Управление персоналом инновационных организаций. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2019. – 134 с.

Безлепкин М.Н. Влияние организационной культуры на инновационную активность персонала: Автореферат дис. ... канд. социол. наук. – СПб: С.-Петерб. гос. инженер.-эконом. ун-т, 2008. – 20 с.

Егоршин А.П. Мотивация трудовой деятельности: Учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 378 с.

Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. – СПб: Питер, 2001. – 320 с.

Пугачев В.П. Управление персоналом организации. – М.: Юрайт, 2019. – 402 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

2019.04.018. А.М. ПОНАМАРЕВА. ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИИ «РАЗДЕЛЕННЫЕ ОБЩЕСТВА В РАЗДЕЛЕННОМ МИРЕ: ЦЕННОСТИ, ИДЕНТИЧНОСТИ, ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО» (V МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ЭКСПЕРТНЫЙ ФОРУМ «“ПРИМАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ”: ВОЗВРАЩЕНИЕ К КОНФРОНТАЦИИ: ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВЫ?», 10–11 ИЮНЯ 2019 г.). (Отчет).

Ключевые слова: разделенные общества; постиндустриальное общество; стабильность; конфликт; ценности; трайбализм.

10–11 июня 2019 г., в год 90-летия со дня рождения Е.М. Примакова, в Москве прошел V Международный научно-экспертный форум «Примаковские чтения», главная тема которого была сформулирована следующим образом: «Возвращение к конфронтации: есть ли альтернативы?». Показательно, что в обсуждении кризиса существующей модели глобализации и угроз международной безопасности нашлось место не только вопросам стратегической стабильности и контроля над вооружениями, но также дискуссии о фрагментированности современных обществ, размышлениям о том, как несовпадение пространств территориальности и принадлежности подрывает устои классического государства-нации.

Седьмая сессия «Примаковских чтений – 2019» была названа «Разделенные общества в разделенном мире: Ценности, идентичности, образы будущего». Модератором данного заседания выступила член-корреспондент РАН, д-р полит. наук И.С. Семененко (заместитель директора по научной работе, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН). Констатировав появление новых линий размежевания, она подчеркнула принципиальную значимость того факта, что наблюдаемые трансформации происхо-

дят в постиндустриальном взаимозависимом обществе. В данном контексте представляется уместным вспомнить заключение Д. Белла о том, что постиндустриальное общество – это не проекция и не экстраполяция уже существующих в западном мире тенденций развития, а новый принцип социально-технической организации жизни. В изменившихся правилах игры доступ к информации становится не только ключевым условием и двигателем прогресса, но также критерием определения успешности индивида или социальной группы. Возникает феномен цифрового неравенства, проявляющийся как на внутригосударственном, так и на международном уровнях. Основное размежевание происходит между полноценными участниками глобальных процессов и акторами, которые по тем или иным объективным причинам (или по собственной воле) исключены из них. Другая линия разделения – это растущее отчуждение между элитами и обычными гражданами. Негативные последствия кризиса идентичности разделенных обществ очевидны: социальный климат становится «разреженным», нарастают чувства тревоги, страха, взаимного недоверия. Понятие «общество риска» уже не воспринимается как метафора. Однако, отмечает И.С. Семененко, тот же кризис способен стать стимулом для пересмотра неадекватных вызовам сегодняшнего дня параметров социального договора и определения новой парадигмы развития.

Д-р полит. наук, профессор О.В. Гаман-Голутвина (заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России) подчеркнула комплексный характер современных угроз безопасности, обратив особое внимание на постоянное увеличение антропогенной нагрузки на окружающую среду. Современные технологии – искусственный интеллект, киберфизические системы, роботизация – трансформировали характер целе- и смыслополагания индивида. Мы наблюдаем, как фокус глобальной конкуренции смещается в сторону конкуренции моделей управления, что создает необходимость выработки новых технологий формирования субъекта управления.

Докладчик также констатировала рост числа конфликтов, обусловленных столкновением различных систем ценностей. По ее мнению, управление этими конфликтами требует сознательного поиска некой «точки согласия», «категорического императива». В качестве такового была предложена ценность «развития с нену-

левой суммой», когда выигрыш одних не оплачен проигрышем других. Однако для реализации этой концепции требуется воспринять философию «общего дела», преодолев конфликт между идеалами прогресса и узкогрупповыми политико-экономическими интересами.

О том, что культура призвана консолидировать народы, а не разделять их, заявил директор Института политологии Китайской академии общественных наук (КАОН) Чжан Шухуа. Вспомнив личное знакомство с Е.М. Примаковым, он отметил, что последний всегда выступал за сотрудничество, в то время как нынешние западные лидеры нацелены на разрыв соглашений, которые достигались не один день многолетними коллективными усилиями. Спикер подчеркнул важность преемственности, что вполне соответствует китайскому культурному коду «избегания крайностей и расхождения». КНР готова идти вперед, не отказываясь от положительных достижений прошлого, в частности признания Компартии Китая гарантом политической стабильности. Представленная в англосаксонских теориях модернизации концепция, помещающая не-Запад в самом низу некого воображаемого «эскалатора», движущегося вверх по направлению к Западу, неприемлема для Пекина. КНР никогда не пойдет на копирование западной модели.

Комментируя выступление предыдущего докладчика, д-р ист. наук, профессор РАН А.В. Ломанов (заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН) обратил внимание аудитории на важность совпадения трактовок, казалось бы, универсальных понятий. «Мир», «развитие», «справедливость», «равенство», «демократия», «свобода» по-разному интерпретируются в КНР и на Западе. В 2007 г. вокруг этой темы в Китае разгорелась серьезная общественная дискуссия, результатом которой стал вывод о неприемлемости западных интерпретаций для Пекина. Выступая против дискурсивной гегемонии Запада, китайские эксперты пришли к разграничению вредных «универсальных» и полезных «общественных» ценностей: если первые навязываются «сверху» и «извне», то вторые проистекают «снизу» и «изнутри». Солидаризируясь с китайскими коллегами в плане неприятия тезиса о превосходстве *the West* над *the Rest*, А.В. Ломанов призвал при обсуждении проблематики международной безопасности обращать самое серьезное внимание на содержание незападного дискурса.

Хуберт Зайпель, немецкий публицист и кинодокументалист, осветил в своем выступлении парадоксы глобализации, в частности ренессанс национализма и традиционных групповых форм солидарности. Он подчеркнул, что глобализация всегда локальна, ее преимущества не всем доступны, и это имманентно присущая ей особенность. «Все люди равны, но не все они для нас одинаково важны – вот та реальность, в которой мы живем», – резюмировал докладчик.

Член-корреспондент РАН, д-р полит. наук А.А. Громыко (директор Института Европы РАН) отметил, что в последние десять лет тема разделенных обществ вошла в список приоритетных. Если до распада СССР обсуждали преимущественно три «мира»: просоветский Восток, американский Запад и некий отсталый третий мир, сегодня мы наблюдаем «множество миров», описать которые бессильны бинарные оппозиции. Растет социальное неравенство, возрождается классовая иерархия. Конфликтов, спровоцированных разделением внутри конфессий, а не столкновением между различными религиями, становится все больше. Это находит отражение в оживлении партийной жизни и выходе популистов на авансцену электоральной борьбы. При сохранении государства-нации в качестве одного из важнейших акторов международных отношений увеличивается влияние ТНК. По мнению А.А. Громыко, усиление соревновательности в мировой политике в целом может пойти всем на пользу, однако в среднесрочной перспективе проблема социального неравенства станет серьезным вызовом для общественности.

Санджой Джоши, председатель индийского исследовательского центра *Observer Research Foundation (ORF)*, заявил, что основная угроза международной стабильности исходит от либерализованных западных обществ, а не от России или Китая. Вместо «конца мира» по Ф. Фукуяме мы стали свидетелями краха евроатлантического консенсуса. Маркерами современного коллапса докладчик назвал события 11 сентября в США, кризис 2008 г., а также «политику конфликта», проводимую Д. Трампом. «Мы видим сегодня даже не подъем национализма, а подъем трайбализма – лояльности своему племени (партии, общности и пр.)», – подвел итог С. Джоши. Трайбализму, по его мнению, способствуют как развитие технологий, так и социальная сегрегация.

Обозначив основные болевые точки происходящего переформатирования мира, сопровождающегося углублением существующих линий разделения и появлением новых, участники заседания отметили, что следующими важными задачами для международного экспертного сообщества должны стать разработка решений, которые позволят продвинуться к новому социальному контракту, и поиск оптимальной институциональной рамки политической жизни в разделенных обществах.

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

2019.04.019. РЭДКЛИФФ-БРАУН А.Р. АФРИКАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ: ПРЕДИСЛОВИЕ. (Перевод с англ.)
RADCLIFFE-BROWN A.R. Preface // Fortes M., Evans-Pritchard E.E. African political systems. – L.: Oxford univ. press, 1940. – P. XI–XXIII.

Ключевые слова: естественная наука об обществе; сравнительный метод; политические системы; социальный порядок; принуждение; право; санкции; политическое сообщество; конфликт; война; должность; территориальные группы; политическое неравенство; государство.

Tunc et amicitiam coeperunt jungere habentes
Finitima inter se, nec laedere, nec violare.
Non tamen omnimodis poterat concordia gigni;
Sed bona, magnaque pars servabant foedera casti:
Aut genus humanum jam tum foret omne peremptum,
Nec potuisset adhuc perducere saecla propago.
[Там и соседи сводить стали дружбу, желая взаимно
Ближним не делать вреда и самим не терпеть от насилья.
Правда, достигнуть нельзя было всюду согласья, но все же
Добрая часть людей договоры блюла нерушимо.
Иначе весь род человеческий уж тогда бы пресекся,
И не могли бы досель поколенья его размножаться.]
Lucretius[1]

Сравнительное изучение политических институтов на материале более простых обществ – важный раздел социальной антро-

[1] Лукреций. О природе вещей. Книга пятая, ст. 1018–1019, 1023–1026. Приводится в пер. Ф.А. Петровского по изданию: Античная литература. Рим. Антология. – М.: Высшая школа, 1988. – С. 192. – *Прим. пер.*

пологии, не получивший до сих пор того внимания, которого он заслуживает. Выход в свет этой книги дает возможность коротко определить суть данной области исследования, как мы с редакторами этого издания ее понимаем.

Задачей социальной антропологии как естественной науки о человеческом обществе является систематическое исследование природы социальных институтов. Метод естественной науки всегда базируется на сравнении наблюдаемых феноменов, и цель такого сравнения состоит в том, чтобы путем тщательного анализа различий выявить скрывающиеся за ними единообразия. В применении к человеческим обществам сравнительный метод, используемый как инструмент индуктивного умозаключения, позволит нам открыть универсальные, существенные свойства, присущие всем человеческим обществам в прошлом, настоящем и будущем. Прогрессивное продвижение к такого рода знанию должно быть целью для всех, кто верит, что истинная наука о человеческом обществе возможна и желанна.

Но мы не можем надеяться перейти сразу от эмпирических наблюдений к знанию общих социологических законов или принципов. Попытку следовать этому внешне простому методу еще Бэкон справедливо отверг как процедуру, ведущую лишь к ложной видимости знания[1]. Первым делом надо привести в порядок несметное многообразие форм человеческого общества с помощью какой-нибудь классификации. Сравнивая общества друг с другом, мы должны выделить и определить разные его типы. Так, австралийские аборигены делились на несколько сотен отдельных племен, у каждого из которых были собственные язык, организация, обычаи и верования; однако анализ достаточно большой их выборки показывает, что за специфическими различиями кроются такие общие сходства, что можно установить и описать в общих терминах австралийский тип[2]. Этот тип будет, конечно, абстракцией, как является абстракцией «плотоядное животное» или «копытное животное», но при этом абстракцией, которая очень недалеко отстоит от конкретной реальности. Когда некоторое множество таких типов

[1] Bacon F. Novum Organum. – N.Y.: P.F. Collier & son, 1902. – P. 82–83 (bk. 1, civ).

[2] Radcliffe-Brown A.R. The social organization of Australian tribes. – Melbourne: Macmillan & co., 1931. – (The «Oceania» monographs; N 1).

адекватно определено, их можно, в свою очередь, сравнить друг с другом и тем самым сделать еще один шаг в абстрагировании. Благодаря такому процессу, требующему, разумеется, многолетнего труда многих ученых, мы можем получить классификации и абстрактные понятия, определенные более четко и точнее представляющие эмпирическую реальность, нежели понятия, передаваемые такими выражениями, как «примитивное общество», «феодальное общество», «капиталистическое общество», которые постоянно фигурируют в нынешней литературе.

Пытаясь классифицировать человеческие общества, мы сталкиваемся с трудностями, которых нет в других науках, таких как зоология или химия. Два общества или два типа могут быть похожи друг на друга в одном аспекте целостной социальной системы, но отличаться в другом. Поэтому общества необходимо сравнивать с точки зрения какого-то особого аспекта или части целостной социальной системы, например с точки зрения экономической системы, политической системы или системы родства. Так, в настоящем томе представлены материалы для сравнения ряда африканских обществ только с точки зрения их политической организации.

Это, разумеется, требует иного рода абстрагирования. Ведь в любой социальной системе политические институты, экономические институты, организация родства и ритуальная жизнь тесно связаны и взаимозависимы. В науке существуют правильные и неправильные способы абстрагирования; правильные полезны, поскольку приносят нам важные прибавления к нашим познаниям; неправильные же не только не приносят пользы, но и иногда нам мешают. Если мы хотим изучить политические институты отдельно от других черт социальных систем, то нам необходимо позаботиться и так определить «политическое», чтобы это определение вычленяло некий класс феноменов, которые можно было бы с пользой для дела сделать предметом отдельного теоретического истолкования.

Успешное применение сравнительного метода зависит не только от количества и качества фактического материала, которым мы располагаем, но и от аппарата понятий и гипотез, направляющих наши изыскания. Главное в науке – не в том, чтобы найти ответы на однажды поставленные вопросы, а в том, чтобы найти, какие вопросы надо поставить. В естественной науке об обществе

сравнительный метод занимает место экспериментального метода, применяемого в других науках, и то, что Клод Бернар говорил о последнем, одинаково истинно и для первого. «Экспериментальный метод не может дать новых и плодотворных идей людям, у которых их нет; он может лишь помочь сориентировать идеи, которые у них уже есть, придать им направленность и развить их так, чтобы были получены наилучшие возможные результаты. Как на почве взойдет лишь то, что в нее посеяли, так и экспериментальный метод не даст ничего, кроме развития идей, отданных ему в подчинение. Сам по себе метод ничего не рождает. Некоторые философы ошибались, приписывая методу слишком много могущества».

Фактический материал для сравнительного исследования политических институтов более простых обществ, которым мы располагаем, ущербен как с точки зрения количества, так и с точки зрения качества. Будем надеяться, что публикация очерков, включенных в эту книгу, побудит других антропологов дать нам аналогичные описательные исследования. Качество дескриптивных данных, их ценность для сравнительного исследования во многом зависят от того, как наблюдатель понимает теоретические проблемы, для решения которых релевантны собираемые им данные. В науке наблюдение и отбор того, что нужно документально регистрировать, нуждаются в руководстве со стороны теории. Изучая более простые общества, антрополог обнаруживает, что понятия и теории политических философов или экономистов непригодны для применения или недостаточны. Они создавались в отношении обществ ограниченного множества типов. Вместо них социальному антропологу приходится самому создавать теории и понятия, универсально применимые ко всем человеческим обществам, и, руководствуясь ими, проводить свою работу – наблюдение и сравнение.

В некоторых регионах Африки легко определимо то, что можно назвать «политическим обществом». Так обстоит дело с нгвато, бемба и анколе, где мы находим племя или королевство, во главе которого стоит вождь или король. Проблему, с которой приходится сталкиваться в других регионах, прекрасно иллюстрирует очерк д-ра Вагнера, где идет речь о племенах банту Кавирондо[1].

[1] См.: Wagner G. The political organization of the Bantu of Kavirondo // African political systems / ed. by M. Fortes, E.E. Evans-Pritchard. – L.: Oxford univ. press, 1940. – P. 199 ff.

Примерно такие же трудности возникают в связи с талленси и нуэрами, описанными в этой книге, а также многими другими обществами в разных районах мира. Несомненно, можно было бы найти такое определение слова «государство», при котором мы могли бы сказать, что некоторые африканские общества, например анколе или бемба, являются государствами, тогда как другие – безгосударственными обществами. Но это не поможет нам решить наши проблемы.

Каждое человеческое общество имеет некоторую территориальную структуру. Мы можем найти четко ограниченные локальные сообщества, самые маленькие из которых соединяются в более крупное общество, являясь его сегментами. Эта территориальная структура дает структурный каркас не только для политической организации, какого бы рода она ни была, но и для других форм социальной организации, таких, например, как экономическая. В самой по себе системе локальной агрегации и сегрегации нет ничего специфически политического; она является базисом всей социальной жизни. Всякие попытки провести, как это делали Мэн и Морган, различие между обществами, основанными на родстве (или, точнее сказать, на линидже), и обществами, основанными на общности занимаемой территории или местности, и считать первые более «примитивными», чем вторые, ведут только к путанице.

При изучении политической организации нам приходится иметь дело с сохранением или установлением социального порядка в пределах некоторой территории путем организованного осуществления принуждения с помощью действительного или возможного применения физической силы. В хорошо организованных государствах инструментами, с помощью которых осуществляется это принуждение, являются полиция и армия. Внутри государства социальный порядок, каким бы он ни был, поддерживается наказанием тех, кто нарушает законы, и вооруженным подавлением мятежей. Во внешнем плане государство постоянно пребывает в готовности применить вооруженную силу против других государств – либо с целью сохранения существующего порядка, либо с целью создания нового.

Следовательно, занимаясь политическими системами, мы имеем дело, с одной стороны, с правом и, с другой стороны, с войной. Однако есть и такие институты, как, например, регламентиро-

ванная месть, которые оказываются между этими двумя полюсами. Давайте сначала рассмотрим право, а в рамках права – механизм репрессивного правосудия. Внутри локально очерченного сообщества индивид может совершить какое-то действие или принять какой-то способ поведения, конституирующие своего рода посягательство на само сообщество в целом, или преступление против него, и тогда виновное в этом лицо могут предать смерти, исключить из сообщества или иначе заставить страдать. В простых обществах действиями, таким образом подавляемыми и, следовательно, являющимися для них преступлениями или общественными правонарушениями, чаще всего бывают разные формы святотатства, инцест (сам обычно понимаемый как разновидность святотатства), колдовство (в смысле применения вредоносной магии против членов своего сообщества) и иногда преступная распущенность, т.е. привычное несоблюдение обычаев сообщества.

Д-р Вагнер в очерке о банту Кавирондо описывает, как нарушителей могут изгонять из группы или предавать смерти (последнее описывается как линчевание), и говорит: «Такое групповое действие перед лицом нависшей опасности, предпринимаемое спонтанно, т.е. без слушания дела и часто под влиянием сиюминутных настроений, явно представляет собой нечто иное, нежели институционализированное в племенном обществе отправление правосудия признанными судебными властями»[1]. Между тем представляется вполне вероятным, что если бы мы подвергли такие действия внимательному наблюдению, то обнаружилось бы, что ими руководят лидеры, обладающие в какой-то мере признанным авторитетом. В таких случаях, как *кинголе* у камба и кикуйю и *инджогет* у кипсигис и нанди, где предавались смерти или иным образом наказывались индивиды, совершившие преступления против сообщества, осуществление правосудия было упорядоченной процедурой, протекавшей под руководством авторитетных мужчин[2].

[1] Wagner G. Op. cit. – P. 219.

[2] Lindblom G. The Akamba in British East Africa: An ethnological monograph. – Uppsala: Appelbergs, 1920. – P. 176–180. – (Archives d'études orientales; vol. 17); Dundas C. History of Kitui // J. of the Royal anthropological institute. – L., 1913. – Vol. 43. – P. 514; Peristiany J.G. Social institutions of the Kipsigis. – L.: G. Routledge & sons, 1939. – P. 5, 192; Hollis A.C. The Nandi: Their language and folk-lore. – Oxford: Clarendon press, 1909. – P. 75–76.

На мой взгляд, в подобных коллективных действиях, о которых можно сказать, что суд в них вершит именно сообщество и что именно оно назначает наказание, мы можем увидеть зачаточную форму уголовного права. То, что из нередко очевидного факта преступления часто не следует никакого судебного разбирательства, хорошо известно всему сообществу. Иначе родственники и друзья обвиняемого выступили бы в его защиту, и процедура оказалась бы заблокирована. Если возникают какие-то сомнения, в Африке могут прибегать к тем или иным формам испытания или клятвы. Поэтому, на мой взгляд, было бы серьезной ошибкой принять точку зрения д-ра Вагнера и рассматривать такого рода действия как по сути то же самое, что и акции возмездия лица, ущемленного в своих правах, против лица, ответственного за это ущемление. Наказательное действие следует рассматривать как прямое выражение общественного чувства.

В малых сообществах потребность в наказательных санкциях может быть невелика или даже вовсе отсутствовать. Хорошее поведение может быть в значительной степени результатом привычки, обусловливания индивида его ранним воспитанием. К тому же есть два других вида санкций. Во-первых, санкция морального принуждения, отличная от физического принуждения: индивид, который совершил проступок, подвергается открытому выражению осуждения или осмеяния со стороны сородичей и тем самым пристыжается. Здесь вступает в действие прямое выражение общественного чувства. Когда некое лицо, чье поведение неудовлетворительно, так или иначе подвергается бойкоту, мы имеем состояние дел, занимающее промежуточное положение между моральными и сатирическими санкциями и наказательными санкциями в собственном смысле слова.

Во-вторых, есть различные виды ритуальных, или сверхъестественных, санкций. Самую прямолинейную из них устанавливает беспрекословная вера в то, что некоторые действия навлекают на лицо, повинное в них, несчастья и беды. Для нас как христиан ожидаемой бедой являются вечные истязания в геенне огненной; для африканца это чаще всего болезнь или смерть. В каждом конкретном случае способ поведения, расцениваемый как несоблюдение ритуальных обязательств, может также либо подпадать, либо не подпадать под моральную санкцию; он может быть как предо-

судительным, так и просто глупым; в первом случае это грех, во втором – неудачный поступок или отсутствие поступка. Иными словами, в случае греха присутствует моральная санкция осуждения, добавляемая к вере в то, что грех принесет согрешившему несчастье.

Когда человек совершил ритуальное преступление, его собственная озабоченность случившимся (если это вопрос неудачи) или сочетание ее с общественным чувством (если это вопрос греха) будут побуждать его выполнить ритуальный акт искупления или очищения, посредством которого последствия совершенного проступка, как считается, могут быть устранены. В некоторых обществах грешник должен совершить покаяние, которое может расцениваться как навлеченная им на самого себя кара.

Однако в некоторых случаях люди могут считать, что последствия греха падут не только на грешника, но и на все сообщество, что все сообщество оскверняется его прегрешением; и в качестве коллективного акта искупления виновника могут предать смерти или изгнать из сообщества. Здесь мы вновь возвращаемся к наказательной санкции. Так, у ашанти такие преступления, как инцест, убийство или святотатство, являются грехами – т.е. считаются преступлениями против богов, – которые приносят несчастья всей стране, а потому преступник должен быть предан смерти, дабы этой беды можно было избежать.

Виды верований, лежащие в основе ритуальных, или сверхъестественных, санкций, могут также обеспечивать основу для того, что можно назвать косвенными наказательными санкциями. Так, в некоторых африканских племенах мы находим регулярную практику проклятий в адрес правонарушителей. Человек, совершивший злодеяние, – неважно, знают, кто это, или нет – может быть официально проклят старейшинами или лицами, облеченными авторитетом и властью для этого действия. Обычно проклятие сопровождается каким-то ритуальным или магическим актом, посредством которого оно вступает в силу. Считается, что виновный заболеет и умрет, если проклятие с него не снимут[1]. Во многих африканских обществах человека, обвиняемого или подозреваемого в колдовстве

[1] См., напр.: Peristiany J.G. The social institutions of the Kipsigis. – L.: G. Routledge & sons, 1939. – P. 87–88, 188, 192.

или в каком-то ином прегрешении, могут опять же заставить дать клятву или пройти испытание; считается, что если он виновен, то непременно заболеет и умрет.

Итак, рудименты того, что в более сложных обществах становится организованным институтом уголовного правосудия, следует искать в этих признанных процедурах, посредством которых группой членов сообщества или от их имени предпринимается – непосредственно или через обращение к ритуальным или сверхъестественным средствам – действие, состоящее в наложении наказания на преступника или в исключении его из сообщества. В африканских обществах принятие решения о применении наказательной санкции может возлагаться на людей вообще, на старейшин (например, в геронтократии), на ограниченное число судей или лидеров или единолично на вождя или короля.

Есть и другая сторона права, в которой нас интересуют конфликты между лицами или группами – или ущербы, причиняемые одним лицом или группой другому лицу или группе, – а также действие, предпринимаемое сообществом или от имени сообщества, призванное разрешить конфликт или обеспечить возмещение причиненного ущерба. В этой области права мы также находим в некоторых более простых обществах некий минимум организации; действенной силой, которая контролирует или ограничивает конфликт либо заставляет нарушителя предоставить компенсацию тому лицу, которому причинен ущерб, является просто общественное мнение, или, как, вероятно, лучше было бы его назвать, общественное чувство. Лицо, которому по вине другого причинено зло или нанесен ущерб и которое не может никак иначе получить его возмещение, может предпринять силовое действие. Если общественное чувство на его стороне, то конфликт может быть разрешен так, что это признается справедливым и тем самым удовлетворяет сообщество. Часто существует какая-нибудь конвенционально признанная процедурная форма, с помощью которой потерпевшее лицо может попытаться привлечь общественное чувство на свою сторону. Уже самого по себе знания того, что такое действие самовосстановления возможно, часто бывает достаточно для того, чтобы сдержать тех, кто в противном случае мог бы совершить вредные поступки, или заставить их предоставить компенсацию, когда такие поступки уже совершены. Общественное чувство может быть достаточно силь-

ным, чтобы принудить участников конфликта разрешить спор путем переговоров – либо напрямую, либо прибегнув к помощи посредника.

В некоторых обществах шаг вперед в установлении судебной системы совершается путем признания за некоторыми лицами особых полномочий, позволяющих им действовать в качестве арбитров, т.е. выносить суждение о правых и неправых в споре, переданном им на рассмотрение, и предлагать его решение, хотя у них нет полномочий применять физическое принуждение для проведения этого суждения в жизнь. Авторитет судьи или судей может мыслиться по-разному. Он или они могут восприниматься как представители сообщества, чьими устами говорит общественное чувство, как лица, мудрость которых позволяет улаживать спорные дела, как лица, обладающие особым знанием правильного обычая, как лица, обладающие качествами, которые можно назвать «религиозными», т.е. схожими с теми, которыми обладают жрец или знахарь, и даже как лица, вдохновленные свыше. Таким образом, суд, если можно так его назвать, даже где он не может принудить к чему-то силой, всегда обладает авторитетом.

В случае спорных прав иногда возможно обращение к ритуальным, или сверхъестественным санкциям. Если показания свидетелей противоречивы настолько, что судья или судьи находят невозможным вынести какое-либо решение, они могут прибегнуть к помощи испытания или клятвы. Если кто-то откажется подчиниться решению суда, они могут принудить его сделать это посредством проклятия или угрозы проклятия.

В окончательно развившемся гражданском суде судья уполномочен приводить в силу вынесенное им суждение, пользуясь той или иной формой наказательной санкции. Такие полномочия имеет, например, вождь в племени нгвато.

Пытаясь определить политическую структуру в простом обществе, мы должны искать территориальную общность, объединяемую властью закона. Имеется в виду сообщество, на всем протяжении которого общественное чувство заботится либо о применении прямых или косвенных наказательных санкций к любому из членов, совершившему определенные нарушения, либо о разрешении споров и обеспечении справедливого возмещения ущербов внутри этого сообщества. Так, в отношении нуэр д-р Эванс-Притчард указал, что одним из критериев, по которым опре-

деляется политическая единица – а именно племя, – является то, что это самая широкая общность, считающая, что споры между ее членами должны разрешаться в судебном порядке.

Вместе с тем мы вынуждены признать, что в некоторых обществах такое политическое сообщество неопределимо. Например, у австралийских аборигенов независимой, автономной, или, если хотите, суверенной группой является локальная орда, или клан, который редко включает более сотни членов, а часто всего-то около тридцати. В пределах этой группы порядок поддерживается авторитетом старших мужчин. Однако для отправления религиозных обрядов несколько таких орд собираются вместе в одном лагере. В сообществе, собранном таким образом, имеется своеобразный признанный механизм обращения с ущербами, причиненными одним лицом или группой другому лицу или группе. Приведем пример: если у мужчины похищена жена, а похититель, принадлежащий к другой орде, присутствует в сборном лагере, то понесший ущерб мужчина ставит всех в известность о совершенном им неблаговидном поступке, признанным, должным образом поднимая шум. Общественное чувство всего собрания, к которому вопиет эта жалоба, может заставить нарушителя подчиниться тому, что оскорбленный муж бросит ему в бедро копье.

Надобно заметить, что такие сборища, организуемые для религиозных или церемониальных целей, состоят в разных случаях из разных наборов орд. Каждое сборище образует на какое-то время политическое сообщество. Если между какими-то двумя из образующих его орд имеет место распря, то либо она должна разрешиться миром, либо должна быть приостановлена на время собрания с тем, чтобы потом разгореться снова. Таким образом, в разных случаях орда временно принадлежит к разным более крупным временным политическим группам. Но при этом нет определенной постоянной группы, о которой можно было бы сказать, что орда является ее частью. Аналогичное положение дел обнаруживается и в некоторых районах Африки – например, у талленси[1].

[1] См.: Wagner G. The political organization of the Bantu of Kavirondo // African political systems / ed. by M. Fortes, E.E. Evans-Pritchard. – L.: Oxford univ. press, 1940. – P. 239 ff. Там, где существует подобная политическая структура, колониальные администраторы, как правило, либо ее игнорируют, либо совершенно ее не понимают.

Нам известно крайне мало человеческих обществ, в которых не присутствовала бы в той или иной форме война, и по крайней мере добрая половина истории политического развития является так или иначе историей войн. Сравнительного изучения войны как социального института никто пока даже не начинал. Из всех многочисленных разновидностей войн, которые можно выделить, в Африке (как, впрочем, и в Европе) наиболее важны были те, которые можно назвать завоевательными. Когда такая война оказывается успешной, она ставит один народ как завоевателя над другим, и последний инкорпорируется в более крупное политическое сообщество, попадая иногда при этом в низшее положение подданного народа.

Вместе с тем институт войны может принимать и иную форму, когда два сообщества связаны постоянным взаимоотношением, при котором война всегда возможна и время от времени действительно происходит, хотя ни одно из них не стремится покорить другое и включить его в качестве покоренного народа в более широкое политическое единство. В политической системе, для которой истинно это положение, наличие или возможность войны дают нам удобнейшее средство для определения политической структуры.

Крайне трудно, однако, провести четкую границу, применимую ко всем обществам, между войной и междоусобицей. В одном обществе (например в некоторых частях Австралии) могут признаваться разные виды вооруженного конфликта: от дуэлей между двумя группами, назначаемых в условленное время в условленном месте, когда каждая сторона по возможности избегает убийства кого-либо из врагов, пытаясь наносить несмертельные ранения, до «войн с целью покончить с войной», случающихся относительно нечасто и приводящих к гибели многих людей.

Есть разновидность междоусобицы, важность которой нужно сознавать всякий раз, когда мы пытаемся определить политическую структуру в простых обществах, а именно: институт регламентированного возмездия за убийство. Там, где существует этот институт, в случае убийства человека его родственники или члены его клана или группы по обычаю имеют право – а в некоторых обществах даже обязаны – отнять жизнь либо у его убийцы, либо у кого-то из членов его клана или группы. Общественное чувство оценивает такую месть как справедливую и правильную, пока со-

блюдается правило талиона, т.е. пока причиняемый ущерб эквивалентен понесенному ущербу, но не превышает его.

Междоусобные распри, или коллективные действия, заключающие в себе применение силы или угрозу ее применения, относящиеся к тому типу, который иллюстрируется этим примером, нельзя считать тождественными войне. Эти действия ограничиваются получением возмещения за конкретный ущерб и контролируются общественным чувством сообщества, в котором они происходят. С другой стороны, хотя в таких действиях и заключена идея правосудия, они не могут в полном смысле рассматриваться как попадающие в сферу права.

Таким образом, в простых обществах политическую структуру в одном из ее аспектов, а именно как группирование индивидов в некоторых территориальных границах, предполагающее, разумеется, отделение группы от группы в рамках системы в целом, следует описывать в терминах войны, междоусобицы и осуществления признанного авторитета в решении споров, нахождении средств исправления причиняемых ущербов и подавлении тех действий, которые считаются наносящими ущерб не отдельным индивидам, а сообществу в целом.

У некоторых авторов, пишущих о сравнительной политике, проявляется склонность сосредоточивать слишком много внимания на том, что именуется «суверенным государством». Но государства – всего лишь территориальные группы, существующие в рамках более широкой политической системы, в которой отношения между ними определяются войной или ее возможностью, договорами и международным правом. Политическая система суверенных наций, связанных друг с другом международными отношениями, такая, как существующая, например, в настоящее время в Европе, – всего лишь один из типов политической системы. Политическая теория и политическая практика (в том числе управление колониями) часто страдали от того, что этот тип системы осознанно или неосознанно полагался в качестве нормы.

Есть и второй аспект политической структуры. Социальная структура любого общества включает некоторую дифференциацию социальных ролей и их распределение между лицами и между классами лиц. Роль индивида – это та роль, которую он играет в целостной социальной жизни: экономической, политической, рели-

гиозной и т.д. В простейших обществах есть лишь очень важная дифференциация по полу и возрасту и неинституционализированное признание лидерства в ритуале, охоте, рыбной ловле, военных действиях и т.д., к которым мы можем также добавить обособление старейшей в мире профессии, а именно профессии знахаря. Переходя от более простых обществ к более сложным, мы находим возрастающую дифференциацию индивида от индивида и обычно некоторое более или менее определенное разделение сообщества на классы.

С развитием политической организации возрастает дифференциация, в силу которой некоторые лица – вожди, короли, судьи, военачальники и т.д. – обретают особые роли в социальной жизни. Каждое такое лицо, так сказать, обладает должностью или занимает должность (office): административную, судебную, законодательную, военную или иную. Тот, кто обладает в этом смысле должностью, наделен авторитетом, и к каждой должности приложены определенные обязанности, а также определенные права и привилегии.

В Африке политическую службу (office) часто почти невозможно, даже в мыслях, отделить от ритуальной или религиозной. Так, можно сказать, что в некоторых африканских обществах король является главой исполнительной власти, законодателем, верховным судьей, верховным главнокомандующим, главным жрецом или высшим ритуальным руководителем и даже, возможно, главным капиталистом всего сообщества. Но было бы ошибкой думать, будто он совмещает в своем лице несколько отдельных и отличных друг от друга должностей. Есть одна должность: должность короля. Множество присущих ей обязанностей и деятельностей, прав, прерогатив и привилегий образует единое целое.

Наряду с развитием политической службы мы должны включить в поле зрения различные формы политического неравенства, хотя они и неотделимы от него. Простейший пример – дифференциация по полу и возрасту: обычно мужчины играют гораздо бóльшую роль, чем женщины, не только в войне, но и в поддержании внутреннего порядка, и у старших, как правило, больше авторитет, чем у младших. В некоторых районах Африки встречается такая форма политической организации, как геронтократия (власть старейших). В некоторых племенах Восточной Африки она систематизируется посредством определенной структуры возрастных

групп и возрастных ступеней. Там, где во главе общества стоит вождь или король, мы можем обнаружить сочетание элемента геронтократии с монархическим принципом.

Баньянколе, описанные в этой книге, дают пример разделения на политически неравные классы. Политическая власть принадлежит пастухам бахима, которые образуют тем самым правящий класс, а земледельцы баиру находятся у них в подчинении. В этом и во множестве других случаев есть все основания считать, что такая дифференциация на политически высшие и низшие классы является результатом завоевания, но было бы совершенно беспочвенно полагать, будто политическое неравенство во всех случаях возникало таким образом. У баньянколе и подобных им племен политическое неравенство ассоциируется с другими различиями, и классовая структура поддерживается разницей в образе жизни повелителей и подданных и отсутствием взаимных браков между ними.

Таким образом, при сравнительном изучении политических систем нас интересуют некоторые особые аспекты целостной социальной структуры. Под последней имеется в виду как соединение индивидов в территориальные или родственные группы, так и дифференциация индивидов по социальной роли, исполняемой ими как индивидами, на основе пола и возраста или на основе социально-классовых различий.

Социальную структуру следует мыслить не как что-то статичное, а как состояние равновесия, которое, как и химико-физиологический гомеостазис живого организма, поддерживается лишь за счет постоянного обновления. Происходят события, так или иначе нарушающие это равновесие, и за ними следует социальная реакция, направленная на его восстановление. Иногда система может на протяжении некоторого времени оставаться относительно неизменной; после каждого нарушения реакция восстанавливает ее, оставляя в значительной мере такой же, какой она была до этого. Но в других случаях нарушение равновесия может быть таким, что оно и следующая за ним реакция приводят к модификации системы; достигается новое равновесие, которое отличается от предшествующего. При серьезном нарушении процесс переналадки системы может затягиваться надолго.

Как мы видели, политическая система заключает в себе некоторый набор отношений между территориальными группами. Ка-

ким образом можно подойти к изучению ее как равновесной системы в африканских обществах, иллюстрируется в последних двух очерках этой книги, посвященных нуэр и талленси. Внутри сообщества политическое устройство тоже следует изучать как равновесную систему. Очерк д-ра Глакмена о зулу показывает, как ранее существовавшую систему баланса между властью вождя, с одной стороны, и общественным чувством – с другой, вытеснила система, в которой вождю приходится, насколько возможно, поддерживать баланс между требованиями европейских правителей и пожеланиями своего народа.

Мы не можем пытаться показать все множество ситуаций равновесия, доступных для изучения в политических системах африканских народов. Достаточно привлечь внимание к необходимости изучения политических организаций с этой точки зрения.

В работах о политических институтах много спорят о природе и происхождении государства. Обычно его изображают как некую сущность, возвышающуюся над образующими общество человеческими индивидами и обладающую в качестве одного из своих атрибутов тем, что называют «суверенитетом»; иногда о нем говорят, что оно имеет волю (право часто определяется как воля государства) или отдает распоряжения. Государства, в этом смысле, в феноменальном мире не существует; это выдумка философов. Что в действительности существует, так это организация, т.е. собрание индивидуальных человеческих существ, связанных сложной системой отношений. Внутри этой организации разные индивиды выполняют разные роли; некоторые обладают особой властью или авторитетом – как вожди или старейшины, могущие отдавать приказы, которым будут подчиняться, как законодатели или судьи и т.д. Нет такой вещи, как власть государства; в реальности есть лишь власти индивидов – королей, премьер-министров, судей, полицейских, партийных начальников и избирателей. Политическая организация общества есть особый аспект его целостной организации, связанный с контролем и регуляцией применения физической силы. Это, как я полагаю, дает для объективного изучения человеческих обществ методами естественной науки наиболее удовлетворительное определение того особого класса социальных явлений, исследованию которого посвящена эта книга.

Перевод с англ. *В.Г. Николаева*

2019.04.020. ПРОНОВО Ж. ОБЩЕСТВО И ДОСУГ. (Реферативный перевод с англ.)
PRONOVOST G. Society and leisure // Current sociology. – L., 1998. – Vol. 46, N 3. – P. 1–138.

Ключевые слова: досуг; общество; социология досуга; свободное время.

Исследовательская, научно-административная, издательская деятельность профессора Университета Квебека (г. Труа-Ривьер) Жиля Проново посвящена социологии времени, культуры, коммуникации. Англоязычная версия труда «Досуг и общество» («Loisir et societé», 1993), подготовленная канадским профессором в 1998 г., помещает ключевые темы, проблемы и концепции социологии досуга в макросоциологический контекст динамики современных обществ.

В истории социологического изучения досуга Ж. Проново выделяет пять традиций.

• В 1900-е годы научный дискурс в США легитимирует развитие общественно-рекреационных институтов – парков, детских площадок, культурно-досуговых центров и т.п. «Рекреационное движение» в США рассматривает досуг как универсалию, мало зависящую от конкретно-исторических изменений. Разграничив «игру», «отдых» и «свободное время» и сосредоточившись на изучении различных видов досуга вне дома, эта школа дала толчок интерпретации досуга с позиций свободы выбора и удовлетворенности личности.

• Основы американского культурно-антропологического подхода в 1920–1930-х годах заложили работы Роберта Линда и Хелен Меррелл Линд. Впоследствии, отталкиваясь от критики теории праздного класса Торнстена Веблена, значительный вклад в данное русло исследований внес Дэвид Рисмен, который в 1950 г. создал первую в США научную группу по изучению досуга. Данная традиция акцентирует внимание на классических категориях социологического анализа: гендерных, классовых, возрастных различиях в досуговых установках и поведении, – а также с позиции техницистского подхода постулирует возникновение «цивилизации досуга» как результата индустриализации западных обществ.

• Специфику британской традиции начиная с межвоенного двадцатилетия составлял анализ досуга через призму популярной культуры во взаимосвязи с иными социальными институтами, в широкой исторической перспективе и контексте социальной политики.

• Начало развитию французской традиции, сосредоточенной на проблемах народного образования и регуляции нерабочего времени, в 1960-х годах положила теория Жоржа Фридмана, рассматривавшего досуг как компенсацию отчужденного труда. Наиболее известный в рамках данной традиции автор, Жоффр Дюмазедье, ратовал за автономию социологии досуга как отраслевой теории (теории среднего уровня). Досуг определяется им как самостоятельная сфера производства новых социальных ценностей, обусловленных его свободной, бескорыстной, гедонистической и личностной природой. Французский сценарий интегрирует научно-технический и социокультурный факторы, связывая возникновение досуга с регрессом механизмов контроля и возникновением социальной потребности в индивидуализации личной активности.

• Последнее важное направление – социология времени, которая выводит специфику досуга из дифференциации структуры социального времени и, шире, современных обществ. Досуг как один из видов социального времени (наряду с рабочим, учебным и т.д.) постепенно обособляется в рамках времени свободного, т.е. предоставленного собственному усмотрению личности.

Анализ традиционных подходов позволяет автору перейти от обзора структуры и содержания основных социологических интерпретаций досуга к определению его сущности и специфических функций. Для их понимания существен ряд базовых принципов:

– историчность становления современного досуга, порожденного индустриальной революцией;

– дискретность и дифференцированность социального времени, в котором постепенно выделяется досуг;

– характеристика деятельности в свободное время посредством специфических психологических атрибутов.

Досуг может определяться как «остаток» от императивов работы и семьи в общем бюджете времени и бюджете свободного времени. В теории культурного развития он характеризуется на основе концептов ценностей и реализации культурных интересов –

эстетических, интеллектуальных, спортивных, ремесленных, социальных. Психологический подход, акцентирующий личностный смысл и мотивацию досуга, определяет его через атрибуты удовольствия, свободы, игры, спонтанности и т.д.

Далее автор выделяет различные уровни анализа досуга:

– его связь с культурой (деление на массовую / элитарную культуры, различия между субкультурами);

– взаимодействие с другими социальными институтами (работой, семьей, религией, спортом, образованием, экономикой и т.п.);

– социальной политики (необходимость создания специальной политики в области досуга);

– социальных и социально-демографических факторов дифференциации значений досуга и досуговой деятельности;

– футурологической перспективы (анализ досуга в связи с социальными трансформациями современных обществ).

Введение в проблематику социологии досуга Проново завершает указанием на необходимость исследования досуга на методологической платформе, которая позволяла бы понять его место в современном обществе. Таким концептуальным фундаментом для социологии досуга выступают базовые социологические категории: культурная система, социальное действие, социальная личность, социальные акторы, социальная система в целом, включающая ряд подсистем (социальное время и пространство, экономика, законодательство, политика, идеология, социальные институты и организации).

Социальные и культурные значения досуга

В главе «Социальные и культурные значения досуга» автор оценивает правомерность применения к изучаемому явлению общесоциологических концептов ценностей и норм и далее выделяет специфику ценностно-нормативной системы и, соответственно, символической сущности досуга.

Анализ суждений здравого смысла обнаруживает легитимацию досуга посредством ценностей, уже сложившихся в культурной системе. На фоне неизменного приоритета семьи и работы досуг расценивается как сфера сравнительно невысокой социальной значимости, посредством которой реальность интерпретируется

лишь в строго ограниченных сферах деятельности, областях жизни, отрезках времени. Вместе с тем у молодежи, неспециалистов, людей малообразованных и недовольных семейной жизнью досуг котируется выше работы и семьи.

Существуют, однако, и специфические именно для досуга ценности.

Прежде всего это те ценности, которые легитимируют его существование с позиций существующей системы: удовольствие, забава как таковые (или привнесение их элементов в иные категории действия); негативные ценности рутины, однообразия, за счет которых возникает такая, например, форма социально одобренного эскапизма, как праздник.

Ценность досуга связана также с определением и выражением социальной идентичности. Чем меньше возможностей для самовыражения дает повседневная жизнь, тем больше эту функцию призван выполнять досуг. Немаловажной, особенно для молодежи, является способность досуга поддерживать социальную интеграцию и контроль.

Социальные мотивации придают легитимность не досугу как таковому, а тем или иным видам его повседневных практик. На базе основных досуговых ценностей ученый выделяет следующие виды мотивации:

– контекста деятельности (обстановка, окружение);
– удовольствия, развлечения;
– эскапизма;
– снятия напряжения;
– общения, взаимодействия;
– избавления от людей и шума;
– выражения чувств и эмоций;
– удовлетворения культурно-образовательных потребностей;
– здоровья, желания быть в хорошей форме.

Систему коллективных ценностей, актуализируя их в ролях, приспосабливают к уровню действия в конкретных ситуациях проведения досуга четыре класса норм. Это:

– нормы действия;
– нормы участия;
– нормы взаимодействия;
– контекстуальные нормы.

К нормам действия автор относит предписанные типы поведения. Они оцениваются тем выше, чем больше выражена в них степень «действия», активности, символически закрепленная за неким занятием. Так, просмотр ТВ воспринимается как социальное бездействие – в отличие от «благородных» занятий спортом, посещения музеев, творчества.

Нормы участия задают дистанцию между деятельностью обычной и во время досуга, ранжируют пределы и интенсивность вовлеченности, колеблющиеся в зависимости от группы и контекста.

Нормы взаимодействия регулируют социальные отношения по поводу досуга, рассматриваемые как отношения равенства – открытые, легкие, приятные. Эти нормы определяют сущность взаимодействия и тип избираемого партнера. Они тоже вариативны. Так, для рабочих партнеры значимы более, чем сама деятельность, тогда как для людей с высшим образованием – наоборот.

Контекстуальные нормы акцентируют сопутствующие условия: место, время, партнеры, обстановка, благоприятные возможности, – которые и определяют, является ли деятельность «досуговой». Рутина приготовления пищи преобразуется на пикнике в праздник. Коммерческая деятельность в области организации праздников – работа. Контекстуальные нормы несамостоятельны. Они дополняют нормы взаимодействия, формируя общенормативное значение досуга.

В сфере досуга существует своя система строго разграниченных ролевых ожиданий: игрок в теннис, садовод-любитель, болельщик. Досуговые роли определяются дистанцией от базовых социальных ролей в повседневной сфере работы, семьи, учебы. Эта дистанция и обеспечивает индивидуальное поле автономии. Ведущим значением досуга становится эскапизм, к которому наиболее предрасположены рабочие. Свобода досуговой деятельности распределяется неравномерно. Так, в соответствии с социальными конвенциями женатым подобает досуг в интегративной, а не дистанцирующей функции. Иными словами, система ролевых ожиданий в сфере досуга – часть общего ролевого набора социального актора. Только в некоторых специфических случаях (выходные, каникулы и пр.) начинают доминировать специфические досуговые ценности, и в соответствии с ними перестраивается иерархия ролей в личностном наборе.

В итоге, заключает Проново, досуг определяется единственно отношением к реальности, разделяемой рядом категорий акторов. А значит, данный концепт следует формировать в традициях социологии знания, изучающей конструирование социальной реальности в повседневной жизни.

Досуг и участие в культуре

Обсудив социальные ценности и значения досуга, автор переходит к вопросу об их актуализации в действии, развивая в главе «Досуг и участие в культуре» мысль о том, что осуществление досуговой деятельности так же требует легитимации и символического конструирования через систему формальных и неформальных правил, ритуалов, скриптов и стереотипов, как и любое другое социальное действие.

Предпринятый им анализ документов, регламентирующих степень участия различных социальных групп в тех или иных видах досуговой деятельности, показывает, что оперируют они в основном категориями, связанными со спортом, туризмом, образованием, техникой, наукой, культурой и «живым» участием. Различаясь содержанием, они часто аналогичны по характеру мотивации, ценностных ориентаций, мнений и оценок. Больше того, даже в случае различных или противоположных мотиваций они идентифицируются по признаку единства деятельности.

Например, не всегда можно разграничить физкультурно-спортивную и зрительскую активность: те, для кого значительные физические нагрузки являются нормой повседневных тренировок, те, кто практикует их от случая к случаю, рассматривая тренировки как разновидность отдыха, и те, кто пассивно наблюдает за спортивными состязаниями на стадионах, в равной степени относят себя к «любителям спорта».

Прототипом всех современных форм проведения досуга автор считает целенаправленное осуществление некой активности по интересам за пределами дома – the outdoors. Русский эквивалент подобрать трудно: в предметно-смысловом отношении это «выход в свет», но без излишней торжественности стиля русского словосочетания. Разнообразие и социальное варьирование форм внедомашнего досуга требует классификации по тематико-отраслевому

критерию, итогом которой становится выделение ряда классов досуговых практик.

• *Культурная и социокультурная активность*, куда включаются научное любительство и образовательная активность. Проново отмечает рост популярности следующих отраслей «науки на досуге»: астрономии, искусства и ремесел, естествознания, археологии. Каждый десятый европеец и американец, пишет автор, является членом какого-нибудь культурного, творческого союза. Скепсис в отношении научного дилетантизма, свойственный академическим кругам и вообще интеллектуальной традиции западной элитарной культуры, по мнению Проново, не более оправдан, чем такое же отношение к занятиям искусством, которые нередко приводят талантливого дилетанта в стан профессионалов. Но с точки зрения социологии досуга важнее всего не вопрос профессиональной социализации через стадию дилетантизма. Главное – то, что именно эта категория людей формирует основное ядро публики выставок, концертов классической музыки, научно-популярных лекций и т.д. Что до общественно-образовательной активности, автор настойчиво подчеркивает необходимость отличать ее от любых институциональных форм получения образования. Иначе не выполняется основное условие отнесения деятельности к разряду досуговых: свобода принятия личностью формы, места, времени и самого факта получения новых знаний или умений. Иными словами, категория досуга не сочетается ни с какими императивами – ни с графиком коллективного посещения, ни с вознаграждениями или взысканиями по итогам повышения или подтверждения квалификации, ни с культурно-нормативными ожиданиями семьи и более широкого социального окружения. Наиболее типичными случаями образовательной активности, которую можно расценить как досуговую, будут являться дистанционное обучение, самообразование, в том числе в форме посещения открытых лекций, неформальных клубов по интересам, кружков и т.д.

• *Посещение культурных институтов*. Типичный пример – посещение музеев, переживающее, как показывает канадский ученый, особенный подъем в США, Канаде, Франции и странах Северной Европы, где за две последние декады ушедшего века оно удвоилось и заняло позицию между третьим и четвертым местом среди всех наиболее популярных видов досуговых практик. Особое

место здесь занимает то самое «живое посещение», которое не требует от личности соучастия в процессе порождения социальных смыслов (что является обязательным условием в случае научно-образовательной деятельности), но и не предполагает пассивного созерцания законсервированных, общепризнанных, универсальных культурных ценностей (типа посещения музеев, мемориалов, памятников старины и пр.). Сюда относится вовлеченность в сферу влияния средств массового воздействия и средств массового общения, а именно кинематографа и кинопродукции, спортивных соревнований, театральных постановок и популярных концертов. Кинематограф остается самым популярным видом «живого посещения», охватывая более 50% взрослого населения. Тема «приватизации кинодосуга», широко обсуждавшаяся социологами и культурологами в связи с распространением кабельного телевидения, видеомагнитофонов и домашних кинотеатров, видимо, себя изжила, поскольку эмпирические данные показывают, что обладание такими предметами домашнего быта не только не сдерживает, но стимулирует «живое посещение» кинотеатров людьми, которые колеблются в вопросах о приобретении фильма для коллекции. Чем бы это ни объяснялось, посещение кинотеатров обладателями таких устройств по сравнению с теми, кто их не имеет, достоверно чаще.

• Особую роль в процессе структурирования и организации досуга играют СМК. Посредством новых информационно-коммуникационных технологий они непосредственно влияют на рост участия личности в культуре, расширяя доступ к значимым продуктам и событиям, становясь непосредственным и основным инструментом процесса, который социологи определяют как «демократизацию культуры» и «культурную эмансипацию личности». Наиболее изученным является процесс потребления музыки, в первую очередь популярной музыки FM-станций. От четверти до трети населения Запада регулярно слушает музыкальные записи, причем 80% из них составляет поп-музыка, а около 20% – классическая или джазовая. Проново описывает четыре эмпирически выделенных по степени вовлеченности типа слушателя: «фанат» (более четверти респондентов, которые слушают музыку часто или очень часто в течение более чем 24 часов в неделю); «любитель» (часто или достаточно часто слушает музыку на протяжении многих часов в неделю); «периодический слушатель»

(слушает с высокой или достаточно высокой периодичностью, но на протяжении немногих часов за неделю); «случайный слушатель» (незначительное меньшинство слушающих музыку редко или не слушающих ее вообще). Читательские привычки и посещение библиотек – второй вопрос, подробно рассмотренный Проново в рамках данного типа досуга. Как оказывается, на протяжении десятилетий читательские привычки остаются практически неизменными: наиболее популярны газеты, затем журналы и лишь потом книги, причем чтение вообще как вид потребления массовой информации охватывает около 60–70% взрослого населения. Современных посетителей библиотек можно разбить на два типа: тех, у кого уже сформирована привычка к регулярному посещению библиотеки, и случайную, ориентированную на поп-культуру публику, которая предпочитает аудиовизуальную поддержку вербального текста (воспроизводимую музыку, видеозаписи и т.д.). Проново считает, что библиотеки отнюдь не утратили своей социальной роли, но не используют возможности, которые открывают перед ними современные медиа, а также не учитывают досуговые предпочтения публики. Так, незадействованные возможности аудиовизуальной поддержки могли бы служить толчком к приобщению аудио-аудитории к продуктам традиционной для библиотек документной (письменной) коммуникации.

Последний вопрос, который автор рассматривает в данной главе, касается категории жизненного стиля, который, по мнению автора, можно определить именно через тот или иной стиль досугового поведения.

Поворотным моментом в процессе формирования всего многообразия культурных практик и расширения участия в культуре можно считать 1970-е годы. В ранние 1980-е годы этот процесс стабилизировался и даже несколько приостановился под влиянием экономического кризиса или своего рода культурного насыщения потребностей общества. Но рубеж тысячелетий стал новым витком интенсификации активного поиска социальными субъектами своего места в сфере социокультурной деятельности и значимой фазой институционализации досуга.

В итоге структуру досуговой деятельности (которую автор фактически приравнивает к жизненному стилю) можно охарактеризовать через пространство (у Проново – «поле»), аккумуляцию и

императивы социоструктурной и социокультурной общественных подсистем.

Поля, или сферы, досуга, различаясь своей спецификой (образовательная, общественная, спортивная и пр. деятельность), на практике демонстрируют взаимопроникновение. Например, неразрывно связаны образовательная, культурная деятельность и физическая культура; заядлые театралы одновременно являются более частыми посетителями музеев и выставок, они больше читают и меньше смотрят телевизор. Иными словами, отдельные виды досуговой деятельности в пределах одного социокультурного типа объединяются в довольно отчетливые кластеры.

Досуговая деятельность проявляет тенденцию к кумулятивности: чем выше социальное положение, тем больше количество осуществляемых досуговых практик. Иными словами, степень разнообразия досуга непосредственно детерминирована социоэкономическим статусом.

С точки зрения социокультурного параметра автор подчеркивает факт организации (композиции) всего поля досуга вокруг некоторого ядра – ведущего вида деятельности. Эмпирически его не всегда легко выявить, поскольку имеет место вариативность, связанная с субкультурой, социально-территориальной общностью, поведенческими образцами ближайшего окружения и пр. Согласно одной из классификаций, можно выделить четыре группы:

- ориентированные на связь с широким внешним миром (прототип – экскурсии);
- ориентированные на связь с ближайшим окружением, прежде всего семейным (прототип – семейный праздник);
- специфические подростковые практики (ориентированные на референтные группы), основанные на прослушивании музыки и спорте;
- специфические гендерные практики, своего рода «гендерное разделение досуга».

Участие в культуре отчетливо стратифицировано. Важнейшими основаниями стратификации досуга выступают социально-экономические, возрастные и гендерные факторы. Так, к первой группе факторов весьма чувствительна установка «не терять времени даром» (отрицание пассивного отдыха) и аккумуляция досуговой активности. Далее, чем старше становится человек, тем

больше он отходит от культурных практик, что заметней всего в образовательной и спортивной сферах. Наконец, невзирая на существенные сдвиги в борьбе с дискриминацией в публичной сфере – на рабочих местах, в образовании – острее всего довлеет над личностью гендер, обусловливая – путем простого копирования традиционного разделения семейных ролей – как степень и интенсивность, так и характер и содержание практикуемых мужчинами и женщинами видов досуговой активности.

Возраст, поколение и жизненные циклы

Роли социально-демографических факторов в дифференциации досуга Проново посвящает отдельную главу «Возраст, поколение и жизненные циклы».

Показано, что в 1960-х годах условия жизни достигших 20–25 лет были более благоприятными, чем у аналогичной когорты в 1980-х годах. Интенсивность и разнообразие культурных практик оказывается выше всего у послевоенного поколения – хорошо образованного, экономически благополучного, культурно активного. Именно они стали творцами западной культурной революции 1960-х годов.

Снижается роль и доля книг в обиходе тех, кому за 45, и особенно пенсионеров. Молодежь формирует специфическую «устную культуру» и предпочитает аудиовизуальные каналы СМИ. Между полюсами «книжной» и «устной» культур находятся люди среднего возраста, черпающие информацию из обоих типов каналов одновременно.

Молодежи присущи следующие пространства информационно-досуговой активности.

Во-первых, данная социальная категория – основной потребитель популярных кинофильмов и музыки, а также группа, наиболее ориентированная на СМИ в целом. Музыкальные пристрастия этой категории функционируют и как индикатор групповой идентичности.

Привлекательность спорта, которым до 25–30 лет занимается почти каждый, падает в связи с быстрым символическим «старением» человека, и после 40 лет потребность в спортивном досуге сохраняют лишь 50% населения.

Применительно к чтению нужно отметить общее снижение у населения этой потребности, что особенно заметно у 15–17-летних, которые читают меньше газет, чем журналов и (в основном в силу необходимости) книг.

Культурная активность молодежи ограничена не связанными с «высокой» культурой образцами «живого участия», интегрированного в общую модель массовой культуры с доминантой новых технологий. Его важнейшими функциями являются ритуальная и интегрирующая: культурные практики выступают как средство выражения и поддержания групповой сплоченности.

Смена жизненных циклов сопровождается изменением характера и смысла досуга, но каждое поколение реализует и переживает это по-своему.

Так, нормативный образец старения – потеря позиций в самых разных сферах человеческой деятельности, разрежение социального времени, нарастающее однообразие, а в итоге непрерывный рост социальной изоляции вплоть до полного паралича социальной активности. Вместе с тем 1990-е годы ознаменовались рядом изменений. Снизилась «телемания», хотя пожилые люди попрежнему проводят у телевизора больше времени, чем все остальные. Больше времени они стали уделять прогулкам. Пожилые люди охотней участвуют в добровольных обществах, союзах. После 55 лет активней, чем прежде, посещают театры, музеи, книжные магазины и библиотеки (поскольку именно пожилые – самая читающая публика). Последнее поколение пожилых людей на Западе демонстрирует новый образец старения, устраняющий разительность неравенства и расширяющий пространство возможностей в сфере досуга. Проново выделяет четыре их возможных типа:

- редукция досуга и социальных отношений в целом;
- сужение вариантов проведения досуга, усеченность семейного общения;
- возобновление и интенсификация досуговых активностей;
- творчески-инновативное отношение к досугу, которое сопровождается чувством удовлетворения.

Для более молодых пенсионеров (с 1962 г.) по параметрам активности, общения и отношения к политике он считает возможным выделить даже пять досуговых моделей:

- вложения в досуг, рост видов активности и групп участия;

• избирательная сосредоточенность на некоторых видах общения (семья, друзья);

• активность, сконцентрированная на доме: садоводство, рукоделие;

• урезанная активность;

• низкий уровень любого типа активности или отсутствие социальных связей.

Гендерное деление досуга по-прежнему консервативно. Несмотря на выравнивание доступа к «высокой» культуре, поляризация мужского и женского образца не только сохраняется, но и, как доказывает автор, воспроизводится именно за счет сферы досуга. Женщины традиционно больше читают, особенно книг. Журналы предпочитают посвященные моде и кулинарии, тогда как мужчины – спорту, финансам, науке и технике. Женским занятием остается посещение курсов, уроков, семинаров. Резко различны степень, интенсивность и содержание практик «живого участия». Таким образом, налицо фиксация гендерных моделей досуга, копирующих традиционные семейные роли, противопоставление внутреннего («женского») и внешнего («мужского») социального пространства.

Работники сферы досуга

В 1960–1970-х годах развитие третичного сектора экономики и, в частности, рынка досуга и развлечений вызвало к жизни новые социально-профессиональные роли, которые Проново характеризует в главе «Работники сферы досуга». Их возникновение обусловлено в основном двумя процессами:

• разделение труда в обществе, возведение в ценность определенной сферы деятельности, формирование рынка труда, прогрессирующая специализация, появление социальной группы, становящейся необходимым элементом социальной структуры общества;

• артикуляция, легитимация, институциализация ценностей и структур досуга, в чем наиболее заинтересованы и с чем наиболее успешно справляются именно профессионалы данной сферы.

Административно-управленческий и вообще бюрократический характер индустрии досуга обусловил иерархичность профессионально-должностных статусов в этой сфере: от технических

функций до координаторских, наблюдательных и управленческих; от муниципального уровня до регионального и правительственного. Как и везде, на ключевых постах здесь в основном мужчины. Дифференцированы по гендеру и отдельные отрасли досуговых профессий: связанные со спортом, как правило, – «мужские», культурные и оздоровительные – «женские». Социально-экономические различия между государственным, общественным и частным коммерческим сектором проявляются и в дифференциации социальных типов личности работников.

Вместе с тем единство социальных, культурных, спортивных функций досуга способствовало формированию профессиональной общности: работники данной сферы идентифицируются со своей работой, получают социальное образование; стремятся контролировать рынок вакансий; создают ассоциации, формируют идеологию, основанную на ценностях досуга и компетентности.

Заданная ведущей ролью научно-технического знания в организации досуга, профессиональная компетентность работника данной сферы, призванного играть роль катализатора индивидуальных и коллективных ресурсов и потребностей населения, все усложняется по мере изменения научно-технического контекста. Формы досуга на базе новых информационно-коммуникационных технологий, рост профессиональных и полупрофессиональных досуговых активностей, доминанта аудиовизуальности, технизация спорта и искусства, эклектическое разнообразие культурного участия, подвижность во времени и пространстве, сближение профессиональных функций, рост ответственности и престижа функций планирования и развития выдвигают новые профессиональные требования, соответствовать которым первому поколению работников становится все сложнее.

Добровольные организации

Основными субъектами культурно-досуговой деятельности выступают добровольные общественные организации, которым Проново посвящает следующую главу.

Добровольные общественные организации обладают следующими ключевыми характеристиками:

– они группируются вокруг отдельных личностей;

– имеют официальный статус ввиду постоянства деятельности;

– располагают общими ресурсами (время, знание, деньги, оборудование);

– задействуя эти ресурсы, преследуют цели реализации специфических для них общих интересов;

– организуют свою деятельность вне времени, связанного с выполнением профессиональных обязанностей или ведением домашнего хозяйства.

Их типологию Проново выстраивает на основе таких критериев, как ориентация организации, история ее создания и развития, поле вмешательства (пределы компетенции). По первому основанию обычно различают инструментальные и экспрессивные организации; культурно-досуговые организации принадлежат к последнему типу, характеризующемуся целью удовлетворения личностных или коллективных потребностей, в качестве которых здесь выступают культурные интересы и социальные цели солидарности и взаимопомощи. По второму основанию, следуя Ричарду Балму, автор предлагает различать три типа организационной структуры: традиционная, основой которой является не специфическая функция, а принадлежность к группе, где каждый чувствует себя комфортно; социокультурная, развившаяся только к 1960-м годам; парамуниципальная, функции которой копируют в общественном секторе те или иные направления муниципальной, региональной или национальной политики. Проново подчеркивает, что ориентированные на досуговые и культурные цели организации могут принадлежать к каждому из выделенных типов. Пространство деятельности общественных организаций весьма обширно: в нем можно выделить секторы, связанные со здравоохранением, образованием, социальными службами, досуговыми ассоциациями, религиозными группами, политическими партиями и т.д.

Интенсивность участия в добровольных общественных организациях демонстрирует значительное национально-государственное варьирование; в частности, добровольческие традиции особенно крепки в англосаксонских странах, прежде всего Англии, Голландии, Германии.

По содержанию деятельности, судя по данным исследований, на которые опирается автор, наибольший процент участия прихо-

дится на долю благотворительных и религиозных организаций. В сфере досуга это спортивные ассоциации.

Члены добровольных общественных организаций обладают узнаваемыми социально-демографическими характеристиками. За исключением культурного, образовательного и благотворительного сектора, где доминируют женщины, в остальном добровольческое членство, равно как и руководство общественными организациями, является мужской прерогативой. Наибольшей вовлеченностью характеризуется возрастная группа 15–17-летних, и эта тенденция сохраняется до достижения 24-летнего возраста. Но основная масса волонтеров находится в возрастном промежутке 25–44 лет, причем решающую роль здесь играет наличие детей. Важным фактором является также городское проживание: чем больше город, тем разнообразней ассоциации.

Добровольные общественные организации выполняют социальные, экономические и культурные функции. В сфере досуга важнейшими среди них являются:

– функция социализации детей и подростков и интеграции общественных ценностей, интересов, веяний моды и привычек;

– оформления и апробирования социальных, технических, культурных инноваций: вслед за изменением общественных интересов, появлением новых социокультурных практик немедленно рождаются новые союзы и ассоциации;

– функция канала социальной мобильности, выступающей в следующих вариантах: от дилетантизма к профессионализму, к членству в муниципальном совете, в престижных клубных организациях;

– функция распределения власти в виде престижа, влияния, информации, доступа к товарам и услугам и т.п.

В последнем случае особое внимание Проново уделяет структурам политической власти, от которых зависят финансовые потоки и возможности развития общественных досуговых организаций, всегда находящихся под муниципальным и правительственным контролем. Отношения между органами местного государственного управления и лидерами общественных организаций определяются неравной борьбой за власть. Более того, и сами организации конкурируют друг с другом за получение субсидий и за сферы влияния, что позволяет местным властям простирать свой контроль

еще дальше, избирая (в условиях конфликта организаций) наиболее лояльных, с которыми власть предпочитает работать.

Время досуга

Шестая глава – «Время досуга» – создана с опорой на ранее изданную автором (в 1989 г.) книгу «Социология времени», подготовленную по материалам его лонгитюдного исследования бюджетов времени населения ряда западных стран.

Характеризуя международные тенденции в использовании времени, Проново отмечает их сильную дифференциацию в зависимости от социального статуса респондентов, хотя распределение различных видов социального времени в его общем бюджете оказывается довольно устойчивым (см. Табл. 1).

Таблица 1

Паттерны использования времени, Канада, 1986 и 1992[1]

Вид деятельности	1986	1992
Сон	8 ч. 17 м.	8 ч. 13 м.
Досуг	5 ч. 43 м.	6 ч. 15 м.
Медиапотребление	2 ч. 21 м.	2 ч. 14 м.
Культурная активность	49 м.	39 м.
Спорт	21 м.	30 м.
Деятельность, связанная с работой	3 ч. 32 м.	3 ч. 41 м.
Уход за собой (включая прием пищи)	2 ч. 05 м.	1 ч. 53 м.
Труд в домашнем хозяйстве	1 ч. 41 м.	1 ч. 48 м.
Покупки	52 м.	45 м.
Уход за детьми	20 м.	22 м.
Образование	15 м.	24 м.
Организации	15 м.	24 м.
Остаток / потерянное время	27 м.	1 м.

Во-первых, хотя повсеместно больше всего времени тратится на сон, около часа в день отделяет рабочих, которые спят меньше всех, от других социально-профессиональных групп. Абсолютно все спят дольше в выходные дни, по крайней мере на час больше, чем в будни, – за исключением безработных и пенсионеров. Другие

[1] Pronovost G. Society and leisure (Loisir et societé) // Current sociology. – L., 1998. – Vol. 46, N 3. – P. 72.

интересные результаты касаются домохозяек, которые меньше всех спят по ночам, но досыпают в течение дня, и в совокупности время, потраченное на удовлетворение физиологических нужд (сон, еда, уход за собой), достигает у них в среднем десяти с половиной часов.

Во-вторых, незанятые больше времени посвящают домашней работе и присмотру за детьми, но в выходные где-то на час меньше, чем в будни; студенты ожидаемо учатся больше всех, но это время, по крайней мере в Канаде, демонстрирует тенденцию к сокращению: пенсионеры много смотрят телевизор (не менее трех часов в день), особенно утром и днем (хотя и здесь отмечена тенденция к снижению просмотровой активности).

В-третьих, анализ бюджетов времени подтверждает гендерно-ролевое деление в отношении хозяйственных работ и ухода за детьми. Так, женщины посвящают домашнему хозяйству на 250% больше времени, чем мужчины! Такое положение дел в Канаде слегка изменилось в промежутке между 1986 и 1992 гг., но сам объем времени, которое тратится на хозяйственные нужды, остался практически неизменным.

В-четвертых, данные указывают на исключительную важность свободного времени в возрасте от 15 до 24 лет, а также после 45; молодежь активно практикует физические упражнения и спорт и образует основной сегмент потребителей видеокассет (потребление вдвое превосходит средний для всего населения уровень). При этом молодежь проявляет высокую социальную активность. Общий объем их медиапотребления снизился, несмотря на диверсификацию источников и каналов медиапотребления, а применительно к населению в целом остался на прежнем уровне. По мере старения работа по дому, еда, шопинг и просмотр телепередач занимают все большую долю. Но пожилые люди намного чаще (почти вдвое от среднего для населения уровня) участвуют в культурных мероприятиях, а также во всевозможных общественных ассоциациях. Люди 35–44 лет испытывают самые сильные нагрузки и на работе и дома (ведение хозяйства и воспитание детей); вследствие этого они составляют одну из категорий населения, которая испытывает дефицит сна и свободного времени.

В-пятых, абсолютно для всех категорий населения выходные подразумевают перестройку времени. На четыре-пять часов сокращается трудовая активность; сон длится дольше (не меньше, чем на

час); три часа и более отводятся досугу, особенно в форме активных социальных контактов и просмотра ТВ. Но если объем времени, которое отводится на сон и уход за собой, является относительно постоянным, то досуг и рабочее время прямо конкурируют друг с другом.

Рассматривая их соотношение, Проново пытается ответить на вопрос, можно ли считать, что современный человек работает меньше. Для западных стран, показывает он, обозначилось несколько отчетливых тенденций.

– Рабочее время в целом продолжительней, чем фиксирует официальная статистика, игнорирующая работу дома, проезд до места работы и коммуникации по рабочим вопросам, что в совокупности добавит ко всему учтенному рабочему времени еще 7–12%.

– Если учесть все виды времени, связанного с работой, то продолжительность рабочей недели в Канаде составит около 45 часов, а средняя продолжительность рабочего дня превысит 9 часов.

– Лонгитюдные исследования 1986–1992 гг. указывают на сокращение рабочего времени занятого населения (примерно на 3–4 часа) и неуклонный рост времени, посвященного досугу.

– «Прирост» досугового времени составляет 4–5 часов в день, причем тем больше, чем более индустриально развита страна.

– Объем досугового времени, детерминированный занятостью, максимален у не занятых оплачиваемым внедомашним трудом (домохозяйки, безработные, пенсионеры).

– В будни досуговая деятельность концентрируется в вечерние часы и равномерно распределяется на протяжении дня в выходные.

В исследованиях бюджетов времени деятельность рассматривается в неразрывном единстве с контекстом ее осуществления – местом и партнерами.

Если принять во внимание физиологические нужды, значительную часть дня любой человек проводит в одиночестве, но особенно это характерно для пенсионеров и безработных, проводящих в одиночестве более четверти дня. Канадские данные фиксируют снижение количества времени, проводимого с семьей, причину чего следует искать не в наличии и количестве детей, а в специфике жизненного стиля и изменении системы ценностей.

Растет количество времени, проводимого дома, особенно в случае пенсионеров и безработных (около 20 часов в сутки). Начиная с 1970-х годов в большинстве стран сокращается средняя продолжительность рабочего времени, что коснулось в основном мужчин, тогда как для женщин оно, наоборот, существенно увеличилось. Однако в женском бюджете времени сократилась доля деятельности, связанной с домашним хозяйством, которая несколько выросла у мужчин, особенно старше 45 лет. Выравнивания трудозатрат, тем не менее, не произошло, и женщины в конечном счете по-прежнему оказываются более загруженными.

Деньги, которые мы тратим

Экономическая проблематика досуга рассматривается в главе «Деньги, которые мы тратим». Освещаются два ее аспекта: социально-экономические отношения корпораций, отраслей промышленности, рынка труда и рабочих движений; социокультурные аспекты экономики досуга.

Относительно первого аспекта Проново отмечает, что производителями товаров и услуг для досуга и культуры выступают и группы частных лиц, и коммерческие, и государственные, и общественные организации.

Неформальные группы частных лиц весьма нелегко локализовать в определенном сегменте рынка. Сюда можно включить летние лагеря, молодежные турбазы, неформальные центры общения. Общим для них является не получение прибыли, а цели и ценности современного досуга, т.е. экономические соображения являются вторичными по отношению к формирующейся идеологии досуга.

Основной экономический субъект – это коммерческие организации: киностудии, производители спортивного инвентаря, универмаги игрушек, рестораны, агентства путешествий и пр. Среди них можно выделить производителей товаров и услуг для досуга и культуры и тех, кто использует досуг как средство стимуляции сбыта собственной, не связанной непосредственно с досугом продукции (пивоварение, автомобилестроение и т.д.). Независимо от задействованных ценностей, стимулов и подтекстов, они руководствуются ожидаемой прибылью от вложений в сферу досуга. Их доминирование в указанной сфере, влияние на частный сектор,

привычки и поведение населения определяются высокой способностью адаптироваться к динамике рынка и общественных вкусов. Реклама, стимулирование продаж немыслимы вне эксплуатации досуговых ценностей, противопоставляемых труду. Данная оппозиция наиболее узнаваема в конструировании универсума вечеринки, праздника (прежде всего в рекламе алкоголя). Таким образом, в коммерческом секторе налицо постоянное противоречие и даже конфликт между социальными функциями и всей системой организации, принятия решений и управления. Так, решение производить игрушки лежит в пространстве экономики, последствия же его оказываются социальными и культурными.

Средства, затрачиваемые на сферу досуга государством, не занимают существенного места в экономике досуга ни в одной западной стране, что автор подкрепляет данными французской и американской статистики.

Бытовая техника и товары домашнего потребления, связанные с досугом, весьма разнообразны. Они составляют львиную долю всего оборудования, которое используется домохозяйствами. Наряду с автомобилями, чью роль в проведении досуга трудно переоценить, наибольшим распространением пользуется все то, что связано с массовой коммуникацией: телевизор, радио, видеомагнитофон, CD- и DVD-плееры. Многие семьи располагают и разнообразным спортивным инвентарем (лыжи, велосипеды и пр.).

В последние десятилетия XX в., как показал Проново, рост персональных расходов на досуг отмечался прежде всего в коммерческом секторе, не считая общественного радио и телевидения, затем распространился на сферу спорта и наконец проявился в социокультурной и социально-образовательной сферах деятельности. Общественный спрос удовлетворяется в основном частным сектором, но нельзя забывать и о государственных вложениях и субсидиях бизнесу.

Иерархия расходов в бюджете семьи обусловлена иерархией потребностей. Статьи расходов, непосредственно посвященные досугу, в бюджете семей составляют около 10%. Вместе с тем, согласно автору, с учетом затрат, которые связаны с досугом косвенно и которые другими исследователями обычно относятся к другим статьям, реально на досуг расходуется около 20% семейного бюджета. Таким образом, по своей финансовой весомости он оказыва-

ется на третьем или четвертом месте после ведения хозяйства, гигиены и ухода за собой.

В иерархии собственно досуговых расходов главенствуют путешествия, затем – еда вне дома, алкогольные напитки, отпуск, посещение культурно-зрелищных мероприятий.

Важнейшим свойством досуга как статьи расходов является эластичность: при необходимости затянуть пояса прежде всего сокращается именно эта статья. Вместе с тем чем больше подавляется какая-то потребность, тем более насущной она становится, вызывая в конечном счете депривацию. И потому как только открываются новые источники доходов, они тратятся именно на досуг.

Чувствительность расходов на досуг и культуру в зависимости от общей экономической ситуации семьи и общества в целом (от экономического кризиса страдают наименее демократичные по своей социальной направленности сферы ресторанного, туристического бизнеса и некоторые другие) сопряжена также с размером семьи и стадией ее жизненного цикла.

Потребление товаров и услуг, связанных со сферой развлечений, сильно стратифицировано и соотнесено с общими стандартами потребления, которые испытывают сильное влияние со стороны рекламы. Независимо от того, что «продает» реклама – сам досуг (например, турпутевку) или что-то еще путем стимуляции досуговых установок (например, продвижение новых автомобилей в сюжетно-тематическом контексте досуга), – он становится неотъемлемым элементом системы потребительских ценностей. Вследствие этого, предоставляя такое обширное поле для манипулирования собственной ценностной сферой, досуг снова оказывается неотъемлемой частью рыночных сил. Например, усиленно подпитываемые рекламой гендерные стереотипы часто оборачиваются гендерной же дифференциацией в потреблении товаров и услуг, связанных с досугом.

Стратификация потребления проявляется и в зависимости доступа к товарам и услугам от дохода, и в имуществе, т.е. в собственности на эти товары и оборудование (например, в случае предметов роскоши), и в способах их использования (вкусы и привычки читательской и телевизионной аудитории), и, наконец, в иерархии связанных с досугом расходов.

В сфере культурного потребления к традиционным критериям стратификации (классовая принадлежность, образование, доход и пр.) последние исследования добавляют вновь возникшие формы неравенства: разрыв между поколениями (специфика жизненных ситуаций молодежи и пожилых людей, других возрастных групп), тип семьи.

Итак, резюмирует автор, организация и производство культурно-досуговых товаров и услуг основаны на общих параметрах рыночной экономики. Зависимые от базовых процессов экономической интеграции современные досуг и культура вполне влились в пространство «холодного экономического расчета».

Общественные структуры

Откликом на быстрое развитие и усложнение сферы досуга, требующих интеграции всех ее элементов, определения и постановки неких общезначимых целей, в ряде западных государств стало формирование определенной досуговой политики, которую автор рассматривает в восьмой главе – «Общественные структуры».

Существует множество законов, уставных норм, связанных с различными отраслями досуга. Это киноцензура, сдерживание жестокости в спорте и т.д. Примером институциализации досуговых ценностей и норм является их интеграция судебной системой. Досуговая политика на разных уровнях – от местного до национального – осуществляется с тех пор, как возникло государство.

Значение и функции современного досуга, которые описываются в терминах свободы и индивидуальности, ставят вопрос о правомерности политического вмешательства в частную сферу. Проново приводит несколько вариантов решения этой проблемы.

• Либеральное государственное вмешательство. Суть модели состоит в принятии законов и постановлений, косвенным образом влияющих на досуг: сокращение рабочей недели, оплата отпусков, охрана природы, – тогда как прямые политические воздействия редки. Государственное вмешательство играет роль поддержки или защиты, причем поддерживающие или охранные функции осуществляются неравномерно, в достаточно узком контексте: жестокость в спорте, наличие обязательного оборудования и т.д. Таким образом, либеральная модель предусматривает регулятивную по-

литику: обеспечить равновесие различных социальных сил, предупредить дисфункцию и лишь иногда – позаботиться, оказать поддержку, понести расходы. Чтобы определить, достигла ли социальная политика цели, нужно определить степень допустимого, желательного, необходимого вмешательства государства. Одной из стран, четко определяющих свои культурные цели, является Швеция. К ним относятся: облегчение свободы самовыражения, сокращение негативных последствий индустриализации, децентрализация управления, учет жизненных условий непривилегированных слоев, поддержка инноваций в сфере искусства и культуры. Отсюда особая отраслевая политика в сферах спорта, экскурсий, искусства и т.д. Роль и функции политической системы в сфере досуга зависят от конкретной страны, которая и определяет более или менее отчетливо общие и частные цели социальной политики в данной сфере. Второй вопрос здесь – роль политических структур в достижении этих целей, который решается по-разному прежде всего в зависимости от наличия специальных ведомств. Третий – наличные людские и финансовые ресурсы, их объем и влияние. Регионализация культур ставит перед исследователем вопрос об их кооперации и общей стратегии распределения между ними ресурсов, льгот, полномочий. Демократизация культуры, увеличение разнообразного участия в ней различных слоев населения могут быть рассмотрены в контексте культурной политики государства. Поскольку реальные инструменты подсчета темпов демократизации культуры отсутствуют, итогом анализа досуговой политики, считает Проново, должно стать внедрение некой мониторинговой программы.

• Муниципальный уровень. В последнее время на местах все чаще создаются специальные службы досуга, отчисляются денежные средства на развитие досуга, культуры и спорта, причем доля затрат именно на досуговую сферу в муниципальных бюджетах растет. В целом города распространяют управление на функцию досуга в большем объеме, чем это свойственно региональному и государственному уровням власти. Прямое вмешательство муниципалитетов в сферу досуга начинается на заре XX столетия. Первые формы такого вмешательства Проново обозначает как «встроенные»: внутри особого департамента или службы, агентства город выполняет ряд досуговых функций (распоряжается оборудованием

и льготами, формирует и финансирует программы и т.д.). Государственные власти стоят за множеством прямых и косвенных форм вмешательства в различные виды деятельности, систему льгот и финансов сферы досуга. Эта модель постепенно меняется в сторону децентрализованной, поддерживающей: город перестает быть основным «держателем» и «поставщиком» досуга, уступая эти функции общественным ассоциациям и частному сектору. Автор подчеркивает низкий уровень информированности населения о роли и функциях муниципального сектора в сфере досуга. Несмотря на это, их легитимность всеми признается. Политическая власть на местах, по мнению большинства, призвана добиваться всесторонних досуговых и культурных целей, а полное невмешательство представляется неправильным. Людей привлекает идея партнерства общественных и государственных структур.

Таким образом, роль местных структур государственной власти должна определяться анализом потребностей, желаний и запросов населения; консультированием и вовлечением горожан в объединения различных субъектов, включенных в досуговую деятельность; координацией усилий и ресурсов различных служб; обеспечением справедливого распределения досуга этими службами; наконец, профессиональной, финансовой и технической поддержкой отдельных граждан и добровольных общественных объединений.

Семья и досуг

Взаимоотношения семьи и досуга в 9-й главе рассмотрены в контексте ее трансформаций функций в ней досуга и культурного участия.

Подчеркивая стойкий приоритет семейных ценностей в западных обществах, автор показывает, что трансформируются скорее образцы семейной жизни в сторону увеличения разнообразия (гражданское сожительство, семья с одним родителем и т.д.). В итоге меняется не семья как таковая, а гендерные отношения. Поэтому наиболее актуальным становится анализ распределения времени внутри семьи, особенно свободного времени.

В отношении времени, частично уступив свои функции школе и СМИ, семья все же остается главным агентом социализации. Характер разделения труда в семье обусловливает ключевую роль

женщины в процессе приобщения детей к социальным нормам использования, распределения времени и в контроле за ним.

Сокращение рабочего дня, улучшение технического оснащения быта, уменьшение размеров семьи способствовали увеличению времени, которым человек может располагать по собственному усмотрению. Высвободившееся время тратится частично на семью и ведение хозяйства, частично – на личные нужды и досуг. В силу этого «семейное» время прямо конкурирует с другими видами социального времени.

Современная семья измеряется четырьмя основными временными координатами:

– жизненный этап каждого ее члена;

– профессиональная карьера мужа и жены;

– срок существования семьи;

– жизненный цикл семьи с точки зрения не только темпорального, но и социально-экономического статуса (рабочая семья; с одним родителем; семья, где оба супруга делают карьеру, и т.д.).

Поскольку образ семьи за счет многообразия ее форм все более усложняется, время становится значимой характеристикой семейной структуры.

Семья вынуждена приспосабливаться к внутреннему и внешнему (конвергентному и дивергентному) времени, координировать и интегрировать все его виды. Многие виды времени, пересекающиеся с семейным, подчиняются последнему в зависимости от характера семейных отношений – тесных или дистантных, – а также ожиданий относительно времени каждого из членов семьи и давления образцов, навязываемых разными социальными институтами и организациями. Часто именно неспособность семьи согласовать конфликтующие временные модели становится причиной разводов или раздельного проживания супругов.

В зависимости от типа семьи возможны разные временные отношения. Даже признавая и ценя автономию личности, семья может осуществлять некоторые виды деятельности совместно (принимать пищу, вести хозяйство, устраивать вечера и пр.). Семейные советы и совместная деятельность особенно важны, когда семейное время доминирует над временем личности (что типично для женщин, воспитывающих детей). Другая стратегия – соглашение кооперативного характера, когда члены семьи разделяют лич-

ную деятельность и семейные обязанности (частный случай – семьи, поощряющие у детей наличие определенной доли самостоятельности).

Поскольку семья остается ведущей ценностью, досуг тоже в значительной степени подчинен семейным ценностям, таким как обмен, солидарность и пр. Самое слабое влияние институт семьи оказывает на досуговые практики молодежи, поскольку ценность досуга для нее превышает ценность семьи. Наоборот, пожилые люди так нуждаются в семейном общении, выделяя ему место в структуре повседневного досуга, что досуг в их восприятии тоже оказывается чем-то принципиально иным, чем высоко ценимые ими семейные встречи. Наибольшее давление семейные ценности оказывают на способы проведения досуга супругами средних лет.

Эволюция отношений между свободным и занятым домашними делами временем семьи состоит в том, что по мере снижения затрат на обязанности по отношению к семье растет свободное время. В этом смысле время, отводимое семейному досугу, становится все меньше связано с традиционными семейными ролями, поскольку он противопоставляется домашним обязанностям.

Потребность в свободном времени – типичный пример влияния, которое семья оказывает на рынок труда, на рабочее и свободное время. Несмотря на сохранение доминанты рабочего места как института, жестко детерминирующего структуру использования времени теми, кто работает (как на уровне их представлений о времени, так и на уровне их темпоральных ценностей), семья является главнейшим фактором структурирования времени.

Существуют разные типы семейного досуга. Например, это может быть семейное сборище, окрашивающее «семейными» смыслами все прочие виды деятельности, которая осуществляется в данный период. В других случаях, наоборот, пара может выкраивать для себя и время, и пространство вне семьи, вдали от детей, от давления домашней рутины, что чаще всего оказывается ей доступным во время совместного отпуска. Наконец, все члены семьи могут, собравшись в одном месте, заниматься совершенно разными, не связанными друг с другом и не относящимися к семье делами.

Таким образом, по отношению к самой семье досуг способен выполнять как интегрирующую, так и дезинтегративную роль. Например, увеличение числа телевизоров и видеомагнитофонов в

семьях ведет и к расширению семейной автономии, и к редукции внутригрупповых взаимодействий. Другой пример – потребление: в этом процессе семья выступает как единое целое если не в непосредственном потреблении, то в принятии решения о покупке, что с успехом использует реклама, апеллирующая к семье как субъекту.

Проблему семейного общения Проново рассматривает в соответствии с концепцией Андре Фортена, который выделяет три основных типа семейных связей, влияющих на свободное время:

– традиционные, сконцентрированные на расширенной семье и поддерживаемые женщиной, на базе которых развиваются группы, где качество взаимодействия важнее содержания деятельности;

– парные, где в пространстве свободного времени доминируют профессиональные отношения: встречи носят более формальный и организованный характер, они меньше привязаны к месту, а дом выступает как сфера интимности и место рекреации пары;

– личностные, что типично для распавшихся и повторных браков.

Схему А. Фортена Проново дополняет четвертым типом связей, также организованных вокруг личности: супруги оговаривают наличие у каждого из них личных каналов общения и проведения досуга за пределами и профессиональных, и семейных отношений. Таким образом, семейная сеть связей создает основу для формирования такой же сети связей в рамках деятельности в свободное время. Кроме того, существуют дополнительные сети, зависящие от возраста детей и профессионально-карьерных траекторий супругов.

Семейное взаимодействие предоставляет базовые образцы социализации в культурно-досуговой сфере, и особенно в том, что касается норм потребления. Небезынтересно, кто является главным источником влияния – отец, мать, прародители и т.д. Важно было бы выделить специфику и эффекты их социализирующей деятельности. Нередко сами дети становятся агентами приобщения старшего поколения и всей семьи к новым видам досуга, демонстрируют им новые формы его проведения, новые предметы потребления. Функции обучения дисциплине и самостоятельности помимо семьи выполняют и другие социальные институты. Сама же семья социализирует личность во множестве аспектов культурно-досуговых отношений. Прежде всего к ним можно отнести следующие:

• модели управления временем: планирование регулярной внеучебной деятельности, организация праздников или каникул и пр.;

• временна́я перспектива предполагаемой деятельности, длящейся годами (курс обучения, линия поведения в какой-то ситуации);

• восприятие СМИ молодежью: отношение родителей, пределы дозволенного, контроль за их соблюдением;

• формирование читательского поведения (вкуса), особенно с учетом навязываемого школой круга чтения;

• посещение культурных объектов – музеев, исторических мест и пр.;

• дань, отдаваемая молодежью гендерным стереотипам в проведении досуга, и их же влияние на родительский досуг;

• широта родительской власти;

• степень автономии молодежи в проведении досуга с точки зрения родителей.

Данные исследований 1975 г., часть которых по-прежнему актуальна, позволили автору выделить четыре фазы проведения семьей досуга в зависимости от ее жизненного цикла.

• Юность. Формирование идентичности, поиски самовыражения и побег от контроля семьи и школы предопределяют главенство досуга и молодежной среды общения.

• Совершеннолетие, программирующее личность на идентификацию с социальными институтами, обретение пары, что существенно меняет и продолжительность, и содержание свободного времени.

• Родительство, которое становится все сложнее по мере изменений в ценностно-нормативных образцах воспроизводства, распространения разрывов и разводов и создания новых семей. В фазе активной семейной жизни основными переменными являются: структура семьи, модели власти, образцы культурно-досуговой социализации, наличие или отсутствие солидарности поколений, мужская и женская профессиональная карьера, уровень жизни и жизненный стиль семьи.

• Последние годы жизни – фаза, подробно рассмотренная в главе о возрастных особенностях досуга.

Досуг редко попадает в поле зрения семейной политики, несмотря на фундаментальную роль, которую он выполняет в (дез)интеграции семьи, несмотря на ее стремление выступать единым субъектом культурной, спортивной, рекреационной деятельности. Во многих отношениях именно контекст досуга позволяет нам лучше понять современный институт семьи.

Труд и досуг: перспектива социального времени

Анализ отношений труда и досуга в исторической перспективе приводит автора к мысли о все большем размежевании этих двух жизненных сфер. Социология досуга подчеркивает не только независимость досуга от сферы оплачиваемого труда, но и его способность непосредственно создавать новые культурные и логические обоснования для других сфер, включая труд. Это не означает утраты их взаимообусловленности. Но связана она с новыми основаниями – неравенством жизненных стилей, различиями в доступе к культурным ресурсам – и не может быть привязана к сущностной природе досуга или труда самих по себе.

В этом отношении Проново рассматривает процесс структурной дифференциации современных обществ, их логику и способность к порождению новых ценностей, где наиболее значим, особенно для представителей рабочего класса, вопрос о социальных репрезентациях времени. Основная проблема: как в этих репрезентациях соотносятся протяженность и ритм рабочего и других видов социального времени, например семейного и досугового.

Категория труда в современных обществах связана с такими временными ценностями, как его легитимность, социальная значимость и полезность. Приступая к анализу эмоциональных отношений людей со временем, Проново отмечает сокращение рабочего дня в большинстве западных стран в 1960–1970-е годы как их детерминанту.

Эмпирические данные свидетельствуют, что увеличение рабочего времени приветствуется теми, чьи социально-экономические позиции и условия труда наименее благоприятны. Те же, кто рассматривает рабочее время как ресурс, который следует перераспределять по собственному усмотрению, принадлежат к слоям наиболее квалифицированных работников. Таким образом, общее

восприятие времени определяется вертикалью социальной стратификации.

В качестве следующей важной тенденции перераспределения времени в рамках рабочего дня или недели отмечается удлинение оплачиваемых отпусков и заметный рост частичной занятости. Здесь наиболее заметны феминизация данного процесса и увеличение доли частично занятых относительно занятых полностью в общем составе населения.

Обозначилась отчетливая общественная потребность в оптимальном соотношении труда и досуга, равно как и в соотношении досуга и других видов социального времени. Так, досуг и семья – основные причины, по которым рабочие стремятся к сокращению рабочей недели и перераспределению дополнительно высвободившегося времени. Рабочие, которые хотели бы посвятить его часть семье, как правило, испытывают неудовлетворенность характером семейного досуга и являются малоквалифицированными, совершающими рутинные, стереотипные операции. Напротив, желание отдавать часть досуга работе – типичная черта «богатого» рабочего. Иными словами, восприятие времени напрямую зависит от оптимального с точки зрения личности баланса между долями, приходящимися на работу, семью и досуг. Характерно, что люди сильнее заинтересованы в подвижности рабочего графика, чем в простом сокращении рабочей недели.

Рассматривая свободное время с точки зрения социального нормирования, Проново выделяет ряд типических общественных устремлений.

- Для большинства людей – независимо от статуса простого исполнителя или управленца – «нормальная» продолжительность рабочего времени не должна превышать восьмичасовой недельной пятидневки. Все, что сверх этого, рассматривается как неоправданно экстремальный режим.
- Стремление к сокращению рабочей недели тоже не беспредельно. Иными словами, существует и некий оптимальный минимум протяженности и интенсивности рабочего дня. В противном случае в обычный будний день проблемой становится заполнение внерабочих «пустот».
- Большинство людей, согласно североамериканским эмпирическим данным, стремятся к уплотнению рабочих дней в неделе,

с тем чтобы высвободить в ней достаточно продолжительный «пустой» промежуток.

• Желаемым образцом организации рабочего и свободного времени является его максимальная гибкость, подвижность. Как своего рода девиация, носящая антигуманный характер, расцениваются работа по сменам; периодическая или сезонная занятость подростков; частичная занятость женщин, которые наиболее чувствительны к сбоям в регулярном распорядке времени; общая трудовая ситуация малообразованных людей, рабочее время которых нередко значительно превышает все пределы «социально допустимого».

Итак, несмотря на то что большинство занятых по-прежнему подчиняется жесткому трудовому распорядку, они стремятся к подвижности рабочего времени, оказывая определенное давление на тех, кто его контролирует.

Свободное время и самообразование

Глава «Свободное время и самообразование» развивает идеи Жоффра Дюмазедье о постиндустриальном обществе, где образование перестает быть прерогативой школы, но пронизывает все социальные институты и фазы жизненного цикла личности.

Ж. Дюмазедье описывает следующие функции образовательного общества:

– на уровне ценностей оно состоит из постоянного предоставления «площадок самореализации»;

– образование проникает во все социальные институты, захватывает все возрастные группы;

– образовательные институты сохраняют свою автономию от любых форм давления и власти.

Изменение читательских вкусов в сторону предпочтения газет, журналов и научной литературы, любительские занятия наукой, посещение музеев, библиотек и книжных магазинов, использование свободного времени школьниками – все это, согласно Проново, свидетельствует о росте участия активного населения в различных формах образовательной деятельности, о завоевании ею ведущих позиций в системе общественных ценностей.

Вся совокупность эмпирических данных, таким образом, указывает, что факт перехода к предсказанному Дэниелом Беллом информационному обществу уже свершился. Однако это общество включает – уже в соответствии с концепцией Ж. Дюмазедье – еще один важный компонент, а именно образовательный. Это свободный выбор личностью пути непрерывного образования и самообразования, равно как и форм их реализации. В этом отношении традиционная школа утрачивает свою монополию. Утверждается социально признанная плюралистичность способов и средств самообразования, где значительное место принадлежит СМИ. А это отводит досугу роль необходимой основы реализации данного процесса и наполняет его новым социальным смыслом.

Социальное использование масс-медиа в свободное время

Исследование современного досуга немыслимо вне рассмотрения роли системы средств массовой коммуникации.

Даже если потребитель массовой информации представляется предельно зависимым от этой системы, даже если время, проводимое перед телевизором, занимает бóльшую часть дневного бюджета свободного времени, социолог вправе говорить о свободе выбора – о наличии устойчивой приверженности определенным стратегиям и тактикам потребления, об осуществлении личностью планирования в сфере массово-коммуникационных процессов. Следовательно, главной проблемой социального использования средств массовой коммуникации в рамках современного досуга выступает активность / пассивность аудитории, которую Проново предлагает измерять на основе трех независимых переменных: социального времени, социального пространства и социабельности, т.е. характера устанавливаемых в процессе и с помощью массового общения социальных связей.

Имея своим истоком отношения досуга с культурной индустрией, стратификация моделей построения досуга через использование СМК не ограничивается членением культуры на элитарный, традиционный и массовый образцы. Анализ социальных способов использования СМК указывает на множественность субкультур в составе современного общества, которые могут быть охарактеризованы по трем указанным критериям, предопределяющим характер

потребляемого культурного содержания, социальные формы его восприятия и интерпретации. С целью их типологизации автор применяет три термина: «популярная культура», «буржуазная культура» и «молодежная культура». Термины взяты в кавычки неслучайно: как видим, здесь смешаны и возрастной, и классовый критерий, т.е. речь идет не о строгой привязке конкретного образца к тому или иному слою, а о большей или меньшей приверженности и личности, и группы или слоя в значительной степени автономному, обособившемуся от своего первоначального носителя образцу как культурной форме. Например, образованные (иными словами, «буржуазные») слои населения, как и молодежь, более инновативны и активны в вопросах аудиторного поведения, склонны к «живому посещению», тогда как потребитель популярной культуры (представитель рабочего класса, малоквалифицированный служащий) жестко ограничен пространственно-временными рамками, в которых протекает его экономическая, трудовая жизнедеятельность, что оставляет ему, как правило, слишком мало свободы в вопросах управления собственным досугом. Одновременно эта же субкультура огромную роль отводит непосредственному, «живому» общению в рамках ритуализованного коллективного потребления массовой информации, основной целью чего является поддержание социальных связей и интеграция группы. В свою очередь, носителей популярной и молодежной субкультур объединяет ориентация на массово-коммуникативное общение по модели «лицом к лицу» в отличие от буржуазной модели «бок о бок». Примером первой может являться прослушивание музыки на дискотеке, на рок-концерте или в баре за кружкой пива, когда информативная и эстетическая функции массовой коммуникации неотделимы от фатической (контактоустанавливающей) и ритуально-интегративной. В рамках же модели «бок о бок», примером которой могут служить посещение театра, концертного зала, музея, вообще локусов так называемой «высокой» культуры, коллективное порождение смыслов в процессе обсуждения или экспрессивного поведения относится к разряду социальных табу, поскольку ценится прямо противоположное – самостоятельная декодировка исходного текста и индивидуальное переживание в процессе самопознания через познание объекта.

Поведение аудитории в итоге демонстрирует большое разнообразие как с точки зрения роли и доли, так и с точки зрения содержания и смыслов медиапотребления в ряду других форм культурных практик. Но наряду с этим разнообразием оно же свидетельствует о наличии жесткой социально-классовой стратификации современных способов массово-коммуникативного общения.

В заключение ученый выделяет четыре перспективы развития сферы досуга в современных обществах.

- Изменение содержания и структуры системы ценностей вызывает изменения и в повседневном поведении человека, которые, легитимируясь этими новыми ценностями, ведут к возникновению новых социальных ролей, институтов, организаций.
- Современный досуг, восприняв из культуры необходимый набор ценностей, целей и норм, обособляется как вполне самостоятельный новый социальный институт, чем увеличивает дифференциацию структуры и функций социальной системы.
- Досуг институциализируется как часть других социальных институтов (политических, экономических, труда, семьи, образования), что влечет за собой их собственную перестройку.
- Трансформируясь, социальная система должна тем не менее сохранять стабильность и единство, поэтому оформляются новые образцы социальных и культурных интерпретаций. На новом этапе секуляризацию культурной системы восполняют ценности автономного творческого самовыражения, что обеспечит закрепление досуговых ценностей на месте вытесненных, а также врастание досуга в сферу экономики и потребления и в повседневный быт, а значит, увеличит его символический вес.

В итоге, подчеркнув взаимосвязь перспектив социологического изучения досуга и глобалистики, Ж. Проново завершает анализ обозначенной во вступлении проблемы места социологии досуга в системе современного социологического знания.

Реферативный перевод с англ. яз. *А.Ю. Казаковой*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ЗАГЛАВИЙ РАБОТ, ОПИСАННЫХ НЕ НА АВТОРА[1]

Долгов А.Ю. 04.001, 04.006
Кларк Г. 04.013
Международные перспективы в сфере образования пожилых людей 04.002
Никуличев Ю.В. 04.004
Понамарева А.М. 04.018
Раренко А.А. 04.017
Социальная справедливость в современном мире 04.012
Тощенко Ж.Т. 04.011
Черный Ю.Ю. 04.005
Ядова М.А. 04.010
Ali M.S. 04.016
Alvesalo-Kuusi A. 04.009
Beasley R.K. 04.015
Beyene E. 04.016
Choi J. 04.003
Kaarbo J. 04.015
Khan A. 04.016
Kim J. 04.003
Kumar S. 04.014
Lallement M. 04.007
Pronovost G. 04.020
Radcliffe-Brown A.R. 04.019
Savransky M. 04.008
White D. 04.009

[1] В номерах рефератов алфавитного и предметного указателей год издания (2019) опущен.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (№ 1–4, 2019)

Азиатские страны 01.009
Андаманцы
– верования и суеверия 01.019, 02.021, 03.022
Анкетирование 01.016
Архетипы культурные 03.011

Бездомные 01.008
Безопасность (проблема) 03.021, 04.014, 04.018
Библиотеки публичные 04.006
Биографические исследования 03.001, 03.002, 03.003, 03.004, 03.005, 03.006
Биографический метод
– социальные науки 03.001, 03.002, 03.003, 03.004, 03.005, 03.006
Биомедицинские исследования 01.013
Болезни 01.013
Болезнь
– социологические исследования 03.006
Бугле С. 01.018
Буржуа Л. 01.018

Вебер М. 02.010
Внушение
– психология 03.016
Вооруженные конфликты
– Приднестровье 01.017
– Донбасс 01.017

Гендерные исследования 01.013, 03.011, 03.012
Геополитика 01.009, 01.010
– БРИКС 03.020
– европейские страны 02.015
– РФ 02.014
– США 02.016
– Чешская Респ. 03.017
– ШОС 03.020
Городская среда 01.001, 02.006, 02.007
Городского развития политика 02.006, 02.007
Государство
– участие в социально-экономическом развитии 02.001, 02.005, 02.008
Граффити 01.006

Дизайн городской среды 01.002, 01.005, 01.006
Досуг 04.020
Дюркгейм Э. 02.009, 02.010

Евразийское пространство 01.009
ЕС страны
– социально-экономический кризис
– – Франция 02.015

Жизнь 01.014
Жилая среда 01.004

Здоровье населения 01.013
– психическое здоровье 02.004
Здравоохранение 03.006
Зиммель Г. 02.009, 02.010
Знание 04.001, 04.002, 04.003, 04.004, 04.005, 04.006

Идентичность социальная 03.006, 03.010
Идентичность этническая 01.010
Интервью 01.016
Информационно-коммуникативные технологии 02.001, 02.006, 04.005
Инфраструктура городская 01.001, 01.004
Искусство и общество 01.006

Качество жизни 01.014
Конспирология
– социальная психология
– – теории, направления, концепции 03.007, 03.008, 03.009, 03.010
Контент-анализ 01.012
Корпоративная культура 03.015
Космополитизм 01.006

Лексико-семантическое поле 01.003
Ливанская война – 2006 01.011
Личность
– социальная психология 02.001, 02.002, 02.003
Лишение свободы
– моральные проблемы 03.005

Материнство 03.006
Медиаобразование 04.005
Медицина
– этические проблемы 01.014
Медицинская статистика 01.013
Медицинские услуги 03.006
Международные отношения
– РФ и западные страны 02.014
– США 02.016
Международный транспортный коридор 01.009
Межнациональные конфликты 01.017
Менеджмент
– теории, направления, концепции 02.020, 03.013–014, 03.015, 03.016
Мигранты
– Япония 03.012
Мобильность населения 01.007, 04.013
Модернизация общества 04.010
Молодежь
– социальная психология
– – РФ 03.018
– ценности
– – РФ 02.014
Мотивация 03.016
Мышление первобытное 03.022

Народные обряды и обычаи
– андаманские 01.019, 02.021, 03.022
Население
– Чешская Респ. 03.017
Население городское 02.006, 02.007
Национальная политика
– Китай 01.011
– страны Африки 04.019
Национальные меньшинства 01.011
Неолиберализм
– психологические исследования 02.001, 02.002, 02.003, 02.005
– социологические исследования 02.001, 02.005, 02.006, 02.007, 02.008
– медицина и глобальное здоровье 02.004
Новые технологии
– социально-экономические последствия применения 02.001, 02.006, 03.018, 03.021, 04.005

Образ жизни 01.007, 01.008

Образование 04.001, 04.002, 04.003, 04.004, 04.005, 04.006
Общественная жизнь 01.005
Общественное мнение
– молодежь
– – РФ 02.014
– Чешская Респ.
– – отношение к НАТО 03.017
Общественное сознание 01.018
Общество потребления 01.007
Опрос 01.016
Организационная культура 03.013–014, 03.015, 04.017

Пенитенциарная система
– Польша 03.005
Первая мировая война 02.010
Пища (этн.) 01.019
Поведение
– социальное 03.010, 03.012, 03.018
Пожилые
– образование 04.002
Поколение
– миллениалы
– – социологические исследования 03.018
Политическая активность
– РФ 02.017
Политическая антропология 01.011, 04.019
Политическая система 04.019
Потребности социальные 01.007
Практики социальные 03.018
Прекариат 04.011
Пространство социальное 01.005, 01.006
Путешествия 01.007

Районная планировка городов 01.004
Расовая и национальная дискриминация
– Франция 02.011, 02.012
– Великобритания 02.013
Региональная политика
– азиатские страны 01.010
Религиозная дискриминация
– Франция 02.011, 02.012
– Великобритания 02.013
Религиозность
– социологические исследования 2.011, 02.012, 02.013

Самоорганизация в природе и обществе 02.018, 02.019, 03.019
Сепаратизм 01.017
Синергетика 02.018, 02.019, 03.019
Синьцзян-Уйгурский авт. район 01.011
Светское и религиозное 02.011, 02.012, 02.013
Солидарность социальная 01.006, 01.007, 01.018
Сорокин П.А. 03.003
Социальная активность 01.004
Социальная организация и социальные институты 03.013–014, 03.015, 04.019
Социальная помощь 01.008
Социальная психология 01.008
Социальная роль 03.006, 03.010
Социальная справедливость 04.012
Социальная статистика 01.008
Социальное неравенство 04.012, 04.013
Социально-культурная сфера 01.002, 01.005
Социально-психологический климат 01.005
Социальные движения 02.017
Социальные ресурсы 04.010
Социальный активизм 02.004, 02.017
Социология
– история 02.009, 02.010, 04.007
– методология 03.001
– методы исследования 01.016, 03.001, 03.002, 03.003, 03.004, 03.005, 03.006

– теории, направления, концепции 02.009, 02.010, 03.005, 04.007, 04.008, 04.009, 04.010, 04.011
Социология города 01.001 02.006, 02.007
Социология досуга 04.020
Социология культуры 01.005, 01.006
Социология медицины 01.013
Социология неравенства 04.012, 04.013
Социология образования 04.001, 04.002, 04.003, 04.004, 04.005, 04.006
Социология организации и управления 01.015, 04.017
Социология поколений 03.018
Социология политики 03.017, 04.014, 04.015, 04.016, 04.019
– РФ 02.014, 02.017
– европейские страны
– – Франция 02.015
– США 02.016
Социология прикладная 01.016
Социология религии 01.019
– Франция 02.011, 02.012
– Великобритания 02.013
Социология улицы 01.002, 01.003
Социология управления 02.020, 03.013–014, 03.015, 03.016, 04.017
Средства массовой информации и политика 01.012
Стабильность социальная 01.007
Старение населения 01.004
Статистика населения 01.004
Стереотипы социальные 03.007, 03.008, 03.009, 03.010

Терроризм 03.021
Трансплантология 01.014

Уйгуры 01.011
Управление персоналом 01.015, 02.020, 03.016, 04.017

Феминизм 02.003
Философия жизни 01.007

Ценности социальные 01.019, 04.018
– молодежь 02.014
Цифровое общество 03.018, 03.021, 04.005

Человеческий капитал 01.015, 04.010

Шелер М. 02.010
Шютце Ф. 03.005

Экономика города 01.004
Экскурсии 01.006
Экстремизм этнорелигиозный 03.021, 04.014
Этническая культура 01.019
Этнические процессы 01.017
Этнические традиции 01.019

Составитель: *М.А. Ядова*

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Реферативный журнал

Серия 11

СОЦИОЛОГИЯ
2019 № 4

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман
Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Л.П. Казимирова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 30.08.1999 г.

Подписано к печати 10.12.2019

Формат 60×84/16	Бум. офсетная № 1
Печать офсетная	Цена свободная
Усл. печ. л. 12,25	Уч.-изд. л. 10,0
Тираж 300 экз.	Заказ № 142
(1–100 экз. – 1-й завод)	

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский просп., д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
E-mail: inion@bk.ru
Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов, ул. Чернышевского,
д. 88 литера У